

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный научный журнал

Издается с 1997 года
Выходит 4 раза в год
Саратов (Россия)

2023 Том 18 № 2 (38)

Speech Genres

International Journal

Published from 1997
4 issues per year
Saratov (Russia)

- Журнал «Жанры речи» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76706 от 02.09.2019 г.
- Подписной индекс издания 70771. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (uralpress.ru). Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (zhanry-rechi.sgu.ru)
- Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К1, специальности: 5.9.1, 5.9.3, 5.9.5, 5.9.8)
- Журнал входит в ядро РИНЦ, включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science
- Журнал входит в международные базы данных Scopus, ERIH PLUS, DOAJ

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

© Саратовский университет, 2023

Редакционная коллегия

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Кощеева, кандидат филол. наук, доц. (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

- В. М. Алтатов*, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Е. Ю. Викторова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Ст. Гайда, Ph.D., проф. (Ополе, Польша)
Е. И. Горошко, доктор филол. наук, проф. (Харьков, Украина)
М. Еленевская, Ph.D., проф. (Хайфа, Израиль)
Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
И. Э. Клюканов, Ph.D., проф. (Вашингтон, США)
Р. Лакофф, Ph.D., проф. (Беркли, США)
Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Э. Лассан, Ph.D., проф. (Каунас, Литва)
В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Витебск, Белоруссия)
А. Мустайоки, Ph.D., проф. (Хельсинки, Финляндия)
Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Минск, Белоруссия)
Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Омск, Россия)
В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Р. Ратмайр, Ph.D., проф. (Вена, Австрия)
В. А. Салимовский, доктор филол. наук, проф. (Пермь, Россия)
П. Серио, Ph.D., проф. (Лозанна, Швейцария)
О. Б. Сиротина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
М. Сифиану, Ph.D., проф. (Афины, Греция)
Т. И. Стексова, доктор филол. наук, проф. (Новосибирск, Россия)
З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Павлодар, Казахстан)
Р. Г. Тирадо, Ph.D., проф. (Гранада, Испания)
Хуан Мэй, Ph.D., проф. (Пекин, КНР)
Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Великий Новгород, Россия)

Editorial Board

Editor-in-Chief

Vadim V. Dementyev (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Deputy Editor-in-Chief

Lubov' V. Balashova (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>

Executive Secretary

Olga V. Koshcheeva (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-8506-0867>

Members of the Editorial Board:

- Vladimir M. Alpatov* (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>
Elena G. Elina (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>
Stanisław Gajda (Opole, Poland), <https://orcid.org/0000-0002-2288-9723>
Olena I. Goroshko (Kharkov, Ukraine), <https://orcid.org/0000-0002-8592-1022>
Vladimir I. Karasik (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>
Robin Lakoff (Berkeley, USA)
Igor E. Klyukanov (Washington, USA), <https://orcid.org/0000-0003-2240-0980>
Tat'yana V. Larina (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>
Eleonora Lassan (Kaunas, Lithuania), <https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>
Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8717-9231>
Mei Huang (Beijing, China), <https://orcid.org/0000-0003-3580-0107>
Arto Mustajoki (Helsinki, Finland), <https://orcid.org/0000-0002-6609-7090>
Boris Y. Norman (Minsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>
Natalia V. Orlova (Omsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>
Valeri V. Prozorov (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>
Renate Rathmayr (Vienna, Austria), <https://orcid.org/0000-0003-3038-2276>
Vladimir A. Salimovsky (Perm, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-4925-2490>
Patrick Sériot (Lausanne, Switzerland), <https://orcid.org/0000-0002-4805-883X>
Tat'yana V. Shmelyova (Velikiy Novgorod, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3360-0518>
Maria Sifianou (Athens, Greece), <https://orcid.org/0000-0002-3231-937X>
Olga B. Sirotinina (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3258-4536>
Tat'yana I. Steksova (Novosibirsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>
Zifa K. Temirgazina (Pavlodar, Kazakhstan), <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>
Rafael Guzman Tirado (Granada, Spain), <https://orcid.org/0000-0002-4615-6436>
Elena Yu. Viktorova (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3989-1897>
Maria Yelenevskaya (Haifa, Israel), <https://orcid.org/0000-0001-7155-8755>

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования отдельных жанров

- Темиргазина З. К.,
Абзуддинова Г. К.,
Сагынтаева Ж. К.**
Павлодар, Казахстан
- Жанр проклятия 'қарғыс' в казахском языке:
вера в магическую силу слова сохраняется до сих пор? 110
- Жандарова А. Н.,
Крючкова О. Ю.**
Саратов, Россия
- Речежанровая репрезентация пищевой традиции
(на материале вологодских говоров)..... 118
- Викторова Е. Ю.**
Саратов, Россия
- Хеджи vs бустеры: коммуникативное смягчение
и усиление в жанре официального отзыва
на диссертацию 126

Жанры в художественном творчестве

- Гапоненков А. А.**
Саратов, Россия
- Религиозно-философские диалоги в романе
Достоевского «Бесы» 132
- Пономаренко Е. А.**
Симферополь, Россия
- От врачебного диалога к бытийному конфликту:
динамика речевых жанров в рассказе А. П. Чехова
«Враги» 138
- Прозоров В. В.**
Саратов, Россия
- Поэтика человеческого общения в очерке
К. Д. Ушинского «Поездка за Волхов» 146

Жанры СМИ

- Дегальцева А. В.,
Сиротинина О. Б.**
Саратов, Россия
- Изменения в информационных и аналитических жанрах
современных СМИ 155
- Елина Е. Г.**
Саратов, Россия
- Жанровая палитра литературных материалов
на страницах газеты «Саратовский вестник» 1910-х годов 166

Интернет-жанры

- Щипицина Л. Ю.**
Архангельск, Россия
- Жанры учебного онлайн-дискурса: от учебного сайта
до синхронного онлайн-урока 175
- Видинеева Н. Ю.**
Пенза, Россия
- Имплицитное выражение политической позиции
в жанре политического блога 186

Жанры в фило- и онтогенезе

- Рабенко Т. Г.,
Горовая Я. О.**
Кемерово, Россия
- Признаки игры в жанровой структуре девичьего альбома 195

CONTENTS

Studies of Individual Genres

- Temirgazina Z. K.,
Abzuldinova G. K.,
Sagyntaeva Zh. K.**
Pavlodar, Kazakhstan
- The curse genre of 'Kargys' in the Kazakh language:
Is the belief in the magical power of the word still preserved? 110
- Zhandarova A. N.,
Kryuchkova O. Yu.**
Saratov, Russia
- Speech-genre representation of the food tradition
(based on Vologda dialects) 118
- Viktorova E. Yu.**
Saratov, Russia
- Hedges vs boosters: Communicative mitigation
and enhancement in the genre of dissertation review..... 126

Genres in Art

- Gaponenkov A. A.**
Saratov, Russia
- Religious and philosophical dialogues in Dostoevsky's
novel Demons..... 132
- Ponomarenko E. A.**
Simferopol, Russia
- From medical dialogue to existential conflict: The dynamics
of speech genres in A. P. Chekhov "Enemies"..... 138
- Prozorov V. V.**
Saratov, Russia
- Poetics of human interaction in K. D. Ushinsky's essay
"A Travel to Volhov"..... 146

Genres of Mass Media

- Degaltseva A. V.,
Sirotnina O. B.**
Saratov, Russia
- Changes in informative and analytical genres of modern
media 155
- Elina E. G.**
Saratov, Russia
- Genre variety of literary materials on the pages
of the newspaper "Saratovsky Vestnik" of the 1910s..... 166

Internet Genres

- Shchipitsina L. Yu.**
Arkhangelsk, Russia
- Genres of online learning discourse: From learning website
to e-lesson 175
- Vidineeva N. Yu.**
Penza, Russia
- Implicit expression of political stance in political weblogs 186

Genres in Philo- and Ontogenesis

- Rabenko T. G.,
Gorovaya Ya. O.**
Kemerovo, Russia
- Play characteristics in the genre structure of girl's diary 195

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 110–117

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 110–117

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-110-117>, EDN: VHAOGM

Научная статья

УДК 811.512.122'373'47

**Жанр проклятия 'қарғыс' в казахском языке:
вера в магическую силу слова сохраняется до сих пор?**

З. К. Темиргазина[✉], Г. К. Абзулдинова, Ж. К. Сагынтаева

Павлодарский педагогический университет имени Алькея Маргулана, Казахстан, 140005,
г. Павлодар, ул. Мира, д. 60

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, zifakakbaevna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Абзулдинова Гульсум Кенжебековна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и литературы, guleke160265@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9108-892X>

Сагынтаева Жулдуз Кайратовна, Ph.D., старший преподаватель кафедры казахского языка и литературы, abitovad@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-2345-6789>

Аннотация. Речевой жанр проклятия, анализируемый в статье, относится к древнейшим жанрам устной коммуникации в казахской культуре. Он основан на вере в магическую функцию слова, в способность принести вред и зло проклинаемому с помощью магических сил. Қарғыс – это паттерн, его устойчивые вербальные формулы сохраняются в языковом сознании современных носителей языка, несмотря на то что архаические основы паттерна могут не полностью осознаваться ими. Целью статьи является анализ специфики пропозиционального устройства жанра проклятия в казахском языке, типологизация по характеру наносимого адресату вреда и зла, выявление некоторых культурно-языковых и прагматических особенностей этого речевого жанра. Так, например, для осуществимости и силы воздействия қарғысов важен статус проклинающего и проклинаемого – возрастной, семейный, социальный. Значима и принципиальна объективация в қарғысе глагольного предиката, даже усеченные формы сохраняют его. Актанты в структуре пропозиции проклятия факультативны, их элиминация осуществляется на различных семантико-прагматических основаниях. В казахском языке предусмотрены формулы противодействия деструктивному жанру проклятия, включающие в себя формулу лишения силы проклятия и формулу его возврата проклинающему.

Ключевые слова: устный речевой жанр, қарғыс, казахский язык, магическая функция слова, пропозиция, актанты, семантический тип, актор, топос

Для цитирования: Темиргазина З. К., Абзулдинова Г. К., Сагынтаева Ж. К. Жанр проклятия 'қарғыс' в казахском языке: вера в магическую силу слова сохраняется до сих пор? // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 110–117. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-110-117>, EDN: VHAOGM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**The curse genre of 'Kargys' in the Kazakh language:
Is the belief in the magical power of the word still preserved?**

Z. K. Temirgazina[✉], G. K. Abzuldinova, Zh. K. Sagyntaeva

Margulan Pavlodar Pedagogical University, 60 Mira St., Pavlodar 140005, Kazakhstan

Zifa K. Temirgazina, zifakakbaevna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Gulsum K. Abzuldinova, guleke160265@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9108-892X>

Zhulduz K. Sagyntaeva, abitovad@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-2345-6789>

Abstract. The speech genre of curse analyzed in the article belongs to the most ancient genres of oral communication in Kazakh culture. It is based on belief in the magical function of the word, in the ability to bring harm and evil to the cursed with the help of magical powers. Kargys is a pattern, its stable verbal formulas are preserved in the linguistic consciousness of the modern native speakers, despite the fact that the archaic foundations of the pattern may not be fully understood by them. The aim of the article is to analyze the aspects of the propositional structure of the genre of curse in the Kazakh language, to typologize the nature of harm and evil inflicted on the addressee, to identify some cultural, linguistic and pragmatic features of the speech genre. For example, for the feasibility and strength of the influence of the kargys, the status of the one who curses and the one who is cursed is important – the age, the family, the social status. The objectification of the verbal predicate in the kargys is significant and fundamental, even the contracted forms preserve it. The actants in the structure of the proposition of curse are optional; their elimination is carried out on various semantic and pragmatic grounds. The Kazakh language provides formulas for counteracting the destructive genre of curse, including the formula for depriving the force of the curse and the formula for returning it to the one who curses.

Keywords: oral speech genre, kargys, the Kazakh language, magic function of a word, proposition, actants, semantic type, actor, topos

For citation: Temirgazina Z. K., Abzuldinova G. K., Sagyntaeva Zh. K. The curse genre of 'Kargys' in the Kazakh language: Is the belief in the magical power of the word still preserved? *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 110–117 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-110-117>, EDN: VHAOGM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Проклятие относится к древнейшим устно-речевым жанрам и представляет собой вербализованное пожелание зла кому-либо, основанное на убеждении носителей архаического сознания в магической силе слова [1: 8]. В этнолингвистическом словаре оно определяется как «словесная формула, содержащая пожелание бед и несчастий в адрес конкретного лица (группы лиц, народа, животных, природных объектов и стихий, в адрес мифологических персонажей и т. п.); вербальный ритуал, имеющий целью магической силой слова нанести урон обидчику, недругу, наслав на него злой рок; демонстративный акт разрыва семейных или социальных связей с человеком – нарушителем законов и обычаев. Произнесение П. регламентировалось в соответствии с обстоятельствами» [2: 286]. Е. Л. Березович говорит о первичной функции речевого жанра (далее РЖ) проклятия и последующем расширении его функций: «Изначально проклятия несли магическую функцию – покарать словом, затем формулы проклятий стали употребляться, кроме магической, и в функции “эмоциональной разрядки”» [3: 67]. Изменив свою первичную магическую функцию в ее изначальном архаическом ритуальном представлении, РЖ проклятия активно функционирует в речи современных носителей языка и культуры как пожелание зла кому-либо в эмоционально напряженной конфликтной ситуации. Хотя исследователи и говорят о редуцированности или даже утрате проклятиями своего изначального магического предназна-

ния, их употребление в современной речи, частотность и распространенность этого жанра показывает, что в области подсознательного и бессознательного человек упорно сохраняет веру в могущество слова, в его способность навредить. Иначе в ситуации острого эмоционального конфликта человек ограничивался бы использованием таких деструктивных жанров, как оскорбление, ругань, обзывание, поношение и т. п. [4], непосредственно не основанных на магической силе слова, и не прибегал бы к проклятиям как средству нанести обидчику моральный и физический вред.

К проклятию как лингвистическому объекту проявляли интерес Л. Н. Виноградова, И. А. Седакова [2], Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова [3], Л. Н. Виноградова [5], Л. В. Балашова [6], Д. В. Медведева, Н. А. Депутатова [7], И. В. Крюкова [8] и др. В монографии Т. Джем «Why We Curse. A neuro-psycho-social theory of speech» [9] детально описаны психологические, социальные, религиозные и культурные факторы проклятия, выявлена его психолингвистическая природа, связь с речевой агрессией, описаны лексика, семантика и синтаксис проклятия в английском языке. Проклятию также посвящены англоязычные статьи Sh. H. Blank [10], Ch. F. Fensham [11] и др. В казахском языкознании проклятие исследовалось в работах С. Қасқабасова [1], Б. Оспана [12], Р. Ш. Байдуллаевой, Н. Б. Айнабекова [13], Б. Бопайұлы [14], Б. Уахатова [15] и др.

Одним из важнейших аспектов изучения проклятия является установление его культурно-специфических форм, обусловленных языческим, религиозным, мифологическим

мировоззрением носителей языка и культуры, в которой сформировался, бытует и до сих пор функционирует названный РЖ. «Устно-речевой жанр рассматривается нами как одна из самых древних форм человеческого бытия и трансляции культурных смыслов. Именно в нем можно найти отражение всех накопленных и отображенных народом ракурсов мировидения, его содержания, а также проекции своеобразного ощущения порядка жизни» [16: 83]. Проклятие определяется многими исследователями как речевая формула – шаблонное, клишированное высказывание, или паттерн. Паттерн как устойчивый образец социокультурного сознания и поведения стал объектом исследования в работе У. Лабова [17]. Культурные паттерны, обусловленные мифологическим, религиозно-мистическим и языческим мышлением, зафиксированы в типовых формулах речи, которые как бы «консервируют» их, даже если носители языка не до конца осознают их первоначальный смысл либо вообще утратили их понимание.

Цель статьи – определить особенности пропозициональной структуры устного речевого жанра проклятия в казахском языке, его семантические типы и культурно-языковые особенности. Материал извлечен из фразеологического словаря казахского языка І. К. Кеңесбаева (2007), были отобраны единицы с пометой “қарғыс” в количестве 247. В качестве методов исследования использовался анализ актантного состава пропозиции, заключенной в қарғысах; затем осуществлялся контент-анализ по характеру вреда и ущерба, семантическая типологизация қарғысов, анализ культурно-специфических метафор, лексического состава речевого жанра со стилистической точки зрения.

1. Пропозициональная структура казахского проклятия қарғыс

Қарғыс, или проклятие, типологически определяется казахскими исследователями как фольклорный жанр [1], их тексты включаются в собрания, антологии казахского фольклора [14; 15] и фразеологические словари [18]. Существительное қарғыс образовано от глагола қарғау в значении “проклинать; ругать” [19: 277], которое словообразовательно связано с глаголом қарғану “клясться” [19: 277]. Отметим, что в казахском, как и в русском языке, понятие проклятия семантически и словообразовательно связано с понятием «клятва». В этимологическом словаре тюркских языков слово қарғы имеет два значения “проклинать, клясть – во всех источниках” [20: 305].

Е. Л. Березович называет и характеризует типы актантов, входящих в пропозициональную структуру славянских проклятий: «Помимо

предиката, в устойчивую логическую структуру проклятий входят другие актанты, основные из них таковы: о б ъ е к т – лицо, которому желают зла, а к т о р, действующий в проклятии и призванный навредить объекту (субъект-каузатор действия), т о п о с – отдаленное/опасное место, куда должен отправиться проклинаемый» [3: 68–69]. Помимо перечисленных актантов, мы считаем необходимым включить в пропозицию говорящего – субъект, выражающий пожелание и произносящий проклятие, который обычно манифестируется местоимениями 1-го лица в перформативных проклятиях-декларациях *Я проклиная тебя!* [8: 13–14].

В казахском языке не используется перформативная форма 1-го лица единственного числа настоящего времени индикатива *қарғаймын* (букв. ‘проклиная’) от глагола *қарғау*. Казахи не говорят *Мен сені қарғаймын!* (‘Я тебя проклиная!’), а выбирают более нейтральную форму выражения проклятия, в которой не указывается говорящий как 1-е лицо. Иначе говоря, ответственность за произнесение проклятия говорящий прямо не берет на себя, так как это осуждаемое социумом деяние. Следовательно, в пропозиции элиминируется субъект речи: *Қарғыс атсын!* (‘Будь проклят!’); *Қарғыс сені атсын!* (‘Будь ты проклят!’); *Қарғыс тисін!* (‘Будь проклят!’); *Қарғыс саған тисін!* (‘Будь ты проклят!’) [18: 181]; *Антұрған!* (‘Пусть поразит тебя клятва!’ в значении “Будь проклят!”). Последнее выражение представляет собой композит *антұрған*: *ант* – ‘клятва’, *ұру/ұрған* – ‘поразить/поражать’.

Наиболее типичной формой глагольного предиката в казахских қарғысах является специфическая форма глагола в повелительном наклонении 2-го лица в предположительном значении, которая оформляется с помощью аффиксов *-ғыр/-гір*, *-қыр/-кір*: *Жәйрап қалғыр!* (‘Чтоб ты околел!’). Указанная форма глагола выражает оптативную модальность высказывания. И. Р. Крюкова называет этот тип злопожеланиями, в отличие от перформативных проклятий-деклараций и проклятий-пожеланий [8: 14]. Кроме этого, глаголы могут употребляться в форме повелительного наклонения 3-го лица с аффиксами *-сын/-сін*, *-тын/-тін*, *-дын/-дін*: *Жәйрап қалсын!* (‘Пусть околел!’).

Относительно облигаторности актантов высказывается мнение о необязательности всех актантов в структуре славянских проклятий: «Симптоматично, что ни один из актантов не является строго обязательным (эксплицированным в абсолютном большинстве текстов), в том числе предикат – при всей его принципиальной значимости. ... В ряде текстов предикат элиминируется и замещается другими компонентами логической структуры – например,

актером или топосом, которые берут на себя функцию главного «проводника» иллокутивной цели (причинение вреда словом = действием)» [3: 69]. В казахских қарғысах также могут быть элиминированы все актаны – субъект речи, актер, топос, кроме глагольного предиката. Нами не выявлены случаи устранения из пропозициональной структуры глагольной формы, усеченные формы проклятия также сохраняют предикат: *Жайрағыр!* ('Чтоб ты околел!'); *Жүгірмек! Жүгірмек сол!* ('Чтоб ты не смог ходить/бегать!').

Актаны в пропозициональной структуре казахского қарғыса не носят облигаторный характер в силу разных причин:

1) субъект-говорящий не обозначает себя из-за страха и опасения, что произносящий проклятие совершает не одобряемое социумом, табуированное действие и мистическое зло может обернуться против него самого [21];

2) адресат проклятия известен из ситуации, так как жанр проклятия всегда совершается в непосредственной межличностной коммуникации – лицом к лицу и не требует обязательной манифестации адресата; иногда название его является семантически избыточным, так как в глагольной форме содержится указание на форму 2-го лица;

3) актер, призванный субъектом речи навредить адресату, тоже не всегда обозначается, так как в языковом сознании казахов существует социокультурный паттерн как устойчивое представление о магических силах, демонах, злых духах, способных осуществить призываемую кару.

Одним из существенных содержательных признаков РЖ проклятия является культурный паттерн «вред проклиняемому человеку наносится воздействием мистических сил, вызванных прокливающим». Так, Л. В. Балашова полагает, что для проклятия «принципиально значимым становится мистический/религиозный фактор: негативные последствия для объекта/адресата должны произойти в результате действия третьих (сакральных) сил» [6: 12]. В казахских қарғысах актером традиционно выступают персонажи народной демонологии *сайтан* ('черт'), *пері* ('чертовка'), *аруақ* ('духи предков'), *Тәңір* ('Тенгри') и др.: *Сайтан алғыр!* ('Чтоб тебя шайтан забрал!'); *Аруақ атқыр/ұрғыр!* ('Чтоб тебя духи предков наказали!') [18: 30]; *Тәңір алғыр!* ('Чтоб тебя Тенгри забрал!') [18: 30]. В качестве топоса в қарғысах упоминается могила или тот свет – мир мертвых, куда желательно отправить прокливаемого [22]: *Көріңде өкіргірі!* ('Чтоб ты ревел в могиле!'); *Екі дүниеден қызық көрмегірі!* ('Чтоб ты не видел счастья ни на этом, ни на том свете!').

Для казахов важно, кем и по отношению к кому осуществляется ритуал проклятия, так как от этого зависит его осуществимость в реальности и сила проклятия. В пословицах *Ит қарғысы бөріге жұқпас* ('Собачье проклятие к волку не пристанет'), *Қой қарғысы бөріге жетпейді* ('Проклятие овцы до волка не дойдет') как раз говорится о том, что проклятие, наложенное человеком, статус которого ниже статуса адресата, не будет действовать, причем речь идет о возрастном, семейно-родственном, социальном статусе, а не о материальном. *Ит* ('собака') и *қой* ('овца') в мифологическом сознании казахов по иерархии ниже *бөрі* ('волк'), тотемного животного древних тюрков. Так, например, в глазах казахов, злопожелание детей в адрес родителей или младшего по возрасту в адрес старшего вполне может не иметь никакой силы. Зато очень большой магической силой обладают проклятия отца, матери или уважаемого старца – ақсақала.

Важно отметить, что в казахской речевой культуре предусмотрены способы ответного противодействия проклятию с помощью, во-первых, формулы лишения силы воздействия произнесенного проклятия: *Қарғысың қара тасқа!* ('Пусть твое проклятие останется без последствий!') [18: 182] и, во-вторых, формулы возврата проклятия, или "бумеранга": *Қарғысың қара басыңа көрінсін!* ('Пусть твое проклятие падет на твою голову!') [18: 182].

2. Семантические типы проклятия в казахском языке

Проведенный анализ семантики қарғысов позволил выделить несколько типов проклятий с учетом характера ущерба и вреда, направленного на прокливаемого: пожелание смерти; пожелание болезней и другого физического ущерба (травмы, ранений); пожелание нетрудоспособности и инвалидности; пожелание несчастий, невезения; пожелание вреда семье и роду; пожелание материального ущерба.

1. Пожелание смерти. В проклятии используется либо прямая номинация *өлім* ('смерть'), либо образные выражения *жаны шығу* ('душа покидает'), *желкең қиылу* ('свернуть шею'), либо стилистически сниженные грубопросторечные глаголы *арам қату* ('сдохнуть'), *жәйрап қалу* ('околеть'): *Өлім келгірі!* ('Чтобы смерть тебя настигла!') [18: 289]; *Жаның шыққыр!* ('Чтоб душа из тебя вышла!') [18: 105]; *Желкең қиылғыр!* ('Чтоб ты свернул шею!') [18: 110]; *Арам қатқыр! Арам қат!* ('Чтоб ты сдох как поганый/как падаль!') [18: 27]; *Жәйрап қалғыр! Жәйрап қалсын! Жәйрап қал!* или усеченные варианты этого выражения *Жайрағыр! Жайрағыр сол!* ('Чтоб ты околел!') [18: 97]. Часто выражается пожелание умереть молодым:

Қыршыныңнан қиылғыр! ('Умереть тебе в молодом возрасте!') [18: 207]; *Қаршадай солғыр!* ('Чтоб ты умер молодым!') [18: 207]. В проклятии могут упоминаться отдельные события, действия, предметы, имеющие отношение к ритуалу смерти – похороны, погребение, могила: *Қара сорпаңды ұрттатқыр!* ('Чтобы мне на твоих похоронах есть ритуальную пищу!') [18: 181]; *Көмусіз қалғыр!* ('Остатья тебе непогребенным!'); *Көріңде өкіргір!* ('Чтоб ты ревел в могиле!') [18: 228]. Обозначение похорон образным выражением *қара сорпа* ('бульон черного цвета') очень специфично и связано с похоронным обрядом кочевников-тюрков, когда обязательной частью ритуала было жертвоприношение животного, а затем угощение участников сорпой – мясным бульоном жертвенного животного.

2. Пожелание исчезновения с лица земли, «пропадания», «забирания»: *Құрып қалғыр!* ('Пропади ты пропадом!') [18: 202]; *Адыра қалғыр!* ('Пропади пропадом!') [18: 27]; *Сайтан алғыр!* ('Чтоб тебя шайтан забрал!'); *Тәнір алғыр!* ('Чтоб тебя Тенгри забрал!') [18: 30]. Мистические силы, которые должны способствовать исчезновению, пропаданию человека, иногда эксплицируются (*сайтан*, *Тәнір*), но чаще остаются в имплицитивных смыслах высказывания. Примечательным является пожелание исчезновения не только самого человека, но даже его имени: *Атың құрысын!* *Атың өшкір!* ('Чтоб имя твое исчезло!') [18: 37].

3. Пожелание болезней, физического ущерба. Среди болезней упоминаются *алалес* ('проказа'), *қағын* ('воспаление'), *көк түйнек* ('болезнь детей'), *қара талақ* ('сильная боль в селезенке'); *Көк түйнек болғыр!* ('Чтоб ты заболел') [18: 150]; *Алалеске ұшрағыр!* ('Чтоб ты заболел проказой!') [18: 34]; *Қағынды келгір!* ('Чтоб заболел воспалением легких!') [18: 168]; *Қара талақ келгір!* ('Чтоб пришла сильная боль в твою селезенку!') [18: 182]. Физические повреждения касаются наиболее важных и функционально значимых частей тела – *бет* ('лицо'), *жүз* ('лицо'), *тіл* ('язык'), *ауыз* ('рот'), *жағы* ('челюсти'), *тамақ* ('глотка') [23]. Именно они оказываются самыми уязвимыми с точки зрения проклинающего: *Бетің тіліңгір!* ('Чтоб твое лицо было исполосовано!') [18: 67]; *Жүзің күйгір!* ('Чтоб лицо твоё обгорело!') [18: 119]; *Тілің кесілгір!* ('Чтоб твой язык был изрезан!') [18: 295]; *Жағың қарысқыр!* ('Чтоб твои челюсти свело!') [18: 98]; *Аузыңа құм куйылғыр!* ('Чтоб тебе в рот песок засыпался!') [18: 39]; *Тамағыңа тас тығылғыр!* ('Чтоб камень застрял в твоей глотке!') [18: 270]. Такое «внимание» к языку, рту, челюстям, глотке, видимо, обусловлено тем, что они принимают непосредственное активное участие в производстве устной речи в конфликтной ситуации,

и поражение этих частей является попыткой проклинающего заставить замолчать противоположную сторону. Среди внутренних органов упоминаются *іші* (живот), *бүйрек* (почки), *ішегі* (кишки): *Бүйрегің шыққыр!* ('Чтоб вылезли твои почки!') [13: 229]; *Ішің жарылсын!* ('Чтоб лопнул твой живот!'); *Ішегің үзілгір!* ('Чтоб у тебя кишки разорвались!') [18: 323]. Глагольные предикаты, используемые в этих проклятиях, носят интенсивный разрушительный характер: *жарылу* ('лопнуть'), *үзілу* ('разорваться'). Отдельно можно выделить пожелание ущерба психическому здоровью человека: *Ақылыңнан адасқыр!* ('Чтоб ты с ума сошёл!') [18: 19].

4. Пожелание инвалидности, нетрудоспособности: *Қолың сыңғыр!* ('Чтоб твои руки сломались!') [13: 229]; *Көзің аққыр!* ('Чтоб твои глаза вытекли!') [18: 146]; усеченные варианты проклятий *Жүгірмек!* *Жүгірмек сол!* ('Чтоб ты не смог ходить/бегать!'). В выражении *Қолың көтіңе жетпегір!*, дословно означающем 'Чтоб твои руки не доставали до задницы!', реальная ситуация неспособности человека выполнять элементарные действия образно интерпретируется как общая нетрудоспособность и инвалидность. Выражение приобретает значение "Чтоб ты стал нетрудоспособным/инвалидом!"

5. Пожелание несчастий, голода, постоянного невезения: *Екі дүниеден қызық көрмегір!* ('Чтоб ты не видел счастья ни на этом, ни на том свете!'); *Бағың ашылмасын!* ('Пусть сопутствует тебе невезение!') [13: 228]; *Жетпегір!* ('Чтоб ты не достиг своего!'); *Қыршың қиылғыр!* ('Чтоб пресеклась твоя молодость!') [18: 207]; *Құлқыны құрсын!* ('Чтоб никогда не насытился!') [13: 226].

Проклятие *Шашың кесілсін!* ('Пусть будут отрезаны твои волосы!') в значении "Пусть будет отрезано твое счастье/ отрезана дорога к счастью!" относится к гендерно ориентированным. Оно адресуется только женщинам. Волосы у казахов имеют сакральное значение: их нельзя сжигать, разбрасывать где попало, бросать в мусор, наступать на них. Волосы, по поверью, – это сила, счастье, благополучие, успех и удача. Отрезать волосы означает "отрезать дорогу, свое счастье". Волосы у девочек подстригали один раз – когда исполнялось сорок дней со дня рождения. Проклятие *Қара шашы жайылсын!* ('Чтоб тебе распустить волосы!') [18: 181] тоже адресуется женщинам и девушкам и означает "Чтоб у тебя умер кто-нибудь из близких!" Это выражение связано с обычаем распускать волосы при оплакивании близкого человека – отца, мужа и т.д. Таким образом, метафорическая форма выражения этих проклятий основана на специфических культурных традициях, которые могут быть поняты носи-

телем другого языка и культуры с помощью дополнительных пояснений и комментариев.

6. Пожелание вреда семье и роду. В проклятиях содержалось пожелание пресечения рода: *Қу бас қал!* ('Чтоб остался одиноким!') [18: 194]; *Тұқымың құрғыр!* ('Чтоб исчезло твое семейство!') [18: 287]; *Көктемегір!* ('Чтоб тебе не зеленеть!' в значении "Чтоб ты не имел детей/потомства!"). К. Уразаева пишет о значимости подобных проклятий для казахов, поскольку они издревле сохраняли родовой уклад и родовые традиции, продолжателями которых были дети: «... Самое большое сочувствие человеку было связано с отсутствием детей. Не случайно по этой же логике самым страшным проклятием у казахов является "көктемегір", дословно "не зеленеть", т. е. не иметь продолжения рода» [24]. В эту же группу входят пожелания смерти и несчастий семье: *Түндігің ашылмасын!* ('Чтоб был закрыт твой дом!'); *Қатын-бала шағаң шулап қалғыр!* ('Чтоб твои дети и жена остались без присмотра и заботы!') [13: 227].

7. Пожелание материального ущерба, бедности, лишения достатка. Эта семантическая группа проклятий касается преимущественно главного богатства казаха-кочевника – мал ('скот'): *Мал көрмегір!* ('Быть тебе без скота!') [18: 213]; *Малың қырылғыр!* ('Чтобы твоя скотина передохла!') [18: 214]. В ряде проклятий формальным адресатом выступает скот (верблюды, овцы, коровы, козы), на которых насылаются конкретные болезни – *сап* ('чума'), *топалан* ('сибирская язва'), *қарасан* ('эмхар'), *мәлік* ('верблюжья болезнь'), *бықырт* ('болезнь овец'), *көк шешек* ('болезнь коз'), *кебенек* ('болезнь коз'): *Сап болғыр!* ('Пусть нападет на твой скот чума!'); *Топалаң болғыр!* ('Пусть нападет сибирская язва!'); *Мәлік келгір!* ('Пусть на верблюдов падет болезнь!') [13: 228]; *Бықырт тигір!* ('Пусть нападет на твоих овец болезнь!') [18: 304]; *Қарасан келгір!* ('Пусть нападет на коров эмхар!') [18: 181]; *Көк шешек келгір!* ('Пусть придет козья болезнь!'); *Кебенек келгір!* ('Пусть придет козья болезнь!') [18: 150].

Реже пожелание ущерба касается других видов собственности – земли, пастбищ, дома, домашней утвари: *Өрісіңді өрт алғыр, жайлауыңды жау алғыр!* ('Чтоб землю твою охватил пожар, а твоими пастбищами завладел враг!') [18: 241]; *Үйің күйгір!* ('Чтоб сгорел твой дом!') [18: 302]; *Қазаның қақ айырылғыр!* ('Чтоб твой казан раскололся надвое!') [18: 169].

Воздействующая перлокутивная, или «магическая», сила проклятий определяется, помимо статусных взаимоотношений проклинающего субъекта и адресата, о чем мы говорили выше, аксиологическим фактором. Иначе говоря, она зависит от места, которое занимает в ценностной картине мира языкового сообщ-

ества объект проклятия (понятие, предмет и т. п.). Чем выше место объекта в иерархии ценностей, тем сильнее перлокутивный эффект воздействия на адресата.

3. Теріс бата – «благословение наоборот»

Исследователи отмечают тесную взаимосвязь речевых жанров *бата* ('благословение', или 'благопожелание') и *қарғыса*, определяя их как «двуединный феномен, существующий в языке, функциональное назначение которых заключается в прагматической нацеленности первого на установление и поддержание психологического комфорта при общении, тогда как функция проклятий заключается в том, чтобы вызвать у оппонента негативные чувства, причинить ему моральный урон, снизить уровень его самооценки» [16: 82]. С аксиологической и прагматической точек зрения эти РЖ противостоят друг другу, однако в казахской культуре существует специфический речевой жанр *теріс бата* ('благословение наоборот' или 'обратное благословение'), в котором они некоторым образом совмещаются. Это своеобразный вид проклятия, отличающийся от традиционного тем, что, во-первых, словесное выражение обязательно сопровождается таким важным невербальным элементом обряда, как жест рук, направленный ладонями от себя. Во-вторых, его вербализация не является паттерном, шаблоном, как в традиционных *қарғысах*; *теріс бата* носит свободный, спонтанный характер выражения. «У "теріс бата" нет конкретного текста, потому как казахи руководствуются правилом "держишься подальше от *теріс бата*". Но если подобное все же случалось, осмелившийся пойти на это сам решал, что говорить» [12].

Б. Оспан описывает случай применения *теріс бата*, которое совершил узнавший о гибели единственного ребенка, убитый горем отец в адрес хана Кене и батыра Ағыбая:

*Бостан бай слезы лил, как из ручья,
Напился горя сполна, теперь и жизнь ничья.
Узнав все, как было в проклятом походе,
Ладони от себя протянув, промолвил слова:
– Народ уважает тебя, хан мой Кене,
Что ты сделал средь ясного дня?
Перевернув вверх дном все в моем ауле,
Чего ты добился, в чем обида твоя?
Ты сразился с безвинной душой,
Я обливаюсь черной слезой [12].*

Обряд *теріс бата* считается у казахов табуированным и, соответственно, крайне редким, решиться на него мог человек лишь в исключительных случаях, отчасти оправдывающих использование этого обряда.

Заключение

Таким образом, устный речевой жанр проклятия представляет собой сугубо специфическую систему семантико-прагматических, лингвокультурных и функционально-стилистических черт, которая возникла в архаическом сознании и является порождением мистических, языческих и религиозных воззрений на магию слова. Рассматриваемый речевой жанр относится к древнейшим жанрам фольклора и представляет собой вербальные паттерны, устойчивые формулы которого сохраняются в языковом сознании современных носителей языка, хотя архаические основы паттерна могут не всегда осознаваться ими. Функциони-

рование проклятий в современной устной речи свидетельствует о том, что вера в магическую функцию слова не утрачена и, возможно, сохраняется на уровне подсознания носителей языка.

Актанты в пропозициональной структуре проклятия факультативны, могут быть опущены по различным семантико-прагматическим условиям. Обязателен только предикат в силу его принципиальной значимости, он сохраняется даже в усеченных формах РЖ проклятия. На основе характера вреда и зла, направленного на адресата, выделены и проанализированы семь групп проклятий, которые обладают комплексом семантико-прагматических и культурно-языковых особенностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Қасқабасов С.* Ойөріс. Алматы : Жібек Жолы, 2009. 303 б.
2. *Виноградова Л. Н., Седякова И. А.* Проклятие // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого: в 5 т. Т. 4. М. : Международные отношения, 2009. С. 286–296.*
3. *Березович Е. Л., Сурикова О. Д.* К реконструкции лексического состава русских народных проклятий: общая характеристика предиката проклятия // *Jezikoslovni zapiski. 2017. № 2 (23). С. 67–81.*
4. *Temirgazina Z.* Effective communicative strategies and tactics in verbal aggression situations // *World Applied Sciences Journal. 2013. Vol. 24, № 6. P. 822–825.*
5. *Виноградова Л. Н.* Формулы угроз и проклятий в славянских заговорах // *Заговорный текст: Генезис и структура. М. : Индрик, 2005. С. 425–440.*
6. *Балашова Л. В.* Речевые жанры в русской идиоматике (семантический и концептуальный аспекты) // *Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 6–29. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-6-29>*
7. *Медведева Д. В., Депутатова Н. А.* Речевой акт проклятия в английском языке // *Terra Linguae. 2019. № 5. С. 185–189.*
8. *Крюкова И. В.* Речевой акт проклятия и лексико-грамматические средства его осуществления: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2011. 21 с.
9. *Jay T.* Why We Curse. A neuro-psycho-social theory of speech. Massachusetts College of Liberal Arts, North Adams, Massachusetts, 2000. 328 p.
10. *Blank Sh. H.* The curse, blasphemy, the spell, and the oath // *Hebrew Union College Annual. 1950–1951. Vol. 23, № 1. P. 73–95.*
11. *Fensham F. Ch.* Salt as Curse in the Old Testament and the Ancient Near East // *The Biblical Archaeologist. 1962. Vol. 25, № 2. P. 48–50.*
12. *Оспан Б.* Проклятие по-казахски: теріс бата — «благословение наоборот». 2017. URL: <https://365info.kz/2017/12/proklyatie-po-kazahski-teris-bata-blagoslovenie-naoborot> (дата обращения: 12.09.2021).
13. *Байдуллаева Р. Ш., Айнабеков Н. Б.* Благопожелания и проклятия как языковая универсалия (контрастивно-прагматический анализ) // *Вестник науки Южного Казахстана. 2018. № 4 (4). С. 225–231.*
14. *Бопайұлы Б.* Қазақтың алғыстары мен қарғыстары. Алматы : Бастау, 2003. 112 б.
15. *Уахатов Б.* Қазақтың халық өлеңдері. Алматы, 1974. 75 б.
16. *Байдаулетова Н. Р., Кенжебаева А. А.* Благопожелание как особый жанр устно-речевого дискурса (на основе материалов казахского и китайского языков) // *Вестник КазНУ. Серия востоковедения. 2016. № 3 (78). С. 82–85.*
17. *Labov W.* Sociolinguistic Patterns. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1972. 314 p.
18. *Кеңесбаев І. К.* Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі. Алматы: Қазақпарат, 2007. 356 б.
19. *Бектаев К. Б.* Үлкен қазақша – орысша, орысша – қазақша сөздік. Алматы : Алтын қазына, 2001. 704 б.
20. *Этимологический словарь тюркских языков / общ. ред. Г. Ф. Благова. М. : Языки русской культуры, 1997. 363 с.*
21. *Темиргазина З. К., Жакупова Г. К.* Гармония и дисгармония: акустическая оппозиция в ранней лирике Александра Блока // *Вестник РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12, № 1. С. 137–152. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152>*
22. *Темиргазина З. К., Ибраева Ж. Б.* Наблюдатель в поэтическом нарративе (на примере стихотворений П. Васильева) // *Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2021. № 72. С. 290–307. <https://doi.org/10.17223/19986645/72/16>*
23. *Temirgazina Z., Akosheva M., Yrysgul S., Shaharman A., Kurmanova Z., Kairova M.* Metaphors in Anatomical Terminology // *Space and Culture, India. 2019. Vol. 7, № 1. P. 143–153. <https://doi.org/10.20896/saci.v7i1.528>*
24. *Уразаева К.* Имя по приметам // *Диапазон. 2010. URL: <https://azh.kz/ru/news/view/4988> (дата обращения: 20.08.2021).*

REFERENCES

1. *Kaskabasov S. Oyoris [Reflections]. Almaty, Zhibek Zholy Publ., 2009. 303 p. (in Kazakh).*
2. *Vinogradova L. N., Sedakova I. A.* Curse. In: *Slavyanskiye drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'. Pod obsh. red. N. I. Tolstogo: v 5 t. T. 4 [Tolstoy N. I., ed. Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.*

Vol. 4]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 2009, pp. 286–296 (in Russian).

3. Berezovich Ye. L., Surikova O. D. On the reconstruction of the lexical composition of Russian national curses: General characteristics of the predicate of curse. *Jezikoslovni zapiski*, 2017, no. 2 (23), pp. 67–81 (in Russian).

4. Temirgazina Z. Effective communicative strategies and tactics in verbal aggression situations. *World Applied Sciences Journal*, 2013, vol. 24, no. 6, pp. 822–825.

5. Vinogradova L. N. Formulas of threats and curses in Slavic conspiracies. In: *Zagovornyy tekst: Genesis i struktura* [Spell text: Genesis and structure]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 520 p. (in Russian).

6. Balashova L. V. Speech Genres in Russian Idiomatics (Semantic and Conceptual Aspects). *Speech Genres*, 2017, no. 1 (15), pp. 6–29 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-6-29>

7. Medvedeva D. V., Deputatova N. A. Speech act of damnation in English. *Terra Linguae*, 2019, no. 5, pp. 185–189 (in Russian).

8. Kryukova I. V. *Speech act of damnation and lexical and grammatical means of its implementation*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Stavropol', 2011. 21 p. (in Russian).

9. Jay T. *Why We Curse. A neuro-psycho-social theory of speech*. Massachusetts College of Liberal Arts, North Adams, Massachusetts, 2000. 328 p.

10. Blank Sh. H. The Curse, Blasphemy, the Spell, and the Oath. *Hebrew Union College Annual*, 1950–1951, vol. 23, no. 1, pp. 73–95.

11. Fensham F. Ch. Salt as Curse in the Old Testament and the Ancient Near East. *The Biblical Archaeologist*, 1962, vol. 25, no. 2, pp. 48–50.

12. Ospan B. *Curse in Kazakh: Teris bata – “blessing in reverse”*. 2017. Available at: <https://365info.kz/2017/12/proklyatie-po-kazahski-teris-bata-blagoslovenie-naoborot> (accessed September 12, 2021) (in Russian).

13. Baydullayeva R. Sh., Aynabekov N. B. Good wishes and curses as a linguistic universal (contrastive-pragmatic analysis). *South Kazakhstan Science Herald*, 2018, no. 4 (4), pp. 225–231 (in Russian).

14. Bopayuly B. *Kazaktyn algystary men karгыstary* [Kazakh good wishes and curses]. Almaty, Bastau Publ., 2003. 112 p. (in Kazakh).

15. Uakhatov B. *Kazaktyn khalyk olenderi* [Kazakh folk works]. Almaty, 1974. 75 p. (in Kazakh).

16. Baydauletova N. R., Kenzhebaeva A. A. Wish as a special genre of oral discourse (based on materials of the Kazakh and Chinese languages). *Scientific Journals Al-Farabi Kazakh National University. Oriental Studies*, 2016, no. 3 (78), pp. 82–85 (in Russian).

17. Labov W. *Sociolinguistic Patterns*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1972. 314 p.

18. Kenesbaev I. K. *Kazak tilinin frazeologiyalyk sozdigi* [Phraseological dictionary of the Kazakh language]. Almaty, Kazakparat Publ., 2007. 356 p. (in Kazakh).

19. Bektaev K. B. *Ulken kazaksha – oryssh, oryssh – kazaksha sozdik* [Large Kazakh-Russian, Russian-Kazakh dictionary]. Almaty, Altyn kazyna Publ., 2001. 704 p. (in Kazakh).

20. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshch. red. G. F. Blagova* [Blagov G. F., ed. Etymological dictionary of the Turkic languages]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997. 363 p. (in Russian).

21. Temirgazina Z. K., Zhakupova G. K. Harmony and Disharmony: Acoustic Opposition in the Early Lyrics of Alexander Blok. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2021, vol. 12, no. 1, pp. 137–152 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152>

22. Temirgazina Z. K., Ibrayeva Zh. B. Observer in poetic narrative (on the example of P. Vasiliev's poems). *Tomsk State University Journal of Philology*, 2021, no. 72, pp. 290–307. <https://doi.org/10.17223/19986645/72/16> (in Russian).

23. Temirgazina Z., Akosheva M., Yrysgul S., Shahrman A., Kurmanova Z., Kairova M. Metaphors in Anatomical Terminology. *Space and Culture, India*, 2019, vol. 7, no. 1, pp. 143–153. <https://doi.org/10.20896/saci.v7i1.528>

24. Urazayeva K. Name by signs. *Diapazon*, 2010. Available at: <https://azh.kz/ru/news/view/4988> (accessed August 20, 2021) (in Russian).

Поступила в редакцию 08.10.2021; одобрена после рецензирования 15.12.2021; принята к публикации 23.12.2021
The article was submitted 08.10.2021; approved after reviewing 15.12.2021; accepted for publication 23.12.2021

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 118–125

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 118–125

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-118-125>, EDN: WSQGUD

Научная статья

УДК 811.161.1'282.3(470.12)

Речежанровая репрезентация пищевой традиции (на материале вологодских говоров)

А. Н. Жандарова, О. Ю. Крючкова[✉]

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Жандарова Анастасия Николаевна, старший преподаватель кафедры теории, истории языка
и прикладной лингвистики, an.fedina2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3881-1119>

Крючкова Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
теории, истории языка и прикладной лингвистики, vpks@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2814-4095>

Аннотация. Современная диалектология развивается в русле антропоцентрической лингвистики и представляет собой полипарадигмальную научную область, в которой коммуникативное направление в настоящее время занимает одно из ведущих положений. Специфика жанровой природы диалектного текста представляет собой одно из актуальных направлений коммуникативной диалектологии. Исследуется речежанровая репрезентация пищевой традиции, бытовавшей в прошлом и бытующей в настоящее время на территории сёл и деревень Вытегорского и Тотемского районов Вологодской области. Показано, что к основным формам репрезентации пищевой традиции в диалектной речи относятся такие жанры, как рассказ-воспоминание, жанр угощения, кулинарный рецепт. Отмечается, что между жанрами не существует четких границ, поскольку в процессе коммуникации возможны включение одного жанра в другой, а также трансформация одного жанра в другой в ходе беседы. Основной формой хранения пищевой традиции является жанр кулинарного текста-рецепта. Анализ специфики диалектного кулинарного текста-рецепта проводился на базе выборки контекстов, представляющих собой ядро пищевой традиции местности: рецепты хлебобулочных изделий, напитков, молочных продуктов. Выявлены и проанализированы коммуникативные особенности диалектного текста-рецепта (принцип образительности, приоритетность процедурного знания, преимущественно коллективный образ автора рецепта). Установлены факторы, влияющие на полноту и репрезентативность кулинарного текста-рецепта, среди которых ведущими являются экстралингвистические (трансформация бытовых реалий современной деревни) и индивидуальные факторы (возраст информанта, способность информанта быть хорошим рассказчиком).

Ключевые слова: речевой жанр, пищевая традиция, диалект, диалектная картина мира, вологодские говоры, кулинарный рецепт, жанр угощения

Для цитирования: Жандарова А. Н., Крючкова О. Ю. Речежанровая репрезентация пищевой традиции (на материале вологодских говоров) // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 118–125. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-118-125>, EDN: WSQGUD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Speech-genre representation of the food tradition (based on Vologda dialects)

A. N. Zhandarova, O. Yu. Kryuchkova[✉]

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anastasia N. Zhandarova, an.fedina2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3881-1119>

Olga Yu. Kryuchkova, vpks@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2814-4095>

Abstract. Modern dialectology develops in compliance with anthropocentric linguistics and it is a polyparadigmatic scientific field in which one of the leading positions is currently occupied by the communicative direction.

The peculiarities of the genre nature of the dialect text is one of the topical directions of communicative dialectology. The article presents the study of the speech-genre representation of the food tradition which existed in the past and currently exists in the villages of the Vytegorsky and Totemsky districts in Vologda Oblast. The article shows that the main forms of representation of the food tradition in dialect speech include such genres as a story-memoir, a genre of wining and dining, a culinary recipe. It is noted that there are no clear boundaries between the genres, while communicating we may include one genre into another, as well as move from one genre to another. The main form of keeping food tradition is the genre of culinary recipe. We analyzed the peculiarities of the dialect text of the culinary recipe on the basis of a sample of recipe contexts, which are the core of the local food tradition: recipes for bakery products, drinks and dairy products. We also identified and analyzed the communicative features of the dialect text of the recipe (the principle of figurativeness, the priority of procedural knowledge, the predominantly collective image of the recipe's author). We established the factors influencing the completeness and representativeness of the culinary recipe, among them the most important ones are extralinguistic (transformation of everyday realities of the modern village) and individual factors (the age of the informant, the ability of the informant to be a good storyteller).

Keywords: speech genre, food tradition, dialect, dialect view of the world, Vologda dialects, culinary recipe, genre of wining and dining

For citation: Zhandarova A. N., Kryuchkova O. Yu. Speech-genre representation of the food tradition (based on Vologda dialects). *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 118–125 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-118-125>, EDN: WSQGUD

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Исследование базируется на изучении пищевой традиции Русского Севера. Пищевая традиция в целом представлена не только лексикой, но и целыми текстами, жанровыми формами и невербальными феноменами. Источником исследования послужили данные Саратовского диалектологического корпуса – аудиозаписи и расшифровки диалектных текстов (подкорпус МЕГРА (1976–2014 гг.), подкорпус ТОТЪМА (2015, 2017, 2018 гг.)). Пищевая традиция вологодских говоров, элементы, актуализирующие её в диалектной речи (наименования пищи и кухонной утвари), динамика пищевой традиции, отражённая в диалектной метакоммуникации, ранее рассматривались нами в ряде статей [1–3]. Исследование пищевой традиции, бытовавшей и бытующей в настоящее время на территории изучаемых говоров, несомненно, требует обращения и к анализу её речевжанровой репрезентации в диалектной речи.

Среди тематического разнообразия диалектной коммуникации выделяется гастрономическая тема, она входит как основная или периферийная микротема в более сложные по структуре и содержанию жанрово-тематические блоки. Рассказы о своей жизни, о семье, о домашнем хозяйстве и труде диалектоносители сопровождают сведениями о том, что раньше готовили, какими пищевыми обычаями и ритуалами отмечались знаменательные для народной культуры праздники, что готовят сегодня и т.д. Гастрономическая тема в речи носителей диалекта мотивирована разными факторами. Она появляется как по инициати-

ве самих говорящих (в том числе в ответах на вопросы общего характера: «как раньше жили?», «расскажите о своём детстве» и т.д.), так и вследствие использования диалектологом методики направленного интервью (вопросы «что раньше готовили/пекли/ что сейчас готовите?»; «в чём раньше готовили/хранили продукты/напитки/ в чём сейчас готовите/храните продукты?»). Нередко актуализации гастрономической темы способствует ситуация общения: беседы с диалектоносителями часто проходят за столом, в процессе чаепития.

Пищевая традиция реализуется в диалектной речи в таких жанрах, как рассказ-воспоминание, жанр угощения, кулинарный рецепт.

1. Гастрономическая тема в жанре рассказа-воспоминания

Жанр рассказа-воспоминания – основополагающий жанр при общении диалектолога и диалектоносителя: «речевой жанр “воспоминание” представляет собой вербализацию прошлого опыта, является важнейшим компонентом диалектного речевого общения, средством сохранения и передачи наиболее значимой в когнитивном, культурном, эстетическом и социальном отношении информации» [4 : 67]. Ср.:

– Что раньше готовили из еды?

– Да *раньше всё своё было*// *хлеб рóстили да-к/ выдавали зерном/ дак на мельница/ две мельницы было там/ на Низу до Лемы/ <...>/ смёлёшь му-ку/ горох/ смёлёшь// толокна натолку/ супы таки вот толкли дак/ толокно любо поглядеть запаришь/ рожь/ ну хлеб пекли/ всё пекли/ **гороховики** пекли/ всё своё было* (Мег., 2010).

В контекстах гастрономической тематики, включенных в жанр рассказа-воспоминания, нередко актуализируется ведущая для диалектной коммуникации концептуальная оппозиция 'прошлое' – 'настоящее'. Воспоминания об элементах пищевой традиции прошлого часто влекут за собой сравнение с настоящим. В подобных жанрово-тематических блоках (гастрономическая тема в жанре рассказа-воспоминания), как правило, присутствует аксиологический компонент: диалектоносители не просто вспоминают, что и каким образом готовили раньше, какие продукты выращивали и выращивают сегодня, они оценивают их вкус, качество, состав, влияние на здоровье человека, ср.: *всё своё было/ и сахар/ и масло// чистые продукты были/ сено/ навоз// а сейчас в России народ тощий стал// а раньше рыжики собирали/ солили/ репу парили/ брюкву засушат/ а потом парят// народ крепкий был* (Мег.).

Оценка прошлого и настоящего пищевой традиции носит противоречивый характер: с одной стороны, прошлое, традиционное часто оценивается безусловно положительно, а всё новое – отрицательно, с другой стороны, воспоминания о военном/ послевоенном детстве, дефиците советского времени актуализируют в речи положительные оценки современной жизни – изобильной, сытой, ср.: *с молока?! кашу вари/ сметаны получай/ масло/ всё это своё/ всё своё вкусное// а что теперь/ вот возьмёшь масла/ а откуда знаешь/ масло не масло/ правда/ невкусно* (Мег., 2009); *коровку мама держала/ дак молочём припивали/ не было хлеба-то/ вот годы-то те были плохие// плохие годы были/ теперь-то уж мы едим всё хорошее* (Сов., 2017); *ну чё обычно/ чё готовили/ ну в детстве у нас ничего такого не было щас вот можно что-то купить/ а чё тогда .../ колбасы вроде не было/ этого не привыкли к этой колбасе/ она была редко очереди огромные стояли/ ну мясо было своё* (Тот., 2015).

2. Гастрономическая тема в жанре угощения

Тема питания выполняет контактоустанавливающую функцию в ходе беседы диалектолога и диалектоносителя, которая реализуется в ситуации совместной трапезы. Структурные и прагматические характеристики речевого жанра «угощение» (в некоторых работах – потчевания) неоднократно рассматривались исследователями как на материале диалектной речи [5, 6], так и на материале литературного языка [7].

Исследователями отмечаются следующие коммуникативные и языковые особенности речевого жанра «угощение», которые под-

тверждает и наш материал: диалогичность коммуникативной ситуации, при которой ведущая роль принадлежит диалектоносителю – хозяину дома; широкое использование диминутивов при обращении к диалектологу, при назывании пищи и посуды служит демонстрацией радушия, приветливости по отношению к гостям (ср.: *кушай/ кушай// щас ложечки дам/ вот полотенчик// ложечки дам щас/ вот сметанки ложите/ хлебушек/ тут хочешь батон/ хлебушка берите/ давайте кушайте/ солце надо?* (Тот., 2015); *маслица намазывают/ берите...* (Вар., 2018)); императивный (принудительный – при попытке гостя отказать от угощений) характер потчевания, выражающийся повелительными формами глагола в сочетании с существительными в форме винительного падежа [5, 6], ср.: *намазывают ещё хлебушка-то да ешьте/ больше я одна дак ничё не готовлю/ нечем вас угостить больше// а там вечером-то можно* (Вар., Тот. р-н, 2018); *ешьте давай/ пейте чай-то/ пейте чай-то// возьмите это колбаски-то/ сыр// я не нарезала много-то// пирога-то возьмите/ пирога* (Мег., 2010).

В ситуации приёма гостей, реализации жанра угощения наиболее наглядно эксплицируется актуальная пищевая традиция местности, устанавливаются прямые корреляции между соответствующими реалиями и их языковыми обозначениями.

Неоднократно в ситуации трапезы актуализируется оппозиция 'свое' – 'чужое': предлагая попробовать какое-либо угощение, диалектоносителям важно подчеркнуть принадлежность продукта данной местности, что выражается метаоператорами «наш», «у нас», «здесь», оттопонимическими именами прилагательными, ср.: *хлебушок мяконецкий свежий такой/ масло вот это Тарновское/ у нас и Тотемское есть здесь/ а я чё-то вот люблю это Тарновское/ с Тарновы привозят/ Тарновский район туда в сторону Юсеницы/ Великово Устюга по дороге...* (Вар., 2018); *может ещё/ это самое/ чай попьете/ так/ ну приступайте/ всё на столе тотемское кроме конфет; вот там все пироги у нас печёт Тотемский хлебокомбинат/ так что можете покупать смело/ у нас хорошая продукция* (Тот., 2017); *девочки вот давайте нашего клюквенного варенья попробуйте/ варенье из черники варим/ из клюквы/ чёрна смородина/ красна* (Мег., 2010).

3. Кулинарный текст-рецепт

В процессе трапезы возможно развитие гастрономической темы: объекты угощения становятся поводом для детального обсуждения – так в диалектной речи возникают текстур-рецепты, ср.:

– Да/ с песком// я говорю/ ешьте/ она не заругается// ну пробуйте/ это вот **свой сахар**/ свой//
 – А это кусковый, да, сахар?
 – С песку варенный/ я сама варила//
 <...>
 – А как Вы его делаете, такой сахар кусковой?
 – Да вот в кастрюльку/ капельку водички или молочка/ на чашку/ и кипит//
 – На чашку песку, да?
 – Там как получится// и вот сахарок свой// может часть сожечь на карамель// есть пробуйте/ пробуйте// пробуйте я снова ведь наварю//
 – А зачем Вы себе такой кусковый делаете?
 – А я.../ захотела// вприкусочку//
 – Вприкуску, да?
 – Тот-то есть сахар у меня/ но тот-то не.../ этот вкуснее/ попробуйте! (Мег., 2012).

Жанр кулинарного рецепта, на наш взгляд, является основной формой хранения народной пищевой традиции в диалектном сознании. Наименования блюд, о которых охотно/неохотно рассказывают диалектоносители, степень сохранности рецепта, воспроизводимости основных этапов приготовления того или иного блюда, лексическая представленность/лакунарность в именовании продуктов, этапов приготовления репрезентируют степень сохранности народной пищевой традиции на данной территории.

Кулинарный рецепт в диалектной традиции отличается от рецепта приготовления пищи в городской, литературноцентричной культуре. Кулинарный рецепт как литературно оформленный текст имеет следующие речевые особенности: во-первых, традиционно такие рецепты существуют в письменной форме, представлены в поваренных книгах, газетах, журналах, в настоящее время актуальным источником также выступает Интернет (сайты, форумы); во-вторых, кулинарный рецепт относится к стандартизированным текстам: имеет четкую композиционную структуру (заголовок, список ингредиентов, алгоритм действий), отличается лексическим и морфологическим своеобразием [8–10]. С точки зрения коммуникативной цели, как отмечает М. А. Кантурова, кулинарный рецепт можно назвать полиинтенциональным жанром, который находится «на стыке информативных и императивных жанров» [9 : 8]. Автором рецепта выступает, как правило, человек более компетентный в данном вопросе, чем адресат, который имплицитен и максимально обобщен [9].

Диалектный кулинарный текст-рецепт по своей коммуникативной природе имеет несколько отличительных особенностей в сравнении с литературно оформленным текстом-рецептом (диалектный текст-рецепт и его разновидности – кулинарный рецепт, рецепт народной медицины – как речевой жанр рассматривался в работах [11–14]).

Главная особенность диалектных кулинарных рецептов – устная форма существования. С. В. Лукьянова отмечает, что диалектные тексты-рецепты могут иметь три формы существования: а) нулевую, вербальную форму – возникает в процессе ежедневного приготовления пищи; б) вербальную, неполный текст – реализуется «как комментарий собственных действий во время приготовления пищи, <...> при соблюдении обрядов»; в) вербальную форму – «существует в форме рассказа, носит искусственный характер» [12].

В анализируемом диалектном дискурсе преимущественно встречается последний тип кулинарного диалектного текста, так как в основном рецепты возникают в речи как реакция на запрос диалектолога. Однако встречаются рецепты, записанные диалектологами непосредственно во время приготовления диалектоносителями того или иного блюда, ср.:

– Мария Дмитриевна, а это что такое Вы печёте?
 – А это **калитка** называется//
 <...>
 – А то я никогда не видела калитку.
 – Ну вот.../ это **калитка** называется/ это печётся из яичевой крупы/ белого вот не ем/ так вот видишь вот этого (Мег., 1986).

К анализу специфики диалектных текстов-рецептов мы привлекали рецепты, записанные в разные периоды, относящиеся к продуктам, составляющим, по нашим наблюдениям, ядро пищевой традиции данной местности: хлебобулочные изделия (**хлеб, калитки, рыбник, ягодник**), вторые блюда (**репница**), традиционные напитки (**квас, пиво**), молочные продукты (**сметана, сыр, творог, масло**). Эти продукты и блюда издавна готовили хозяйки дома, некоторые из них продолжают готовить и сейчас.

Поскольку кулинарный рецепт в диалектном дискурсе реализуется только в устной форме, ему присущи коммуникативные особенности, характерные для диалектного повествования в целом. К таким особенностям В. Е. Гольдин, О. Ю. Крюкова относят принцип образительности диалектной речи, приоритетность процедурного знания [15–16], что выражается в диалектном тексте-рецепте через:

- демонстрацию действий, необходимых на каждом этапе приготовления блюда, ср.:
 – А вот рыбные пироги как у вас пекут здесь?
 – Да как/ корку натяпают корку **[стучит ладонью по столу]** на столи' да/ рыбу кладут да завернут и в печку (Мег., 1989);
 – Ну так как делаются калитки?
 – Как делать...// ржаная мука/ в первую очередь// мож... это/ на кефире можно// на кефире так// сделать// потом...// ну загипать их надо// этим... валёк-то вот так **[берёт полиэтиленовый пакет, скручивает его и показывает**

с помощью него, как раскатывать тесто, на записи слышно шуршание пакета]// *катам* (Мег., 2013);

- использование звукоподражательных элементов: «говорящий отождествляет себя со звучащим предметом и издает звуки за него, как бы “от его имени”» [15 : 311]. Ср.:

сперва надо пшено вымыть хорошенько/ чтобы жёлтое было/ и сварить капельку водички/ она запыхтит/ пых-пых-пых/ потом кладёшь молока/ кладёшь...либо...масло либо...это...маргарину/ ну...и молока/ яйцо если есть/ и вот то размещаешь-то...начинку/ а потом кладываешь на это...на сканец/ сканец кладёшь и это...розведёшь вот...немножко оставишь чтобы завянуть и начнёшь вот так/ быстро-быстро/ и тако' круглое/ круглое/ сверху кладёшь сметанки и в печку! ж-ж! [изображает движение] и вот и...маленько и спеке'тся (Мег., 2009).

Автор диалектного кулинарного рецепта не имеет той высокой степени обезличенности, как в литературно оформленных рецептах (что выражается в последнем в преимущественном использовании инфинитивов и инфинитивных конструкций). Коллективность как базовая черта традиционного общества, опора на знания предшествующих поколений, стремление подчеркнуть принадлежность рецепта именно данному социуму актуализируются в диалектных кулинарных рецептах через использование глагольных форм 3-го лица мн. ч. настоящего/ прошедшего времени, 1-го лица мн. ч. наст. времени. Ср.: *не/ нет/ круглый хлеб/ накладём коврижек / на стол/ наваляем/ и на стол накладём/ и она разбегаётся/ а потом в печку (Мег., 1989 г.); значит вот раньше пекли дак вот если спекут хлеб там оставляют тисто в квашни чтобы оно вторично роставорять [ставить – о тесте]/ дак штоб оно заходило [начало подходить – о тесте]// ну вот/ вечером/ роставоряют/ оно до утра ходит// муку конешно си'яли/ ришатом// знаети каки риша'та-то// есь у вас?// ну вот// потом ёво замешают// соли там положат/ замешают (Мег., 1989 г.); Вот не купила я/ были вчера у нас тут в ларёчке/ надо было купить/ так я.../ делают как сказать/ сканец называются сканец/ [показывает] вот так вот тонкий-тонкий/ потом в серединку ложат картошку/ творог/ пшено/ кашу пшеничную/ не пшено а кашу пшеничную/ и заворачивают крайчики (Мег., 2014 г.).*

Иногда автор рецепта персонифицируется через обобщенный образ хозяйки, ср.: *потом хлеб спекётся/ хозяйка видит и понимают/ вот буханочку берёт лопатой/ лопатка есь под буханку вот... <...> Здоро...здоровой али гнилой ли какой так вза...зач...[смех]// ну вот/ вот значит хозяйка знает уш што спёкся/ спечёнай хлеб уж (Мег., 1976).*

Если рецепт представляет собой одновременно рассказ-воспоминание, автором рецептов выступают представители старшего поколения – образ матери/ свекрови частотен в таких рассказах, ср.:

- А Ваша мама сама хлеб пекла?
- Сама//
- А Вы помните, как она это делала?
- Да/ я училась/ по еёному потом пекла//
- Да? Расскажите нам, пожалуйста!
- Как хлеб пек...[смеётся] мука есть/ все есть/ дрожжей не было/ были...был хмель/ рос такие эти ходо'вые эти/ как сказать... (Тот., 2017).

Рецепты, записанные в 1970–1990-е гг. и в 2008–2018 гг., имеют разную полноту и репрезентативность. Можно выделить две группы факторов, влияющих на полноту и репрезентативность текста-рецепта: экстралингвистические факторы, связанные в первую очередь с трансформацией бытовых реалий деревни, которая сопровождается уходом из повседневного обихода традиционных блюд и напитков, появлением новых гастрономических особенностей; индивидуальный фактор, связанный с творческим потенциалом диалектоносителя, а также – с возрастом информанта.

Достаточной полнотой и репрезентативностью (как в записях 1970–1990-х, так и в более поздних записях) отличаются рецепты таких продуктов питания, как *калитки* «открытый пирог/пирожок с начинкой из картофеля, моркови, пшена, ячменя и т. д.», *рыбник* «пирог с рыбой», *ягодник* «открытый пирог с ягодами», *репница* «похлёбка из репы», поскольку они и сегодня остаются неотъемлемой составляющей как повседневного, так и праздничного стола. Особое значение для жителей Мегры, по нашим наблюдениям, имеют *калитки*: их готовят дома, продают в магазинах, процесс выпекания калиток диалектоносители знают хорошо, что выражается лексически: в речи самостоятельно, часто – без наводящих вопросов, воспроизводятся наименования продуктов, необходимых для приготовления, наименования составных элементов выпечки, кухонной утвари, конкретизируются с помощью глагольной лексики этапы приготовления выпечки, ср.: *пошли да калиток состряпали дак// сегодня вот потчевать мне вам нечем дак (Мег., 1985); значит/ пекём картошку/ пекём калитку пшённу/ пекём с ячневыми/ можно испекчи (Мег., 2009); а калитки это...ржаная мука/ а я кладываю-то ржаной немножко...ну...со стакан места ржаной муки...и белой полстакана/ ены таки мягие станут...корочки-то/ и вот...надо скалку показать/ вот этой скалкой ску эти сканцы (Мег., 2009); так я.../ делают как сказать/ сканец называются сканец/ [показывает] вот так вот тонкий-тонкий/ потом в середин-*

ку ложат картошку/ творог/ пшено/ кашу пшённую/ не пшено а кашу пшеничную/ и заворачивают крайчики (Мег., 2014).

Влияние как экстралингвистических факторов, так и индивидуальных особенностей можно проследить на примерах текстов-рецептов приготовления домашнего хлеба. Анализ четырёх текстов, записанных в разное время от информантов – носителей традиционного говора с. Мегра (информанты 1902 г.р., (запись 1976 г.), 1911 г.р. (запись 1989 г.), 1927 г.р. (запись 2009 г.), 1939 г.р. (запись 2014 г.)), показал следующее: возраст информанта, жизнь в условиях традиционного крестьянского быта, непосредственное участие в приготовлении хлеба, несомненно, влияют на возникновение в речи лексем, репрезентирующих все этапы выпекания хлеба. Так, тексты, записанные в 1976 и 1989 г., насыщены лексикой, которая называет как продукты для изготовления хлеба (напр., наименования закваски: *берег, подквас/ подквасё*), так и утварь (*лубянка, кадушка, квашня, мутовка, сеяльница, решето, совок, помяло, лопата*), используемую в процессе приготовления хлеба. Ср. (запись рецепта от информанта 1902 г.р. сопровождалась воспроизведением каждого этапа выпечки хлеба, показом утвари, необходимой для приготовления хлеба):

– А замесить уж надо гушише/ гушише/ Сашенька// вот// снимаешь это..квашню/ с печки/ с крайчика ложишь соль/ в первую очередь соль не забудь нада/ а потом муку// густо-нагусто замесишь там штобы эта..мотофка..ужэ...оставала от теста// вот..полагаешь опять//

- Мотовка, это чем мешают?
- Да/ чем мешают//
- А что...она как, деревянная?
- Деревянная//
- Что, в виде...
- С суч...с сучками она//
- С сучками? Чтобы лучше мешалось, да?

– Я покажу сейчас [показывает] от...ростворишь когда немножко/ белово дак там это...а...ржаное дак ведь это...уж у миня сучок этот сломауса/ был потоньше дак я уж его апле...ликвидировала// а ведь...для хлеба дак тоушише нада/ тоушише/ и это место тоушише да и сучки прибрать потоушише/ штобы оно...замесить-то густо-прегуста/ дак мо-жэ она сломаца ведь (Мег., 1976 г.).

Записи последних лет, как правило, отражают лишь общие воспоминания диалектоносителей, отличаются «припоминанием» лексем, называющих реалии традиционной культуры, ср.:

- А хлеб сами не пекли?
- Нет//
- И не помните? Может, там бабушка пекла?
- Дак пекли **каравай-то такие** // – Каравай? Как? В печке?

– А теперь печь/ хлебопечка-то вон дочь подарила/ дак в хлебопечке спечь недолго тесто за...//

– А как каравай пекли, не помните? Нам вот это интересно: в чём замешивали, на чём раскатывали, чем?

– Ну я помню вот и у мамы и у свекрови вот **квашня/ вот такой горшок глиняный большой** //

– Квашня называется?

– Квашня/ ага/ и замешивали там/ не знай что они **закваску какую делали**/ <...>/ и свекровь на каждый праздник/ <...>/ пироги пекла/ так она вот эту большую квашню замесит и ещё ведро замесит представляете?/ и вот это надо всё разделить/ всё спечь но там в русской печке так хорошо противней-то много/ ну просто каравайчик кладут он такой пышный становится вкусный румяный (Мег., 2014 г.).

В первую очередь это связано с тем, что изготовление хлеба всё чаще происходит на производстве, хлеб покупают в магазинах.

Изменение бытовых реалий ведёт и к трансформации рецептов. Так, по воспоминаниям информантов, *калитки* традиционно пекли только из ржаного пресного теста. Однако в последнее время можно встретить калитки и на белом тесте:

– А Вы пекли калитки дома?

– Да//

– А как их пекут? Это чисто вологодское, как я понял, изделие?

– Коровка бы'ла мама пекла/ да//

– А из чего, что туда клали?

– Картошку да молоком разбавляли/ вот сварим// растолчём молоком а в [нрзб.] тоже надо сметанки класть чё нет другого штоб были/ рыхлые/ ржаная мука// и вот/ разведёшь [нрзб.] зальёшь печку/ печку стопишь// а сейчас и руки не действуют//

– Только из ржаной муки?

– А я теперь из белой пеку когда надо (Мег., 2014).

Источники рецептов также изменяются с течением времени. Рецепты не только передаются из поколения в поколения, внутри традиционного социума, но имеют также инокультурное происхождение: привносятся из городской культуры через родственников-горожан, усваиваются из средств массовой информации; однако старшее поколение предпочитает готовить блюда, заготавливать продукты традиционным способом, «по старинке»:

– А что Вы из грибов делаете? У Вас какие-то фирменные рецепты есть?

– Не/ у нас фирменных нету/ я например отвариваю и в холодильник/ или сушим/ **мы все по старинке/** час конечно способов много/ в Интернете всего/ нет/ **я вот все эти новшества не люблю/** всего намажут там всё/ ну все равно вот **как-то неестественно вот получаются/** мы видно вот то поколение мы привыкли/ мы все делаем по старинке/ я вот приношу сушу их в духовке/ или я их отвариваю и в холодильник (Мяс., Тот. р-н, 2017).

Заключение

Анализ жанровой репрезентации гастрономической темы в диалектной речи показал следующее:

1. Пищевая традиция объективируется в диалектной речи чаще всего в таких жанрах, как *рассказ-воспоминание*, *угощение*, *кулинарный рецепт*. Провести чёткую границу между данными жанрами невозможно. Рассказ-воспоминание о прошлой жизни может включать в себя рецепты приготовления блюд; жанр угощения также может трансформироваться в жанр кулинарного рецепта.

2. Основной формой хранения пищевой традиции местности является *кулинарный текст-рецепт*. Жанр диалектного кулинарного рецепта отличается от литературно оформленного рецепта устной формой существования, реализацией принципа изобразительности и приоритетом процедурного знания при воспроизведении рецепта, коллективным образом автора, который иногда персонифицируется в речи через образ *хозяйки/ матери/ свекрови*.

3. На степень сохранности рецепта в народном сознании первостепенное влияние оказывают внелингвистические факторы, связанные с бытовыми реалиями современной деревни.

Изучение специфики жанровой природы диалектного текста представляет собой одно из актуальных направлений коммуникативной диалектологии (см. [6, 4, 17, 18] и др.). Перспективной проблематикой данного направления является исследование жанровой репрезентации всего тематического спектра диалектной речи. Изучение жанрово-тематических корреляций в диалектной речи осложнено нечёткой выделительностью, «текучестью», взаимопроникновением как тематических блоков, так и жанровых форм, что обусловлено устным характером общения на диалекте. Тем не менее выявление типичных и нетипичных для диалектной коммуникации соотношений тем и жанров представляет собой важную задачу на пути дальнейшего осмысления особенностей коммуникативной организации диалектной речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жандарова А. Н. Пищевая традиция в народно-речевой культуре: продукты, блюда, напитки (на материале вологодских говоров) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 423–428. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-4-423-428>

2. Жандарова А. Н. Наименования кухонной утвари как элементы пищевой традиции (на материале вологодских говоров) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 136–140. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-136-140>

3. Жандарова А. Н. Метаэлементы в контекстах с наименованиями пищи и кухонной утвари (на материале вологодских говоров) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 134–139. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-134-139>

4. Мызникова Я. В. Коммуникативные особенности диалектного речевого жанра «Рассказ-воспоминание» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 4 (28). С. 66–72.

5. Иванцова Е. В. Речевой жанр потчевания в традиционной народной культуре // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2011. Вып. 7. Жанр и языковая личность. С. 269–279.

6. Казакова О. А. Ритуальные жанры как отражение национальных стратегий речевого поведения языковой личности // Вестник науки Сибири. Серия 9. Филология. Педагогика. 2011. № 1 (1). С. 611–616.

7. Задорина М. В. Речевой жанр «угощение»: структурная и прагматическая характеристика // Жанры речи. 2021. № 3 (31). С. 190–197. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-3-31-190-197>

8. Буркова П. П. Кулинарный рецепт как особый тип текста (на материале русского и немецкого языков):

автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004. 22 с.

9. Кантурова М. А. Деривационные процессы в системе речевых жанров (на примере речевого жанра кулинарного рецепта): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2012. 26 с.

10. Федорова К. М., Руфова Е. С. Текстологические особенности понятия «рецепт» // Наука, образование и культура. 2016. № 10 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekstologicheskie-osobennosti-ponyatiya-retsept> (дата обращения: 12.01.2023).

11. Губарева В. В., Пискунова С. В. Особенности диалектных текстов-рецептов // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2001–2004. СПб. : ИЛИ РАН, 2004. С. 133–136.

12. Лукьянова С. В. Тема «Питание» в диалектном дискурсе // Вестник Псковского государственного университета. Серия : Социально-гуманитарные науки. 2011. № 15. С. 81–83.

13. Пискунова С. В., Хохлова Г. А. Соотношение понятий «Текст-рецепт» и «Диалектный дискурс»: социальная оценка лексико-семантической группы «Народная медицина» // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-tekst-retsept-i-dialektnyy-diskurs-sotsialnaya-otsenka-leksiko-semanticheskoy-gruppy-narodnaya-meditsina-otsenka> (дата обращения: 15.07.2022).

14. Хохлова Г. А. Особенности лингвосociологического анализа и дискурсивных признаков текста-рецепта // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 12 (46). С. 419–422.

15. Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии // Гольдин В. Е. Языковое сознание. Речевая коммуникация: Избранные работы / сост. О. Ю. Крючкова, А. П. Сдобнова. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2020. С. 291–330.

16. Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Текст и знание в диалектной коммуникации // Материалы и исследова-

ния по русской диалектологии. Кн. 3 (9). М. : Наука. 2008. С. 398–413.

17. *Большакова Н. В.* К вопросу о жанрах диалектной речи // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В. Е. Гольдина / отв. ред. О. Ю. Крючкова, Л. П. Крысин. М. ; Саратов : Амirit, 2015. С. 21–26.

18. *Букринская И. А., Кармакова О. Е.* Изучение диалектного текста: рассказ-пластинка // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В. Е. Гольдина / отв. ред. О. Ю. Крючкова, Л. П. Крысин. М. ; Саратов : Амirit, 2015. С. 26–36.

REFERENCES

1. Zhandarova A. N. Food Tradition in the Folk Speech Culture: Products, Dishes, Drinks (On the Example of Vologda Dialects). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 423–428 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-4-423-428>

2. Zhandarova A. N. Names of kitchen utensils as elements of the food tradition (Based on the Vologda dialects). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 136–140 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-136-140>

3. Zhandarova A. N. Metaelements in contexts with food names and kitchen tools (Based on the material of the Vologda subdialects). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 134–139 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-134-139>

4. Myznikova Ya. V. Communicative specificities of the dialect speech genre “Reminiscence story”. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2014, iss. 4 (28), pp. 66–72 (in Russian).

5. Ivantsova E. V. Speech genre of regaling in traditional folk culture. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Vyp. 7. Zhanr i yazykovaya lichnost'* [Speech Genres: coll. of sci. arts. Iss. 7. Genre and language personality]. Saratov, ITs “Nauka” Publ., 2011, pp. 269–279 (in Russian).

6. Kazakova O. A. Ritual genres as a reflection of national strategies of the speech behavior of a linguistic personality. *Siberian Journal of Science. Philology. Pedagogy*, 2011, no. 1 (1), pp. 611–616 (in Russian).

7. Zadorina M. V. Structural and pragmatic aspects of the speech genre “treating to a meal”. *Speech Genres*, 2021, no. 3 (31), pp. 190–197 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-3-31-190-197>

8. Burkova P. P. *A cooking recipe as a specific text type (based on the Russian and German languages)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Stavropol', 2004. 22 p. (in Russian).

9. Kanturova M. A. *Derivational processes in the system of speech genres (based on the speech genre of a cooking recipe)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Novosibirsk, 2012. 26 p. (in Russian).

10. Fedorova K. M., Rufova E. S. Textual features of the concept “Recipe”. *Science, Education and Culture*, 2016, no. 10 (13). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekstologicheskie-osobennosti-ponyatiya-retsept> (accessed January 12, 2023) (in Russian).

11. Gubareva V. V., Piskunova S. V. Peculiarities of the dialectal recipe texts. In: *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniia)*. 2001–2004 [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research). 2001–2004]. Saint Petersburg, ILI RAN Publ., 2004, pp. 133–136 (in Russian).

12. Luk'ianova S. V. Theme “Nourishment” in dialectic discourse. *Bulletin of Pskov State University. Series: Social and Humanitarian Sciences*, 2011, no. 15, pp. 81–83 (in Russian).

13. Piskunova S. V., Khokhlova G. A. Ratio of concepts “Text recipe” and “Dialect discourse”: social assessment lexico-semantic group “Traditional medicine”. *Social and Economic Phenomena and Processes*, 2012, no. 7. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-tekst-retsept-i-dialektnyy-diskursotsialnaya-otsenka-leksiko-semanticheskoy-gruppy-narodnayameditsina?ysclid=17r9jq1n1696251239> (accessed July 15, 2022) (in Russian).

14. Khokhlova G. A. Features of the lingvosociological analysis and discursive signs of the text recipe. *Social and Economic Phenomena and Processes*, 2012, no. 12 (46), pp. 419–422 (in Russian).

15. Gol'din V. E. Theoretical Problems of Communicative Dialectology. In: *Gol'din V. E. Yazykovoe soznanie. Rechevaya kommunikatsiya: Izbrannye raboty*. Sost. O. Yu. Kryuchkova, A. P. Sdobnova [Kryuchkova O. Yu., Sdobnova A. P., comp. Linguistic consciousness. Speech communication: Selected works]. Saratov, Saratov State University Publ., 2020. pp. 291–330 (in Russian).

16. Gol'din V. E., Kriuchkova O. Yu. Text and Knowledge in Dialect Communication. Kn. 3 (9). In: *Materialy i issledovaniia po russkoi dialektologii* [Materials and Research on Russian Dialectology. Book 3 (9)]. Moscow, Nauka Publ., 2008, pp. 398–413 (in Russian).

17. Bol'shakova N. V. On the question of genres of dialectal speech. In: *Iazyk v prostranstve rechevykh kul'tur: k 80-letiyu V. E. Gol'dina*. Otv. red. O. Yu. Kryuchkova, L. P. Krysin [Kryuchkova O. Yu., Krysin L. P., eds. Language in the space of speech cultures: To the 80th anniversary of V. E. Gol'din]. Moscow, Saratov, Amirit Publ., 2015, pp. 21–26 (in Russian).

18. Bukrinskaia I. A., Karmakova O. E. Study of the dialect text: a story-record. In: *Iazyk v prostranstve rechevykh kul'tur: k 80-letiyu V. E. Gol'dina*. Otv. red. O. Yu. Kryuchkova, L. P. Krysin [Kryuchkova O. Yu., Krysin L. P., eds. Language in the space of speech cultures: To the 80th anniversary of V. E. Gol'din]. Moscow, Saratov, Amirit Publ., 2015, pp. 26–36 (in Russian).

Поступила в редакцию 05.06.2022; одобрена после рецензирования 11.08.2022; принята к публикации 29.08.2022
The article was submitted 05.06.2022; approved after reviewing 11.08.2022; accepted for publication 29.08.2022

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 126–131

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 126–131

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-126-131>, EDN: ZRZDAG

Научная статья

УДК 811.161.1'42

Хеджи vs бустеры: коммуникативное смягчение и усиление в жанре официального отзыва на диссертацию

Е. Ю. Викторова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Викторова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германской филологии и переводоведения, helena_v@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6422-4906>

Аннотация. Статья содержит результаты междисциплинарного исследования функционирования двух видов дискурсивов – хеджей и бустеров, участвующих в смягчении и усилении высказываний в жанре официального отзыва на диссертацию. Материал исследования – русскоязычные отзывы официальных оппонентов и ведущих организаций на кандидатские и докторские диссертации по лингвистике, литературоведению, истории, физике, химии и медицине. Источником отзывов послужили онлайн-страницы диссертационных советов российских вузов. Проведенный качественный и количественный анализ доказал градуальный характер категорий смягчения и усиления и продемонстрировал зависимость частоты использования хеджей и бустеров от научной дисциплины и от гендера автора отзыва. Доказано, что в отзывах гуманитариев бустеры преобладают над хеджами, тогда как в отзывах представителей естественных наук, наоборот, чаще употребляются хеджи. Во всех науках кроме физики мужчины используют хеджи и бустеры чаще, чем женщины. При этом бустеры показали большую зависимость от науки и от гендера, а данные по хеджам позволяют сделать вывод о более универсальном их использовании во всех исследованных отзывах.

Ключевые слова: речевой жанр, отзыв на диссертацию, дискурсивный маркер, дискурсив, хеджирование, хедж, коммуникативное смягчение, бустер, коммуникативное усиление, гендер, научный дискурс, научная сфера, аксиологическая генеристика

Для цитирования: Викторова Е. Ю. Хеджи vs бустеры: коммуникативное смягчение и усиление в жанре официального отзыва на диссертацию // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 126–131. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-126-131>, EDN: ZRZDAG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Hedges vs boosters: Communicative mitigation and enhancement in the genre of dissertation review

E. Yu. Viktorova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena Yu. Viktorova, helena_v@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6422-4906>

Abstract. The article presents the results of the cross-disciplinary research which focuses on the two types of discourse markers – hedges and boosters and their use in Russian official dissertation reviews. The study is based on reviews of official opponents and external reviewers of PhD theses on linguistics, literary criticism, history, physics, chemistry and medicine. The reviews were borrowed from the online pages of dissertation councils of Russian universities. The qualitative and quantitative analysis of the data proved the gradual nature of hedging and boosting and showed that hedges and boosters frequency depends on the discipline and the author of the review's gender. It is shown that in the reviews of humanities scholars hedges prevail over boosters, whereas in natural sciences hedges are more frequent. In all disciplines excepting physics men use hedges and boosters more often than women. Moreover, boosters demonstrate a greater dependence in their

frequency on both the discipline and gender whereas the hedges appear more universal in their use in all the reviews under study.

Keywords: speech genre, dissertation review, discourse marker, hedging, hedge, communicative mitigation, booster, communicative enhancement, gender, academic discourse, academic field, axiological genres

For citation: Viktorova E. Yu. Hedges vs boosters: Communicative mitigation and enhancement in the genre of dissertation review. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 126–131 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-126-131>, EDN: ZRZDAG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Жанр официального отзыва на диссертацию является одним из немногих собственно оценочных жанров институционального дискурса. В научном дискурсе к таковым относятся также отзыв на автореферат и рецензия на статью/монографию. Оценочность неотделима от научной деятельности и ее продуктов (результатов) – статей, монографий, диссертаций, докладов, курсовых и выпускных работ. Так или иначе оценка присутствует в любом научном труде: например, в виде критической оценки научных достижений предшественников или в виде самооценки. Однако только в жанрах отзывах и рецензиях оценка выступает в качестве основной интенции автора, что и позволяет отнести их к оценочным. В отзыве и рецензии оценочность выступает в качестве тексто- и жанрообразующей категории [1].

Жанр отзыва на диссертацию относим к вторичным речевым жанрам, появляющимся в качестве реакции на первичные, в данном случае – на жанр «диссертация» [2]. С точки зрения функционального стиля речи отзыв следует считать гибридным жанром, сочетающим признаки научного и официально-делового стилей, поскольку автор отзыва не только оценивает результаты научного труда, но и создает документ, требования к содержанию и оформлению которого строго регламентированы. Особые требования также предъявляются к самому автору отзыва и его научным и прочим профессиональным компетенциям. Согласимся с В. В. Дементьевым, утверждающим, что тип и форма оценки в том или ином жанре определяются самим жанром и его правилами, а также коммуникативными ролями автора и адресата [3]. В жанре отзыва на диссертацию эти правила обусловлены целями как самого жанра, так и конкретного автора отзыва (отдельные аспекты формы оценки все-таки могут варьироваться у разных авторов) и официальными требованиями. Главное требование, предъявляемое к отзыву, состоит в том, что в нем должна быть дана объективная, аргументированная оценка диссертации с выявлением ее сильных и слабых сторон в соответствии с критериями научности. Обязательной оценке подлежат такие аспекты диссертации, как актуальность

темы, научная новизна положений и результатов, теоретическая и практическая значимость, содержательность положений и выводов, достоверность результатов, аргументированность и логичность изложения. Поскольку объективная оценка исследования подразумевает наличие у оппонента критических замечаний и вопросов, то их включение в отзыв тоже обязательно, как и наличие заключения с ссылкой на «Положение о присуждении научных степеней», утвержденное Правительством РФ. Строгие правила существуют и в отношении документального оформления отзыва (вносятся все данные о научном статусе оппонента и месте его работы, ставятся печати, заверяются подписи). Большинство отзывов начинаются с «хвалебной» части и имеют отдельную часть с замечаниями и вопросами. Однако встречаются отзывы, где положительные аспекты и критические замечания перемежаются.

Однако, несмотря на обязательные требования к объективности оценки, оппонент может и должен проявлять определенную солидарность с соискателем. Путь научного познания и признания чрезвычайно труден, новое в науке продвигать непросто, отсюда и необходимость (и профессиональная, и просто человеческая) выражать уважение и даже сочувствие автору диссертации. За каждым исследованием стоит личность автора, которую не следует подавлять [4]. Поэтому требования к некатегоричности суждений в научной речи вообще и в жанре официального отзыва в особенности тоже следуют признать обязательными [5]. Заметим, что некатегоричности и строгому соблюдению научного этикета в данном жанре способствует также публичный характер коммуникации, принятый в его рамках. Все отзывы не только обязательно публикуются на сайтах диссоветов, но и обязательно оглашаются вслух на защитах диссертаций, т. е. в прямом смысле слова становятся достоянием широкой научной общественности. Например, в жанре слепой рецензии, близком по сути, но отличающемся от жанра официального отзыва именно отсутствием публичности, с соблюдением принципа некатегоричности речи дело обстоит иначе.

Соблюдение научной этики неизменно подразумевает демонстрацию уважения, колле-

гиальной солидарности и поддержки. Жанр отзыва – потенциально травматичен для соискателя: Т. В. Ларина относит оценочные жанры к конфликтогенным, неэкологичным жанрам [6]. Поэтому любое негативное воздействие на адресата (попутно отметим полиадресность жанра отзыва: здесь главным адресатом выступает соискатель, но его научный руководитель, диссертационный совет, ВАК и вся научная общественность в целом тоже являются адресатами) следует минимизировать, смягчать, т. е. критические замечания представлять как свои мнения, а не непреложные факты, несогласие следует выражать максимально корректно, некатегорично, сдержанно и вежливо. Замечания могут оформляться и в виде рекомендаций:

Рисунок 4.8 скомпонован не **вовне** удачно; В диссертационной работе **довольно** много опечаток: **кое-где** пропущены слова <...>; Во Введении недостает изложения краткого содержания диссертации по главам, что значительно **облегчило бы** ориентацию в структуре диссертации; Без этих данных, **на мой взгляд**, нет достаточных оснований утверждать, что механизмы индуцированной лазером реакции схожи в кровеносных и лимфатических сосудах; В главе 3 **не очень** понятно назначение раздела 3.1.5 <...> Автор приводит тщательно построенные фазовые портреты, но **практически** не комментирует итоги исследования <...> Здесь явно отсутствует необходимый комментарий, **ведь зачем-то эта работа была проделана?** (из отзывов по физике); О возникновении «тока в материале» <...>, **возможно, имело бы** смысл рассуждать в терминах энергетического зазора между валентной зоной и зоной проводимости <...>. **Желательно** было представить схему процесса (из отзыва по химии).

Кроме коммуникативного смягчения в отзывах ярко представлена и категория коммуникативного усиления, когда специальным образом выделяются, подчеркиваются различные аспекты диссертации. Как показало наше исследование, часто усиление используется в отношении сильных, положительных сторон работы, когда отмечаются несомненные успехи и прочие достижения автора диссертации:

*Работа написана на основе широкого круга архивных и опубликованных источников. **Прежде всего, следует отметить**, что использованы неопубликованные дела из 13 фондов Российского государственного архива древних актов, Российского государственного исторического архива <...> (из отзыва по истории); **Наконец, нельзя не отметить** теоретическую и практическую значимость микроисследования, посвященного интернет-сфере дискурса исполнительной власти <...> (из отзыва по лингвистике); Развитие представлений о микроциркуляторных сетях как саморегулирующихся системах с обратными связями, **несомненно**, является актуальной задачей современной биофизики <...> (из отзыва по физике).*

Активную реализацию категорий смягчения и усиления тоже следует отнести к неперемным правилам жанра отзыва, которые определяют формы и виды используемых в нем оценок. Подчеркнем, что хотя жанр отзыва отличается значительной «жесткостью», высокой долей регламентированности и ограниченной свободой для авторского самовыражения, личность и индивидуальность оппонента, тем не менее, в нем так или иначе раскрывается: большинство изученных нами отзывов представляют собой творческие, неординарные, непохожие друг на друга научные произведения с разной долей авторского субъективно-модального начала, которое фактически и определяет степень и уровень представленности в отзывах категорий смягчения и усиления.

Цель и материалы исследования

В традициях зарубежной лингвистики категории смягчения и усиления исследуются через использование особых речевых единиц: смягчение (*hedging*, от англ. *hedge* – ограждение, гарантия, страховка) реализуется посредством хедж-маркеров или хеджей, а усиление (*boosting*, от англ. *boost* – повышать, продвигать, развивать) – посредством бустеров. Эти термины являются традиционными уже не только в зарубежной лингвистике, они сегодня приняты и в российской лингвистике, поэтому в данной работе мы будем использовать именно их.

Цель исследования – на основе количественного и качественного анализа функционирования хеджей и бустеров в жанре официального отзыва на диссертацию выявить специфику выражения в этом жанре коммуникативного усиления и смягчения, а также факторов, влияющих на реализацию этих категорий. В качестве **гипотезы исследования** выдвигается предположение о влиянии на частотность и функционирование исследуемых единиц таких факторов, как научная сфера (дисциплина) и гендер автора отзыва. Исследование проведено **на материале** 64 русскоязычных отзывов на диссертацию официальных оппонентов и ведущих организаций общим объемом более 90 000 словоупотреблений. Исследовались отзывы на кандидатские и докторские диссертации, защищенные в 2016–2021 г. по гуманитарным (лингвистике, литературоведению, истории) и естественным (физике, химии, медицине) наукам примерно в равном объеме. Отзывы ведущих организаций использовались только в случае указания в них автора и только в случае единоличного авторства. Для исследования влияния гендера были отобраны «мужские» и «женские» отзывы приблизительно в равном объеме. В качестве источника материала преимущественно

использовались онлайн страницы диссертационных советов Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (<https://www.sgu.ru/research/dissertation-council>) и Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского (<http://www.sgmu.ru/sci/dissov/>), а также сайты других российских вузов. Отметим, что, поскольку были использованы отзывы диссертаций, допущенных к защите и позже успешно защищенных, то все они содержат положительное заключение о рецензируемых диссертациях.

Хеджи и бустеры – два типа дискурсивов-регулятивов

Термин «хедж», вероятно, впервые встречается в работе американского лингвиста Дж. Лакоффа (1972), посвященной логическим свойствам таких английских слов и выражений, как *rather* (довольно, скорее), *largely* (главным образом), *in a manner of speaking* (в некотором роде), и тому, как эти слова способны сделать высказывания более или менее определенными, ясными, однозначными [7]. В течение последних десятилетий сначала в западной, а позже уже и в отечественной лингвистике появилось большое количество работ, где понятие хеджа углубляется и расширяется, предлагаются лексические и прагматические типологии хеджей и хеджинг-стратегий, изучается роль и особенности хеджей в различных типах дискурса разных языков [8, 9]. Хеджи, как правило, определяются как слова и фразы, помогающие автору и адресату «сохранить лицо», снизить ответственность за содержание высказывания, тем самым оградив его от возможных рисков, помогают избежать конфликтов, продемонстрировать уважение к адресату и солидарность с ним. Объем и границы класса хеджей варьируются у разных исследователей и определяются, как представляется, целями и материалом исследования. В нашем исследовании к хеджам мы относим различные языковые единицы (слова – преимущественно наречия и частицы – *возможно; якобы; видимо; вполне; довольно; достаточно; около*, выражения *так сказать; может быть; насколько это возможно; условно говоря; так или иначе; на мой взгляд*, предложения *как нам кажется; можно согласиться; я думаю; считаем; думается; как можно видеть*) и явления / категории (сослагательное наклонение – *хотелось бы отметить; стоило бы выделить*), выполняющие функцию снижения категоричности речи, ослабления иллокутивной силы высказывания, смягчения, выражения сомнения, неопределенности, неуверенности, неточности.

В большинстве исследований хеджи изучаются в рамках метадискурса, в нашей терминологии – в рамках вспомогательной системы

дискурса, под которым мы понимаем систему дискурсивных единиц (дискурсивов), помогающих адресату адекватно воспринимать и интерпретировать дискурс. Дискурсивы-регулятивы ориентированы на авторское самовыражение (включая выражение мнения, оценки, отношения) и взаимодействие автора и адресата [10]. Если хеджи смягчают содержание высказывания, то вторая разновидность дискурсивов-регулятивов – бустеры – его усиливают. Бустерам в литературе в целом уделяется меньше внимания [11], чем хеджам, что, возможно, обусловлено связью хеджей с категориями вежливости и речевого этикета, а также вытекающей отсюда настойчивой необходимостью (безусловно зависящей от сферы и жанров коммуникации) не только исследовать употребление хеджей в разных типах дискурса, но и обучать их правильному употреблению (как в рамках родного языка, так и при изучении иностранного). Тем не менее, бустеры в коммуникации вообще и в научной речи особенно играют чрезвычайно важную роль: они помогают подчеркнуть, выделить главное и важное в речи, расставить акценты, выразить уверенность, определенность, настойчивость, усилить категоричность высказывания. Как и хеджи, это транскатегориальные единицы, включающие слова: *очевидно; безусловно; естественно; абсолютно; только; главное; необходимо; очень; крайне*, выражения *вне всякого сомнения; прежде всего; в первую очередь; в конце концов; ни в коей мере*, предложения *хочу отметить; следует подчеркнуть; можно утверждать; обратим внимание*, союзные обороты *не только ..., но и ...; либо ... либо; не столько ... сколько ...*

Результаты исследования и их обсуждение

Проведенный количественный анализ показал, что употребление хеджей и бустеров в жанре отзыва на диссертацию находится в зависимости от научной дисциплины и гендера. Чаще всего хеджи и бустеры встречаются в отзывах гуманитариев. Представим исследованные науки по убыванию суммарного показателя частотности хеджей и бустеров: история (26: здесь и далее приводится частотность как среднее количество употреблений хеджей / бустеров на 1000 словоупотреблений), литературоведение (25), лингвистика (19,8), химия (17,2), физика (16,2), медицина (7,9). При этом максимальная частотность хеджей зафиксирована в отзывах литературоведов (12,5), а бустеров – в отзывах историков (16,7). Реже всего хеджи (3,2) и бустеры (4,7) встречаются в отзывах медиков, что мы связываем с предельно формальным стилем написания этих отзывов: в них практически отсутствуют рассуждения, формулировки однотипные, личностное

начало в большинстве случаев отсутствует (нам встретился лишь один «медицинский» отзыв похожий в плане употребления хеджей и бустеров на отзывы других наук). В целом у гуманитариев хеджи употребляются реже бустеров, в естественных же науках, наоборот, количественно преобладают хеджи. Однако во всех науках кроме истории различия между частотностью хеджей и бустеров незначительные.

Следует сказать, что колебания показателя частотности хеджей по наукам (от 8,5 у физиков до 13,2 у литературоведов) не столь велики, как колебания показателя частотности бустеров (от 7,2 у физиков до 17,7 у историков). Вероятно, эти данные можно расценить как указание на более универсальную роль хеджей в научном дискурсе вне зависимости от науки. Смягчить силу письменного высказывания можно, как правило, только с помощью специальных средств – хеджей, а вот усилить высказывание можно разными способами: например, путем использования индикатива, цифровых данных, перечисления фактов, ссылкой на авторитетное мнение и т. д. (эти способы мы не исследуем). Можно сказать, что отсутствие в высказывании хеджей уже в какой-то мере его усиливает. Таким образом, употребление бустеров более зависимо от науки: у гуманитариев они используются более чем в два раза чаще, чем у представителей естественных наук.

Что касается проявления гендера, то анализ показал, что во всех науках кроме физики хеджи и бустеры суммарно в отзывах мужчин встречаются чаще, чем у женщин (историки: 28,9 у мужчин и 22,7 у женщин; литературоведы: 28,1 и 21,4; химики: 21,6 и 12,4; лингвисты: 17,6 и 15,5; медики: 10,3 и 5,4). В отзывах физиков, наоборот, суммарная частотность хеджей и бустеров выше в отзывах женщин: 17 и 15,7. Как можно видеть, разница между этими показателями у мужчин и женщин не во всех науках значима. Наибольшие различия между гендерами проявлены в отзывах химиков и медиков, где данные единицы у мужчин встречаются почти в два раза чаще, чем у женщин. В остальных науках межгендерные различия представлены не столь значимо.

Проследим результаты по хеджам и бустерам отдельно. По употреблению хеджей лидируют литературоведы-мужчины (13,2) и химики-мужчины (12,6), а бустеров – историки-мужчины (17,7) и лингвисты-мужчины (17,1), т. е. мужчины чаще, чем женщины прибегают и к хеджам, и к бустерам во всех науках кроме физики. Отметим, что мужчины употребляют дискурсивы-регулятивы чаще женщин не только в отзывах, но и других научных жанрах (при этом, например, в научных статьях дискурсивы в целом в два раза более частотны, что, веро-

ятно, связано с большей свободой авторского самовыражения в статьях и жесткостью жанра отзыва) [12].

Отдельно рассмотрим данные по «женским» отзывам: чаще других хеджи и бустеры употребляют историки-женщины (22,7) и литературоведы-женщины (21,4). Реже всего эти единицы встречаются в отзывах медиков-женщин (5,4) и химиков-женщин (12,4). При этом бустеры наиболее частотны у тех же историков-женщин (15,5), а хеджи – у литературоведов-женщин (11,7), физиков-женщин (9,5) и лингвистов-женщин (9). В отношении гендера, как и в отношении науки, бустеры тоже показывают более весомые различия, чем хеджи. Показатели частотности хеджей колеблются от 6 у химиков-женщин до 13,2 у литературоведов-мужчин, аналогичные показатели бустеров находятся в диапазоне от 6,4 у химиков-женщин до 17,7 у историков-мужчин, что, повторимся, говорит в пользу более универсального характера употребления хеджей по сравнению с бустерами.

Заключение

Проведенное исследование показало, что в жанре отзыва на диссертацию категории коммуникативного смягчения и усиления реализуются в соответствии с правилами этого жанра и требованиями к форме и виду представленной в нем оценки. Данные категории являются градуальными: их реализация в изученном жанре специфична для разных научных дисциплин и обусловлена гендером автора отзыва. Подчеркнем, что смягчение и усиление ни в коем случае не должны противопоставляться. Во-первых, во многих случаях стратегии смягчения и усиления реализуются одновременно в одном высказывании (*можно утверждать; можно констатировать* – модальный предикатив *можно* смягчает, а семантика глаголов *утверждать* и *констатировать* усиливает) или даже в одной словоформе (*вынуждены признать; констатируем* – семантика предикатива / глагола усиливает, а опущение субъекта *мы* – смягчает) (о типичности квазиезических конструкций для научных жанров и их роли в демонстрации авторской рефлексии см. [13]). Во-вторых, как уже говорилось выше, смягчение выражается более эксплицитно: чтобы сделать высказывание менее категоричным автор должен приложить определенные усилия и прибегнуть к специальным языковым средствам (хеджам). В-третьих, и хеджи, и бустеры являются действенными средствами усиления речевого воздействия. Смягчая категоричность, мы тем самым, как это не парадоксально, усиливаем свое воздействие на адресата, потому что располагаем его к себе, а значит, создаем лучшие условия для адекватного вос-

приятия нашего высказывания. Таким образом, категории смягчения и усиления служат в жанре отзыва одной общей цели: способствуют созданию эффективной, экологичной, позитивной коммуникации, при этом соблюдаются как требования самого жанра (выражается объективная оценка диссертации), так и интересы адресата. Сильные стороны работы выглядят еще более сильными, а критика слабых сторон осуществляется бережно, некатегорично,

например, в форме личного мнения, рекомендации или вопроса.

Разумеется, в этой статье представлены лишь некоторые соображения автора по поводу данной темы; сделанные выводы ограничены исследованным материалом и нуждаются в проверке на большем материале с привлечением других наук. Перспективным также представляется анализ других оценочных жанров и других научных жанров, в том числе с привлечением данных других языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Набиева Е. А.* Рецензия как публицистический жанр. М. : Флинта ; Наука, 2015. 160 с.
2. *Петренко Ю. А.* Отзыв как жанр академического дискурса и его основные характеристики (на примере отзывов на диссертации и авторефераты диссертаций) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2020. Т. 13, вып. 11. С. 262–267.
3. *Деметьев В. В.* Аксиологическая генристика: аспекты проблемы «оценка и жанр» // *Жанры речи.* 2016. № 2 (14). С. 9–24. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-9-24>
4. *Аникин В. М., Поизнер Б. Н.* Оппонирование диссертации: через букву нормы – к принципам объективной оценки // *Известия вузов. Прикладная нелинейная динамика.* 2017. Т. 25, № 6. С. 79–86.
5. *Никитина Л. Б., Малышкин К. Ю.* Речевой жанр научной рецензии через призму категоричности оценки // *Жанры речи.* 2015. № 2 (12). С. 72–79. <https://doi.org/10.18500/10.18500/2311-0740-2015-2-12-72-79>
6. *Ларина Т. В.* Эмотивная экологичность и эмотивная вежливость в английской и русской анонимной рецензии // *Вопросы психолингвистики.* 2019. № 1 (39). С. 38–57.
7. *Lakoff G.* Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // *Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society.* Chicago, 1972. P. 183–228.
8. *Hübler A.* *Understatements and Hedges in English.* Amsterdam : John Benjamins, 1983. 192 p.
9. *Hyland K.* Prudence, Precision and Politeness: Hedges in Academic Writing // *Quaderns de Filologia. Estudis Lingüistics.* 2005. № 10. P. 99–112.
10. *Викторова Е. Ю.* Дискурсивные слова: единство в многообразии // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика.* 2014. Т. 14, вып. 1. С. 1–15.
11. *Hyland K.* Hedges, Boosters and lexical invisibility: Noticing modifiers in academic texts // *Language Awareness.* 2000. Vol. 9, № 4. P. 179–197.
12. *Викторова Е. Ю.* Дискурсивные слова разного типа в устной и письменной научной речи // *Филология и человек.* 2014. № 4. С. 15–27.
13. *Стексова Т. И.* Изъяснительные конструкции в научном дискурсе: жанровые предпочтения // *Жанры речи.* 2020. № 4 (28). С. 278–286. <https://doi.org/10.18500/10.18500/2311-0740-2020-4-28-278-286>

REFERENCES

1. *Nabieva E. A.* *Retsenziya kak publitsisticheskii zhanr [A Review as a Journalistic Genre].* Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2015. 160 p. (in Russian).
2. *Pentrenko Yu. A.* Review as an academic discourse genre and its major characteristics. *Philological Sciences. Theory and Practice*, 2020, vol. 13, iss. 11, pp. 262–267 (in Russian).
3. *Demytyev V. V.* Axiological genristics: Aspects of a problem “evaluation and genre”. *Speech Genres*, 2016, no. 2 (14), pp. 9–24 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-9-24>
4. *Anikin V. M., Poizner B. N.* Reviewing dissertations: Through the letter of the norm to the principles of objective evaluation. *Izvestiya VUZ. Applied Nonlinear Dynamics*, 2017, vol. 25, no. 6, pp. 79–86 (in Russian).
5. *Nikitina L. B., Malyshekin K. Yu.* The speech genre of scientific review through a prism of assessment assertiveness. *Speech Genres*, 2015, no. 2 (12), pp. 72–79 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/10.18500/2311-0740-2015-2-12-72-79>
6. *Larina T. V.* Emotive ecology and emotive politeness in English and Russian blind peer-review. *Journal of Psycholinguistics*, 2019, no. 1 (39), pp. 38–57 (in Russian).
7. *Lakoff G.* Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. *Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society.* Chicago, 1972, pp. 183–228.
8. *Hübler A.* *Understatements and Hedges in English.* Amsterdam, John Benjamins, 1983. 192 p.
9. *Hyland K.* Prudence, Precision and Politeness: Hedges in Academic Writing. *Quaderns de Filologia. Estudis Lingüistics*, 2005, no. 10, pp. 99–112.
10. *Viktorova E. Yu.* Discourse markers: A unity through variety. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2014, vol. 14, iss. 1, pp. 10–15 (in Russian).
11. *Hyland K.* Hedges, Boosters and lexical invisibility: Noticing modifiers in academic texts. *Language Awareness*, 2000, vol. 9, no. 4, pp. 179–197.
12. *Viktorova E. Yu.* Discourse markers of various types in spoken and written academic discourse. *Philology and Person*, 2014, no. 4, pp. 15–27 (in Russian).
13. *Steksova T. I.* Object clauses in academic discourse: Genre preferences. *Speech Genres*, 2020, no. 4 (28), pp. 278–286 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/10.18500/2311-0740-2020-4-28-278-286>

Поступила в редакцию 05.06.2022; одобрена после рецензирования 22.07.2022; принята к публикации 03.08.2022
The article was submitted 05.06.2022; approved after reviewing 22.07.2022; accepted for publication 03.08.2022

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 132–137

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 132–137

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-132-137>, EDN: RFLKOA

Научная статья

УДК 821.161.1.09-31+929Достоевский

Религиозно-философские диалоги в романе Достоевского «Бесы»**А. А. Гапоненков**

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской
и зарубежной литературы, gaпоненkova@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2177-1835>

Аннотация. Как таковой философский диалог – жанр, порожденный античной культурой, стал неотъемлемой частью романов Ф. М. Достоевского. И в них он обрел отчетливо религиозный характер. В этом смысле теория М. М. Бахтина о полифоническом диалоге в романах писателя не позволяет до конца объяснить его (диалога) мистико-религиозное содержание и тем более скрытую авторскую позицию в нём – христианскую оценку («указующий перст, страстно поднятый»). А вопрос о вере в полифоническом диалоге вообще не поставлен. Бахтин ограничивается диалогом «речевых активностей» субъектов, сознаний героев «в области слова», «образом идеи» как «живого события». В статье выделен особый *религиозно-философский диалог* в романе Достоевского на примере «Бесов». Доказывается, что герои подобного диалога философствуют, т. е. выступают не только как обладатели внешних, действительных, психологических характеристик, но и как выразители определенной интеллектуальной активности, сложившейся концепции жизни, которую они обычно претворяют в философиях,мыслеобразах. Религиозно-философский диалог присутствует и тогда, когда он ведется на уровне метафизических глубин, с использованием символа веры, проявлением религиозного чувства, когда решается вопрос об Абсолюте. Глубинный драматизм, обращение к вечным проблемам бытия, предельное расширение художественного пространства затрагиваемых тем, предметов диалога ограничивают сюжетную конкретику, детализированность характеров. Возникает ощущение прямой связи между двумя сознаниями в самых потаенных глубинах человеческого духа: «Тут дьявол с богом борется, а поле битвы – сердца людей» (XIV, 100)¹.

Ключевые слова: диалог, религиозно-философский диалог, жанр романа, Достоевский, «Бесы», вопрос о вере

Для цитирования: Гапоненков А. А. Религиозно-философские диалоги в романе Достоевского «Бесы» // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 132–137. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-132-137>, EDN: RFLKOA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Religious and philosophical dialogues in Dostoevsky's novel Demons**A. A. Gaponenkov**

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexey A. Gaponenkov, gaпоненkova@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2177-1835>

Abstract. Philosophical dialogue as a genre generated by ancient culture has become an integral part of F. M. Dostoevsky's novels. There it acquired a distinctly religious character. In this sense, the theory of M. M. Bakhtin about polyphonic dialogue in Dostoevsky's novels does not allow to fully explain its (dialogue's)

¹Здесь и далее тексты Достоевского цитируются по изданию с указанием в скобках тома и страницы: [1].

mystical-religious content, and even more so the hidden author's modality – Christian assessment (“pointing finger, passionately raised”). Moreover, the question of faith in the polyphonic dialogue is not raised at all. Bakhtin confines himself to the dialogue of the “speech activities” of the subjects, the characters’ minds “in the realm of the word”, “the image of the idea” as a “living event”. The article highlights a special religious and philosophical dialogue in Dostoevsky’s novel on the example of *Demons*. It is proved that the characters of such a dialogue philosophize, i.e. act not only as those with external, effective, psychological characteristics, but as spokesmen for a certain intellectual activity, an established concept of life, which they usually translate into philosophemes, mental images. Religious-philosophical dialogue is also present when conducted at the level of metaphysical depths, with a creed, a manifestation of religious feeling, when the question of the Absolute is being resolved. Deep drama, appeal to the eternal problems of existence, the ultimate expansion of the artistic space of the topics, the subjects of dialogue limit the plot peculiarities and the characters’ details. There is a feeling of a direct connection between the two minds in the darkest corners of the man’s spirit: “Here the devil is fighting with God, and the battlefield is the hearts of people” (XIV, 100).

Keywords: dialogue, religious-philosophical dialogue, genre of the novel, Dostoevsky, “*Demons*”, the question of faith

For citation: Gaponenkov A. A. Religious and philosophical dialogues in Dostoevsky’s novel *Demons*. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 132–137 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-132-137>, EDN: RFLKOA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Недоосвещенность героев, ситуаций, коллизий в романах Достоевского – авторская устремленность, черта поэтики. Очень точно ее определил Ф. А. Степун, говоря, что писатель «как бы совлекает со своих героев их эмпирическую плоть, раздевает их до метафизической наготы» [2: 335]. В целом вокруг каждого персонажа философ видит «разную художественную плотность» в описании жилища, природы, окружающего социума. Мировоззрение романного героя реализуется посредством речевых диалогов, они становятся основной вербальной формой создания его образа, ведут от воспроизведения примет действия в речи к «образу идеи» [3:100].

Не все обмены репликами, развернутыми высказываниями являются религиозно-философскими диалогами. Классифицировать диалоги можно, но любая классификация их будет несовершенна и едва ли исчерпывающая. В чистом виде сделать это нельзя. Они разного типа и различаются по содержанию, имеют свою тему, ситуацию высказывания. Диалоги персонажей между собой как бы держат внутри всю конструкцию романа «Бесы», наряду с массовыми сценами, реально-бытовыми эпизодами. Религиозно-философские диалоги создают напряженное нравственно-философское, религиозное поле, многообразие образов идей романа.

Такого рода диалоги в «Бесах» разнообразны. Они определяют сюжетное движение, развитие авторской мысли. Диалоги предельно обостряют, драматизируют природу романного действия. Когда сталкиваются полярные точки зрения на мир, повествователь устраняется и возникает своеобразный сценизм. Достоевский в письме к кн. В. Д. Оболен-

скому писал: «Есть какая-то тайна искусства, по которой эпическая форма никогда не найдёт себе соответствия в драматической. <...> Другое дело, если Вы как можно более переделаете и измените роман, сохранив от него лишь один какой-нибудь эпизод, для переработки в драму, или, взяв первоначальную мысль, совершенно измените сюжет» (XXIX, I, 225).

Примерами экспозитивного диалога в романе «Бесы», вводящего читателя в круг идей и переживаний героев, служат диалоги Степана Трофимовича с Шатовым (X, 33–34) и Кирилловым (при участии Липутина) (X, 77–78). Эти краткие философские диалоги сразу нарушают плавное течение хроникерской описательности, обуславливая дальнейшее развитие заявленных идей. Читатель ждет их развертывания. Позиция Степана Трофимовича определена в первой же главе биографическим отступлением Хроникера. Предыстории Шатова и Кириллова едва намечены, практически отсутствуют. Шатов и Степан Трофимович скорее обмениваются развернутыми монологами, которые есть зачатки спора, его исходный пункт, первоначало. Требуется дальнейшей аргументации и история идеи Шатова – прелюдия других споров с ним.

Объяснения Кириллова провоцируются Липутиным и остаются недосказанными инженером, который раскрывает свою теорию подробнее в беседе с Хроникером (X, 91–95). И это – первый чисто философский диалог-интервью в романе. Хроникер задает направляющие беседу вопросы и ограничивается фиксацией оттенков чувств собеседника в процессе диалога: «очень нахмурился» (X, 92), «покраснел» (X, 92), «вдруг улыбнулся да-

вешнею детскою улыбкой» (X, 92), «заклучил он вдруг с удивительно экспансивностью» (X, 94)... Подобное не затмевает собой основное – фразеологическое выражение мыслей-чувств героя, рождающихся в глубине целеустремленной души: «Будет богом человек и переменится физически. <...> Меня бог всю жизнь мучил» (X, 94). Афористичность, строгая логизация мыслей, убежденность «помешанного» Кириллова придают его заимствованной и выстраданной философской доктрине рождение Человекобога стройную разумную обоснованность и невероятную боготорческую силу воздействия, вырастающую в своевольное дерзание духа.

В построении «Бесов» поражает необыкновенное художественно-логичное сцепление эпизодов. Достоевский как бы выдерживает принцип симметрии. Герои-идеологи Шатов и Кириллов, прежде чем происходит встреча между ними, параллельно сведены – каждый в отстаивании своей идеи – поочередно со Степаном Трофимовичем, Хроникером, Ставрогиним. Религиозно-философское содержание просматривается в отдельных фразах обычного событийного диалога, подталкивающего действие. Вкрапление философских абстракций и теорий здесь связано с неожиданным поворотом разговора в сторону прояснения философской позиции персонажа. Николай Всеволодович видит книгу Консидерана и спрашивает фурьериста Липутину, не французский ли перевод это: «<...> с какою-то даже злобой привскачил Липутин, – это со всемирно-человеческого языка будет перевод-с, а не с одного французского! С языка всемирно-человеческой социальной республики и гармонии, вот что-с! А не с французского одного!..» (X, 45). Шатов за рассуждениями о врагах «живой жизни» не замечает, как Марге «мучается родами». Проповедь Бога здесь сосуществует с реальным, приземленным разговором – встречей двух родных и разлученных долгое время людей (X, 441–443).

Совершенно необычны два диалога с участием Хромоножки. Первый из них с Шатовым (X, 114–118), вероятно, справедливо назвать поэтическим. Блаженные, пророческие слова слабоумной Марьи Тимофеевны – это поэтические откровения, «слезы радости», полубредовые «сны», зародившиеся в полубессознательном ее прозрении духовной сущности мира. Здесь нет динамизма мысли, может быть, самой мысли, но есть, по словам С. Булгакова, «нездешней музыкой обвеянная речь» [4:507]. Слова Марьи Тимофеевны художественно-философичны уже потому, что в высоком святом чувстве, идущем от материя земли, – символическое созвучие, гармония

истины, добра и красоты: ««А по-моему, говорю, бог и природа есть все одно» <...> одна наша старлица, на покаянии у нас жила за пророчество: «Богородица что есть, как мнишь?» – Великая мать, отвечаю, упование рода человеческого». – «Так, говорит, богородица – великая мать сыра-земля есть, и великая в том для человека заключается радость... И всякая тоска земная и всякая слеза земная – радость нам есть...»» (X, 116). Перед нами один из последовательных и развернутых монологов Хромоножки. Шатов выслушивает их «прилежно» (X, 117) и задает изредка удивленные вопросы. Он немногословен, задумчив, отказывается слишком настаивать, вопрошать, умолять. Его отношение к собеседнице выражено смиренной фразой: «Э, что мне до тебя, да и грех» (X, 118). Шатову близка народная православная, отфольклорная стихия ее бредовых переживаний. Она чувствует в нем друга доброго, искреннего. Диалог происходит под наблюдением Хроникера, который изредка уведомляет читателя о своем присутствии.

Другой диалог Хромоножки, уже со Ставрогиним (X, 215–219), длится без видимых свидетелей (изменилась повествовательная позиция). «Наяву» является законный супруг Марьи Тимофеевны – Николай Всеволодович и кто-то еще, *иной*, воображаемый ее собеседник. Хромоножка ведет разговор то ли с раздвоившимся Ставрогиним, то ли с ним одним, наряду с идеально представленным, возлюбленным Князем: «Только мой – ясный сокол и князь. А ты – сыч и купчишка!» (X, 219).

Что это – галлюцинация, сон, прозрение? Центральный образ данного диалога скрывается в чаю Хромоножкой словесимболе «князь», местоименным заместителях (*он, его, ним*). По-разному понимается среди достоевсковедов это воображаемое лицо – участник диалога. Трудно дать формулу для обозначения противочувствий Марьи Тимофеевны. Мы сталкиваемся с одной из загадок художественного мира Достоевского. Вяч. И. Иванов разрешил ее согласно христианской теодицеи: «Этот другой, светлый князь герой-богоносец, в лице которого ждет юродивая во Христе духовидица самого Князя Славы» [5:524]. Абсолютно противоположная позиция отстаивается Л. И. Сараскиной: «Марье Тимофеевне грезится князь гордый и своевольный» [6: 154].

Диалоги с участием Ставрогина многозначны, но не все они религиозно-философские. Ситуация их протекания таинственна. За одним первоначальным планом взаимоотношений героев проглядывает другой смысловой план. Предельно обостряют природу

действия, например, три диалога Петра Верховенского со Ставрогиным. В дьявольской доктрине беса «с даром бездарности» (X, 175) – Петра Степановича Верховенского, по мысли Н. А. Бердяева, «нельзя уже нащупать ничего онтологического» [7:92]. К каким только уловкам, перебивам диалога, уклонениям в сторону не прибегает он ради достижения заветной цели: вовлечения Ставрогина в свое «дело», его преобразования в Ивана-Царевича.

Гротескное в образе Ставрогина, тайнопись его пути в романе, «эманация этой необычайной личности» [8:124] в Шатове, Кириллове, П. Верховенском воплощают трагическое его абстрагирование от «почвы», соблазны *разумного* своеволия и вожделения, выразившиеся в трагико-философском экспериментировании с жизнью и над людьми. Загадка в самой личности Ставрогина. Есть что-то в человеке, что остается непознанным, хотя бы и «в авторской осознанности» – как говорил А. П. Скафтымов, «темная периферическая бахрома души» [9:83], потемки её.

Ставрогин не персонализирован в Шатове и Кириллове. Если и повторяют они дословно его мысли, живут ими, его образом и подобием, то остаются все же со своим темпераментом, со своей мистической, иррациональной глубиной. Человек не может быть разрушен до конца, переделан, потерян для человечества. Недаром так пронизательно обращает внимание Достоевский на малейшее изменение речевого тона, оттенков темперамента, первичных психологических реакций на воспринятую героями мысль.

Ставрогин заставляет героев-идееносителей поочередно в ненормальном морально-психологическом состоянии. Шатов бредит в «жару». Кириллов чем-то озабочен. Разговор Ставрогина и Кириллова о дуэльной истории постепенно подходит к основному предмету диалога – мысли Кириллова о своем самоубийстве ради установления «вечной жизни». Эта мысль подвергается проверке на истинность. Николай Всеволодович задает провоцирующие вопросы, заставляя собеседника объяснить, почему его любовь к жизни совместима со смертью. В своих ответах Кириллов приводит главные аргументы, что «смерти нет» и жизнь здешняя и вечная возможна, если «время остановится»: «Время не предмет, а идея. Погаснет в уме» (X, 188). Ставрогин выражает брезгливое сожаление: «Старые философские места, одни и те же с начала веков» (X, 188). Инженер парадоксально подхватывает последние слова в защиту своей теории: «Одни и те же! Одни и те же с начала веков, и никаких других никогда!» (X, 188). Он неистово отстаивает свою позицию.

Речевая сшибка становится повышено экспрессивной, придавая диалогу динамичность и дополнительный импульс. Читателю незримо передается заряд душевного беспокойства героя.

Кириллов признается, что он счастлив, что ему открылся символ «живой жизни» – «зеленый, яркий с жилками» (X, 188) лист. Инженер заметил точное время обретения счастья: «Я часы остановил, было тридцать семь минут третьего» (X, 189) – и не получает ответа.

Теория ночного сидельца выглядит логически безупречной: «Кто научит, что все хорошо, тот мир закончит» (X, 189). Конечность мира философски сопрягается у Кириллова с всеобщим человеческим счастьем.

Героями обсуждается коренной вопрос – вопрос о вере. Кириллов утверждает «сверхчеловека».

– Он придет, и имя ему человекобог.

– Богочеловек?

– Человекобог, в этом разница (X, 189).

Далее в одной из реплик Николай Всеволодович пародирует *логику веры* – неверие оппонента в Бога: «Если бы вы узнали, что вы в бога веруете, то вы бы и веровали; но так как вы еще не знаете, что вы в бога веруете, то вы и не веруете» (X, 189). Последняя, завершающая отповедь Кириллова исчерпывает религиозно-философскую проблематику диалога и приоткрывает тайну особых, мистических отношений между двумя ночными собеседниками: «Это не то <...> перевернули мысль. Светская шутка. Вспомните, что вы значили в моей жизни, Ставрогин» (X, 189).

Самый впечатляющий по продолжительности, динамизму, накалу мыслей религиозно-философский диалог – свидание Шатова и Ставрогина, безусловно венец всех диалогов романа (X, 190–203). Как ни упомянуть здесь бердяевское определение – «шатовские соблазны» [7:91] Достоевского.

Диалог развивается «pro et contra», то с нарастающим ритмом полярного речевого взаимодействия, то со спадом речевой активности одной из сторон. Таинственная связь этих двух людей ненамного приоткрывается читателю в процессе диалога: всплывает частично прошлое Шатова, контакты его с тайной организацией, Петром Верховенским. Разговор заходит о браке Ставрогина с Марьей Тимофеевной. Николай Всеволодович предупреждает собеседника о нависшей над ним опасности убийства. Чисто сюжетная конкретика на этом исчерпывается.

Все внимание приковывают *перипетии идей* данного изнурительного диалога, проявления *горячего сердца*. Художественно-философское пространство в романе внезапно раздвигается до вселенского масштаба:

«Мы два существа и сошлись в беспредельности... в последний раз в мире» (X, 195). В центре диалога – «главная тема» – народ-богоносец, русский народ как «тело божие» (X, 199). И от божественного мессианского его служения миру все остальное в концепции Шатова.

Ставрогину его тезисы уже знакомы. Их отношения в прошлом – учителя и ученика. Ученик укоряет Николая Всеволодовича за отступничество от дорогих ему, Шатову, символов веры. В его сердце глубоко укоренено ощущение единства Бога и родины. Шатов бросает обвинение Ставрогину в духовном соvrращении Кириллова. Николай Всеволодович признается бывшему ученику в своем атеизме. В ответ он получает глубоко выношенное убеждение: «Атеист не может быть русским, атеист тотчас же перестает быть русским» (X, 197). И следом слышит в развитие предыдущей мысли: «Не православный не может быть русским» (X, 197). Ставрогин парирует: «Я полагаю, что это славянофильская мысль» (X, 197). Реплики Шатова увеличиваются в объеме. Он начинает больше слышать себя, разоблачает римский католицизм в связи с атеизмом. Ставрогин просит перестать повторять свои же прошлые мысли. Шатов настаивает неуклонно: «Но не вы ли говорили мне, что если бы математически доказали вам, что истина вне Христа, то вы бы согласились лучше остаться с Христом, нежели с истиной» (X, 198). Саркастическая усмешка Николая Всеволодовича сменяется вдруг взрывом негодования: «Молчите <...> Я глуп и неловок, но *погибай мое имя в смешном* (здесь и далее в цитатах курсив мой. – А. Г.)» (X, 198).

Образ Ставрогина нередко сопровождает дерзкий смех. Диалог течет далее по настоянию одного собеседника – Шатова. Он говорит о науке и разуме, социализме, религии, о добре и зле, деспотизме полунауки. Центральный тезис его неизменен: «Бог есть синтетическая личность всего народа, взятого с начала его и до конца» (X, 198). Именно с этим положением не соглашается в первую очередь Ставрогин: «Уж одно то, что вы бога низводите до простого атрибута народности...» (X, 199). Последующая длинная тирада Шатова начинается эмоциональным всплеском: «Низвожу бога до атрибута народности? <...> Напротив, народ возношу до бога. Да и было ли когда-нибудь иначе? Народ – это тело божие» (X, 199). А завершается реплика прямым выпадом в адрес собеседника: «Какое мне дело до того, что вы не понимаете меня совершенно, совершенно, ни слова, ни звука!.. О, как я презираю ваш *гордый смех* и взгляд в эту минуту!» (X, 200). Ставрогин отчасти раздражает накаленную обстановку и сразу задает

вопрос о вере в Бога. Пригвожденный Шатов честно отвечает: «я... я буду веровать в бога» (X, 201). Он, верующий в народ-богоносец, по сути не верит в Бога. После столь откровенной фразы разрыв между репликами диалога заполняется портретной паузой молчаливого противоборства: «Ни один мускул не двинулся в лице Ставрогина. Шатов пламенно, с вызовом смотрел на него, точно сжечь хотел его своим взглядом» (X, 201).

Это – кульминационный отрезок словесного поединка. Далее что-то происходит в сознании и сердце Шатова. Сила пророчесственного пафоса его речи ослабевает, возрастают ноты обличения Николая Всеволодовича (сладострастное прошлое, страсть к мучительству). Ставрогин вдруг называет Шатова «психологом». Ученик одерживает в конце концов моральную победу в диалоге с учителем: «Я не могу вас вырвать из моего сердца, Николай Ставрогин!» (X, 202). Показательны в этом диалоге изменение тона речи и выражения лица Ставрогина. «Оставьте ваш *тон* и возьмите *человеческий*» (X, 201), – требует Шатов.

В главе «У Тихона», не вошедшей в основной текст романа «Бесы», Достоевский свел в диалоге-исповеди Ставрогина с отцом Тихоном. На вопрос «главного беса» о «сомнении» в вере Тихон отвечает о себе самом неожиданно для собеседника: «Не совершенно верую» (X, 10). Это значит «не в совершенстве», с чувством глубочайшего неравнодушия. Даже атеизм «почтеннее светского равнодушия», ближе всего подходит к «совершеннейшей вере».

Ставрогин же вызывающе «равнодушен», верует в беса «канонически» (X1, 10).

Подведем итог. Религиозно-философский диалог в романе «Бесы» очень напряженный, таинственный, мистический, обладает своеобразной духовной насыщенностью, интенсивностью протекания, темпа речевого взаимодействия. Вопрос о вере поднимается героями Достоевского в самые кульминационные отрезки словесных поединков. После того как произнесены слова о вере, сила звучания реплик персонажей ослабевает.

Во множестве религиозно-философских диалогов романов Достоевского перед нами знаковое событие – *исповедание веры*, вопрос о вере, заданный одним персонажем другому, собственно обмен словесными репликами (жестами, молчанием) подводит собеседников к ключевому моменту споров: «веруете ли вы, во что веруете»? Это и есть главный вопрос в религиозно-философском диалоге Достоевского. Карамазовы, Ставрогин, Шатов, Кириллов, Тихон, Мышкин, Макар Долгорукий, Раскольников, Соня, Мармеладов и другие персонажи характеризуются по их отношению к вере, неверию, своеволию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л. : Наука. Ленинград. отд-ние, 1972–1991.
2. Степун Ф. А. Мирозерцание Достоевского // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов. М. : Книга, 1990. С. 332–352.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Советская Россия, 1979. 320 с.
4. Булгаков С. Н. Русская трагедия // Булгаков С. Н. Сочинения: в 2 т. М. : Наука, 1993. Т. 2. С. 499–526.
5. Иванов В. И. Собрание сочинений: в 4 т. Брюссель : Жизнь с Богом, 1987.
6. Сараскина Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение. М. : Советский писатель, 1990. 480 с.
7. Бердяев Н. А. Духи русской революции // Бердяев Н. А. О русских классиках. М. : Высшая школа, 1993. С. 75–107.
8. Бердяев Н. А. Мирозерцание Достоевского // Бердяев Н. А. О русских классиках. М. : Высшая школа, 1993. С. 107–223.
9. Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М. : Художественная литература, 1972. 543 с.

REFERENCES

1. Dostoyevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Leningrad. otd-nie Publ., 1972–1991 (in Russian).

2. Stepun F. A. Dostoevsky's Worldview. In: *O Dostoyevskom: Tvorchestvo Dostoyevskogo v russkoy mysli 1881–1931 godov* [About Dostoevsky: Dostoevsky's Creativity in Russian Thought in 1881–1931]. Moscow, Kniga Publ., 1990, pp. 332–352 (in Russian).
3. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoyevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1979. 320 p. (in Russian).
4. Bulgakov S. N. Russian tragedy. *Bulgakov S. N. Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1993, vol. 2, pp. 499–526 (in Russian).
5. Ivanov V. I. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.]. Bryussel', Zhizn' s Bogom Publ., 1987. (in Russian).
6. Saraskina L. I. "Besy": roman-preduprezhdeniye ["Demons": A Novel-warning]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1990. 480 p. (in Russian).
7. Berdyayev N. A. Spirits of the Russian Revolution. *Berdyayev N. A. O russkikh klassikakh* [About Russian Classics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1993, pp. 75–107 (in Russian).
8. Berdyayev N. A. Dostoevsky's Worldview. *Berdyayev N. A. O russkikh klassikakh* [About Russian Classics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1993, pp. 107–223 (in Russian).
9. Skaftymov A. P. *Nravstvennyye iskaniya russkikh pisateley* [Moral Quests of Russian Writers]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972. 543 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 05.06.2022; одобрена после рецензирования 04.08.2022; принята к публикации 29.08.2022
 The article was submitted 05.06.2022; approved after reviewing 04.08.2022; accepted for publication 29.08.2022

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 138–145

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 138–145

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-138-145>, EDN: TFMACI

Научная статья

УДК 821.161.1.09-32+929Чехов

От врачебного диалога к бытийному конфликту: динамика речевых жанров в рассказе А. П. Чехова «Враги»

Е. А. Пономаренко

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Россия, Республика Крым, 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, д. 4

Пономаренко Елена Аликовна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, altai2005@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2191-3960>

Аннотация. Статья посвящена исследованию цепочек речевых жанров в рассказе А. П. Чехова «Враги». Утверждается, что РЖ, оформляющие социальные взаимоотношения главных персонажей рассказа, приводят к пониманию идейной концепции произведения, а также раскрывают суть названия рассказа. Отмечается, что речевое взаимодействие главных героев повествования представляет собой систему объединённых между собой РЖ. Описываются РЖ, сложившиеся в условиях ситуации речевого общения врача и пациента – РЖ медицинской жалобы – формирующий ядро институционального дискурса, а также РЖ, выходящие за пределы ядерной зоны: РЖ мольбы, отказа, апелляции, молчания, излияния души, оплаты за медицинские услуги. Констатируется, что встраиваясь в медицинский дискурс, данные РЖ составляют с ним функциональное единство. Автор приходит к мысли о том, что РЖ врачебного дискурса воспроизводят процесс профессионального речевого взаимодействия и квалифицируют как индивидуальные, так и общественно обусловленные качества персонажа-адресанта и персонажа-адресата, а также ситуацию их разговора. Инвективные РЖ обвинения и оскорбления, присущие бытовому – не институциональному дискурсу, характеризуются как конфликтные РЖ, указывающие на статусно-ролевую деградацию институциональных отношений. Отдельное внимание уделяется РЖ мольбы и РЖ излияния души, особенностям их функционирования и языковой специфике в связи с общекультурными ценностями и традициями русской духовной культуры. Отмечается роль авторских ремарок в описании коммуникативных ситуаций.

Ключевые слова: речевой жанр, медицинский дискурс, речевое взаимодействие, статусно-ролевые отношения, рассказ, персонаж

Для цитирования: Пономаренко Е. А. От врачебного диалога к бытийному конфликту: динамика речевых жанров в рассказе А. П. Чехова «Враги» // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 138–145. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-138-145>, EDN: TFMACI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

From medical dialogue to existential conflict: The dynamics of speech genres in A. P. Chekhov “Enemies”

E. A. Ponomarenko

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4 Academician Vernadsky Av., Simferopol 295007, Republic of Crimea, Russia

Elena A. Ponomarenko, altai2005@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2191-3960>

Abstract. The article presents the analysis of the chains of speech genres in A. P. Chekhov’s short story “Enemies”. It is argued that the speech genres which formalize the social relationships of the main characters of the story lead to an understanding of the concept of the work, as well as reveal the essence of the title of the story. It is noted that the verbal interaction of the main characters of the narrative is a system of interconnected speech genres. The article describes the speech genres that have developed in the context of the situation of verbal communication between a doctor and a patient, specifically the speech genre of a medical complaint

forming the core of institutional discourse, as well as speech genres that go beyond the core area: speech genres of pleading, refusal, appeal, silence, unburdening the soul, payment for medical services. It is stated that integrating into the medical discourse, these speech genres form a functional unity with it. The author concludes that the speech genres of medical discourse reproduce the process of professional speech interaction and qualify both individual and socially conditioned qualities of the originator character and the recipient character, as well as the situation of their conversation. Invective speech genres of accusations and insults inherent in ordinary (non-institutional) discourse are characterized as conflicting speech genres indicating the status-role degradation of institutional relations. Special attention is paid to the speech genres of pleading and the speech genre of the unburdening the soul, the peculiarities of their functioning and language aspects in connection with the general cultural values and traditions of Russian spiritual culture. The article also specifies the role of the author's remarks in the description of communicative situations.

Keywords: speech genre, medical discourse, speech interaction, status-role relations, story, literary character

For citation: Ponomarenko E. A. From medical dialogue to existential conflict: The dynamics of speech genres in A. P. Chekhov "Enemies". *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 138–145 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-138-145>, EDN: TFMACI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Несмотря на то что литературное наследие А. П. Чехова достаточно обстоятельно и всесторонне исследовано, в отечественной и зарубежной науке появляются работы, в которых переосмысливаются, анализируются, интерпретируются как уже признанные шедевры, так и наименее изученные. В современном чеховедении, в том числе лингвистическом, учёные достаточно часто обращаются к вопросам коммуникации в произведениях писателя (А. Д. Степанов, Н. И. Петровская, Ю. А. Груздева и др. [1–3]). По этому поводу В. В. Дементьев пишет: «В творчестве Чехова находим первоклассный материал для самых разнообразных направлений речеведческих исследований: изучение интерпретационных ходов и коммуникативных неудач, иронии и языковой игры, наконец, типов речевых жанров и языковых личностей» [4: 73].

С точки зрения функционирования речевых жанров (РЖ) заслуживает внимания рассказ «Враги», который принадлежит к числу малоисследованных. Хотя следует сделать оговорку. А. Д. Степанов (литературовед) в монографии «Проблемы коммуникации у Чехова» [4: 73] обращается к этому произведению и проводит своеобразное речеведческое исследование: через противопоставление «двух жанровых доминант – мелодрамы и публицистического дискурса» [1:168] выявляет проблему «взаимонепонимания» главных героев.

Мы же попытаемся проследить цепочки *речевых жанров*, оформляющих социальные взаимоотношения главных персонажей рассказа, показать, как речевое поведение приводит к пониманию идейной концепции рассказа, связанной прежде всего с его названием.

Постановка проблемы и результаты исследования

События в рассказе развиваются поступательно и привязываются к двум ситуациям, разворачивающимся в доме земского доктора Кирилова и в усадьбе дворянина Абогина. Речевое взаимодействие главных героев произведения представляет собой систему объединённых между собой речевых жанров. В первую очередь, это речевые жанры, сложившиеся в условиях ситуации речевого общения врача и пациента. Встраиваясь в ткань художественного произведения, такие РЖ многоаспектно характерологичны, поскольку воспроизводят процесс профессионального речевого взаимодействия и квалифицируют как индивидуальные, так и общественно обусловленные качества персонажа-адресанта и персонажа-адресата, а также ситуацию их разговора.

Диалог Абогина и Кирилова начинается традиционно в соответствии с логикой медицинского дискурса, а именно: с РЖ *медицинской жалобы*, которая в тексте носит опосредованный характер, поскольку к доктору обращается не сам заболевший, а его близкий родственник: дворянин Абогин сообщает доктору Кирилову о физическом недомогании своей супруги. ...У меня **опасно заболела жена** ... < > – **Я боялся не заставить вас, продолжал он. Пока ехал к вам, исстрадался душой**... [5: 30, 32]. В «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» Н. Ю. Шведовой отмечается: «*Жалоба* – 1. Выражение неудовольствия, печали, сетование по поводу неприятностей, боли» [6: 228], при этом целью речевого действия *жалобы* является «оказать какое-либо воздействие на адресата или других людей, а именно побудить адре-

сата исправить создавшееся нежелательное положение, найти у него понимание или сочувствие, или дать волю своим чувствам (если нет конкретного адресата)» [7: 5].

Абогин, как и подобает представителю дворянского сословия, предстаёт перед читателем солидным мужчиной, подчёркнуто следящим за своим внешним видом и поведением. У него изящные манеры, изысканная и правильная речь, изобилующая этикетными формулами. Обращаясь к доктору, он предельно учтив и вежлив: *Я – Абогин... имел удовольствие видеть вас летом у Гнучева. Очень рад, что застал...Бога ради, не откажите поехать сейчас со мной ...* [5: 30]. Вступая в диалог, Абогин эмоционально воздействует на Кирилова, стараясь при этом усилить восприятие трагичности сложившейся ситуации и вызвать к себе сочувствие. Он рассказывает доктору о происшествии, ставшем причиной его визита, – так РЖ жалобы переключается на нарратив: *... Произошло это таким образом. Приезжает ко мне Палчинский, Александр Семёнович, потому что вы знаете... Поговорили мы... потом сели чай пить; вдруг жена вскрикивает, хватая себя за сердце и падает на спинку стула, мы отнесли её на кровать, и... уж нашатырным спиртом тёр ей виски и водой брызгал... лежит, как мёртвая...* [5: 32]. Нарратив здесь рассматривается как «событийная речевая партия, которая характеризуется изложением хода, динамики событий во временной последовательности» [8: 245]. Событийная речевая партия представляет собой описание катастрофического события, где хронологическая последовательность сменяющихся друг друга действий персонажа передаётся с помощью глаголов в форме совершенного вида прошедшего времени и временного маркера – наречия *потом*. На эксцесс указывает, прежде всего, глагол *произошло*, семантически соотнесённый с существительным *событие*, в лексическом значении которого уже заложены семы ‘случай’ и ‘неожиданность’. Ситуацию непредвиденности усиливает и наречие образа действия *вдруг*. Завершается повествование речевым жанром *просьбы*, который подкрепляется отсылкой на генетическую обусловленность: *Одевайтесь и едемте, ради бога... <> Боюсь, что это аневризма... Поедемте. У неё и отец умер от аневризмы* [5: 32].

Следуя той же логике медицинского дискурса, доктор должен был ответить на *просьбу* и отреагировать на жалобу пациента, однако за РЖ *просьбы* следуют РЖ *молчания*, а затем РЖ *отказа*, находящиеся за рамками коммуникативной ситуации «врач –

пациент»: *Кирилов слушал и молчал, как будто не понимал русской речи. – Извините, я не могу ехать...* [5: 32]. Молчание здесь расценивается как определённое коммуникативное действие, особое невербальное средство, которое соответствует непроизнесённой речевой реакции. Оно обозначает не согласие, а уклонение от реплики, знак нежелания вступать в диалог вследствие объективной причины – сильного эмоционального потрясения. Речевой жанр *отказа*, логично следующий за *молчанием*, представляется оправданным лишь в рамках бытовой повседневной коммуникации, однако в условиях речевого взаимодействия врача и пациента такая последовательность речевых жанров не может быть применима, поскольку отказ доктора от выполнения своих профессиональных обязанностей противоречит этическим принципам врача.

Последующее развитие сюжета рассказа выявляет причину *молчания* и *отказа*. Абогин узнаёт о несчастье, случившемся в семье доктора – смерти единственного сына, и РЖ *жалобы* переключается на нехарактерный, но возможный для медицинского дискурса РЖ *мольбы*. Такое переключение вызвано тем, что «медицинский дискурс есть форма, в которой комбинируются статусно-ролевая позиция врача и личностно-ролевая позиция пациента. В процессе диалогического единства эти ролевые отношения тесно переплетаются, благодаря чему становится возможным включение в институциональный дискурс жанров неинституционального дискурса, таких как РЖ *мольбы*» [9:107].

Казалось бы, воспитанный в традициях русской речевой культуры Абогин должен был произнести слова соболезнования, отражающие специфику речевой вежливости, но вместо этого он ведёт себя как «полный, законченный эгоист, который поглощён своими интересами...» [1: 170]. Игнорируя несчастье и подавленное состояние Кирилова, Абогин всё же настаивает на поездке доктора в своё имение. Он пытается убедить врача в том, что не может обойтись без его помощи и прибегает к РЖ *мольбы*, побуждая таким образом к незамедлительному действию: *... Видим Бог, мне стыдно, что я в такие минуты пытаюсь овладеть вашим вниманием, но ... что же мне делать? Судите сами, к кому я поеду? Ведь кроме вас, здесь нет другого врача. Поедемте, ради Бога! Не за себя я прошу... Не я болел!* [5: 32]. Может показаться, что Абогин действительно сочувствует Кирилову, однако сочувствие это неискреннее. Оно проявляется только на словах. Пафосность и возвышенный тон речи в сочетании с формой её

выражения: простые неосложнённые восклицательные предложения, риторические вопросы – характеризуют главного персонажа как человека способного «изъясняться только монологами, раскрывающими его собственные страдания» [1: 170] и неспособного к сопереживанию. Безучастное отношение Абогина к душевному состоянию Кирилова передаётся и посредством некоторых языковых конструкций, например, речевых формул с именем Бога. При внимательном прочтении бросается в глаза странное несоответствие – человек с фамилией *Абогин*, в которой усматривается прозрачная внутренняя форма (приставка *а-*, вносит значение отсутствия качества), то есть, *А + Бог + ин* – существующий вне идеи Бога, произносит фразы, содержащие лексему *Бог*: **Видит Бог.., ради Бога, Бога ради**. Заметим также, что в фамилии *Абогин* наблюдается ассоциативная связь с прилагательным *убогий* = *ничтожный, посредственный*. А. П. Чехов неслучайно подаёт эти речевые формулы в рамках небольшого фрагмента текста, желая сконцентрировать внимание читателя на отсутствии у персонажа духовных качеств. Известно, что в языковой картине мира русского человека образ Бога связывается с идеей нравственной чистоты, и произносящий подобные выражения должен бы вкладывать в их суть глубокий сакральный смысл. Однако в монологах Абогина эти словосочетания становятся клише, семантически «выхолащиваются» и утрачивают сакральную сущность, приобретая этикетно-регулятивную и экспрессивную функции. И действительно, дворянин Абогин здесь представлен как человек, живущий вне ценностей русской духовной культуры.

Неискренность чувств Абогина подчёркивается также использованием невербальных компонентов, сопровождающих РЖ *мольбы*. Одним из таких невербальных знаков является жест '*прикладывание руки к груди*': – *Доктор, я не истукан, отлично понимаю ваше положение... сочувствую вам!* – сказал умоляющим голосом Абогин, **прикладывая к своему кашне руку** [5: 34]. Словосочетание *прикладывать руку к груди, к шее, к сердцу* представляет собой преобразованный фразеологизм *положа руку на сердце* со значением 'совершенно чистосердечно, откровенно, искренне' [10: 338]. В поведенческой характеристике Абогина А. П. Чехов использует его как знак отношения к собеседнику – доктору Кирилову – и как обозначение его собственного эмоционального состояния. Писатель намеренно заменяет слово *сердце* наименованием модного аксессуара *кашне*, таким образом показывая мнимость и поверхностность чувств персонажа.

Несмотря на *мольбу*, Кирилов всё же отказывается ехать в усадьбу Абогина, объясняя своё решение тяжёлым физическим и эмоциональным состоянием: **Я едва на ногах стою, а вы человеколюбием пугаете! Никуда я сейчас не годен... не поеду ни за что, да и на кого я жену оставляю? Нет. Нет... И не просите! Даже говорить не в состоянии...**[5: 35]. Аргументированный отказ здесь представлен в категорической форме – преимущественно языковыми конструкциями с отрицательной частицей *не*, при этом повышенная эмоциональная напряжённость поддерживается характерным жестовым движением рук: *Кирилов замахал кистями рук и попятился назад...* [5: 35]. Но и эти, казалось бы, достаточно веские доводы не волнуют Абогина, который относится к Кирилову потребительски, как «к бутафорской вещи». Находясь в состоянии аффекта, Абогин по-прежнему упорно настаивает на поездке и пытается словесно манипулировать доктором. На этот раз – с помощью РЖ *апелляции*. «Апелляция – публичное заявление, обращение за поддержкой, призыв к чьему-то» [11: 71–72]. Прибегая к стратегии, направленной на преодоление субъективного фактора, Абогин пытается вызвать у Кирилова чувство стыда за несовершенный поступок – отказ от медицинской помощи. Он взывает к общечеловеческим духовным ценностям: упоминает о любви, гуманизме, профессиональном долге, справедливости, вопросах жизни и смерти и др. – *У вас горе, я понимаю, но ведь приглашаю я вас не зубы лечить, не в эксперты, а спасти жизнь человеческую!* – продолжал он умолять, как нищий. – *Эта жизнь выше всякого личного горя! Ну, я прошу мужества, подвига! Во имя человеколюбия!* [5: 34]. Но парадокс видится в том, что сам, лишённый способности любить и сочувствовать, Абогин требует проявления подобных качеств и по отношению к себе. Чтобы добиться желаемого, он стремится задеть профессиональное самосознание Кирилова и таким способом побудить к противоположному действию – не отказываться от помощи, а, наоборот, доказать, что профессиональный долг – спасение жизни – это дело чести каждого врача. После высокопарных слов Абогина, несмотря на сильнейшую физическую усталость и драматизм ситуации, Кирилов подчиняется воле своего посетителя и едет в его имение.

Дальнейшие события происходят в усадьбе Абогина. Вернувшись в поместье, Абогин понимает, что «заболевшая» жена обманула его, разыграв сердечный приступ, чтобы бежать с любовником Папчинским. В порыве аффекта он произносит ряд *обвинительных*

монологов в адрес своей супруги, которая с точки зрения традиционной русской морали совершила безнравственный поступок. Слова и выражения, произносимые Абогиным, имеют явную отрицательную оценку. Это, прежде всего, риторические вопросы-осуждения, где пейоративный смысл высказываний поддерживается нравственно-оценочной лексикой и идиоматикой. – *Ушла!! Обманула! Ну, к чему же эта ложь? Боже мой! Боже мой! К чему этот грязный, шулерский фокус, эта дьявольская, змеиная игра? Что я ей сделала? Ушла!* [5: 39]. Не сдерживая своих эмоций, «со слезами на глазах, дрожа всем телом» [5: 40], он упрекал свою супругу: «– Ну, разлюбила, полюбила другого – бог с тобой, но к чему же **обман, к чему этот подлый, изменнический фортель?** – говорил плачущим голосом Абогин» [5: 40]. Затем, удрученный и убитый горем, он обращается к доктору и *изливает ему свою душу* [5: 40].

Выражение *изливать душу* является фразеологизмом и трактуется как «откровенно рассказывать кому-либо о том, что волнует, что наболело» [10: 184]. По мнению В. В. Дементьева, «значения всех идиом, с лексемой *душа* в той или иной степени коммуникативны <...> при помощи лексемы *душа* обозначаются два важнейших диалогических момента в гармоническом общении: высказать главное для себя (*открыть душу*) и услышать главное для собеседника (*войти в душу*)» [12: 285]. В нашем случае выражение *изливать душу* семантически сближается с идиомой *открывать душу*. Если в первой части рассказа бросается в глаза неискреннее и эгоистичное поведение Абогина, то во второй части ситуация меняется, и перед читателем появляется другой персонаж: неподдельно страдающий и мучающийся. А. П. Чехов неслучайно детально описывает речевое поведение Абогина, акцентируя внимание на чистосердечном и исповедальном характере его монологов: «...**искренно изливал перед доктором свою душу**» [5: 40]. Дело в том, что в русском языковом сознании на рубеже XIX–XX вв. слово *врач* (изначально старославянское), хотя уже и подвергалось определённой секуляризации, ещё не было лишено религиозных коннотаций: исцелению верялось не только тело, но и душа. «Болящий врачевался лекарственными средствами, словесным увещанием и молитвой <...> в России поддерживалось “дублирование” социальных функций врача и священника. Начиная с петровского времени врачами регулярно становились выходцы из священнического сословия» [13: 84]. То есть, в отношении профессии *врача* складывалось и продолжает оставаться актуальным понимание того,

что *врач* – это человек, который должен уметь воспринимать чужую боль (не только физическую), обладать навыком эмпатии. Речевые тактики и стратегии, модели и сценарии коммуникативного поведения должны быть обусловлены необходимостью соблюдения деонтологического кодекса, в основе которого лежит принцип Гиппократова: «Не навреди, если помочь невозможно». Именно этот факт является подтверждением того, что в русском дореволюционном обществе было не принято по поводу личных невзгод или душевного разлада обращаться к психотерапевту. Вплоть до начала XX в. к душевнобольным относились как к людям, одержимым бесами, юродивым [14]. Отметим, что в отечественной медицине разделение на терапевтическую и психотерапевтическую отрасли окончательно утвердилось лишь к 40-м гг. XX в., после «...зародившегося в 30-е гг. в Германии направления гештальтпсихологии (идеи К. Коффки, М. Вертгеймера, В. Кёлера и др.)» [15: 53]. Относительно чеховского текста можно высказать предположение, что, оказавшись на месте доктора кто-либо другой, Абогин всё равно стал бы *открывать* перед собеседником *свою душу*, поскольку в сложных и, тем более, трагических моментах жизни русскому человеку нужен тот, кто выслушает, по-дружески посочувствует и поддержит. Поэтому, преданный женой, поссорившийся с родственниками и прислугой, совершенно одинокий, Абогин ищет отеческого участия, понимания и психологической поддержки у Кирилова.

Сосредоточив внимание читателя на монологе Абогина, А. П. Чехов почти незаметно вводит в текст произведения такую ремарку, которая, на наш взгляд, меняет суть рассказа: «*Поговори он таким образом час, другой, **вылей свою душу**, и несомненно ему стало бы легче. Кто знает, выслушай его доктор, посочувствуй ему дружески, быть может, он, как это часто случается, примирился бы со своим горем без протеста, не делая ненужных глупостей... Но случилось иначе*» [5: 41]. По правилам медицинского дискурса ситуация должна была бы разрешиться стандартно: осмотр и расспрос пациента, постановка диагноза и врачебная рекомендация по поводу предстоящего лечения. Однако А. П. Чехов осложняет повествование тем, что помещает своих персонажей в условия конфликта. Обратим внимание на то, что и Кирилов до неузнаваемости меняется во второй части рассказа. В первой части он всё время молчит и только по необходимости односложно отвечает Абогину. Во второй же части вместо врачебного участия, сострадания и утешения, он произносит гневные высказывания в адрес Абогина, обвиняет его в пошло-

сти и ничтожности. Казалось бы, ежедневно встречая физические и душевные страдания пациентов, тяжело пострадавший сам, он – земский врач – как никто другой должен уметь чувствовать чужую боль и знать цену жизни, однако, невзирая на этическую составляющую кодекса русского врача, Кирилов ведёт себя бестактно – оскорбляет и унижает собеседника. На смену речевым жанрам, обслуживающим медицинский дискурс, приходят инвективные речевые жанры, представляющие собой проявление прямой вербальной агрессии: РЖ *обвинения* и РЖ *оскорбления*. Наличие агрессивных устремлений налицо – слова с негативно-оценочными, эмоционально-экспрессивными коннотациями; фразеологизированные синтаксические конструкции, сравнения. «*Зачем вы всё это говорите мне? Не желаю я слушать! Не желаю! – крикнул он и стукнул кулаком по столу. – Не нужны мне ваши пошлые тайны, чёрт бы их взял. Не смеете вы говорить мне эти пошлости!*» [5: 41]. «*Шалопай, которые не находят денег под вексель, тоже называют себя несчастными. Каплун, которого давит лишний жир, тоже несчастлив. Ничтожные люди!*» [5: 42].

Излияние души Абогиным Кирилов воспринимает не как жалобу на душевную боль, а как личное оскорбление и унижение. Такое ожесточённое речевое поведение Кирилова представляется неоправданным, поскольку профессия врача, к которой принадлежит главный герой, обусловлена наличием особой профессиональной этики, основанной на деонтологических принципах. Нормы медицинской этики являлись (в конце XIX – первой трети XX в.) и являются по сей день составной частью норм универсального речевого поведения и включают запреты *унижать, причинять вред, оскорблять* собеседников. Поэтому РЖ *оскорбления* и *обвинения* лежат за рамками речевой культуры, нарушают принцип вежливости и не могут формировать речь врача ни при каких обстоятельствах.

А что же Абогин... Он не подозревал об обмане супруги и не намеревался ссориться с Кириловым. Более того, он страстно любил свою жену «...я любил эту женщину, любил набожно, как раб!» [5: 40] и ради неё готов был пойти на любые жертвы, готов был стоять на коленях и умолять, взывать о помощи, лишь бы спасти жизнь любимого человека. Поэтому был ошеломлён агрессивным поведением доктора Кирилова: «– *Вы с ума сошли! – Крикнул Абогин. – Не великодушно!..*» [5: 42].

Заканчивается речевое взаимодействие Абогина и Кирилова вполне логично – согласно стереотипной модели поведения

участников институционального (врачебного) дискурса конца XIX – первой трети XX в. – оплатой за визит. «*Абогин торопливо полез в боковой карман, вытащил оттуда бумажник и, достав две бумажки, швырнул их на стол. – Вот вам за ваш визит! – сказал он, шевеля ноздрями. – Вам заплачено!*» [5: 42]. Диалог в рамках медицинского дискурса завершён.

Заключение

Наблюдая за системой жанровых взаимодействий, отметим, что парадигма жанров, подчинённых целевым установкам медицинского дискурса, является сдерживающим фактором, конституирующим институциональный дискурс. В рассказе ядро институционального дискурса формируется только аутентичным РЖ *медицинской жалобы*, остальные – «комплементарные и периферийные» [9: 106] – РЖ *мольбы, отказа апелляции молчания излияния души оплаты за медицинские услуги* выходят за пределы ядерной зоны, однако, встраиваясь в медицинский дискурс, дополняют и составляют с ним некое функциональное единство. Инвективные же РЖ *обвинения* и *оскорбления*, применённые доктором Кириловым и дворянином Абогиным на завершающей стадии диалога, указывают на статусно-ролевую деградацию институциональных отношений. В данном случае имеет место перетекание институционального диалога в конфликт, что подчёркивается невербальными действиями персонажей и оценочными ремарками писателя.

Представленная в тексте произведения конфликтная ситуация расценивается как *ссора*, которую следует рассматривать в пределах жанров «бытового ~ бытийного» [16: 240] – не институционального дискурса.

Согласно В. И. Карасику, в рамках бытийного дискурса «...общение носит развернутый, предельно насыщенный смыслами характер, используются все формы речи на базе литературного языка» [16: 240]. Подобный тип коммуникации может быть конфликтным и характеризоваться фамильярностью, экспрессивностью, нивелировкой этикетных форм общения и речевой тактичности, а также наличием различных форм вербальной агрессии. Именно такой тип речевого взаимоотношения демонстрирует А. П. Чехов в конце рассказа, где доктор Кирилов и помещик Абогин незаслуженно обвиняют друг друга «*Абогин и доктор стояли лицом к лицу и в гневе продолжали наносить друг другу незаслуженные оскорбления. Кажется, никогда в жизни, даже в бреду они не сказали столько несправедливого, жестокого и нелепого. В обоих сильно сказался эгоизм несчастных*» [5: 42].

В ходе конфликта наблюдается девиантное поведение коммуникантов, характеризующееся неприязнью и ненавистью друг к другу. Меняются статусные роли участников диалога: из доктора и пациента они превращаются в обвинителей, которые ведут между собой диалог «на равных». Потеряв собственное

лицо, выйдя за рамки приличия, Кирилов и Абогин становятся врагами. Именно неспособность доктора Кирилова к сочувственному пониманию личных проблем пациента Абогина и спровоцировала конфликтную ситуацию, послужившую основанием для названия рассказа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М. : Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
2. Петровская Н. И. Интертекстуальные включения в эпических произведениях А. П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2006. 22 с.
3. Груздева Ю. А. Коммуникативно-композиционные структуры в прозе А. П. Чехова 1890-х – 1900-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2012. 16 с.
4. Дементьев В. В. Речежанровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2016. 396 с.
5. Чехов А. П. Враги // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 6. М. : Наука, 1985. 733 с.
6. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2008. 1175 с.
7. Емельянова Н. А. Речевой жанр «жалоба» в различных типах дискурса в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 15 с.
8. Борисова И. Н. Нарратив как диалогический жанр // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 245–262.
9. Пономаренко Е. А. Типологическая классификация речевых жанров институционального дискурса // Жанры речи. 2019. № 2 (22). С. 105–109. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-105-109>
10. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М. : Советская энциклопедия, 1968. 543 с.
11. Шмельёва Т. В. АПЕЛЛЯЦИЯ // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / отв. ред. Л. Ю. Иванов. М. : Наука ; ФЛИНТА, 2003. С. 71–72.
12. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М. : Гнозис, 2006. 376 с.
13. Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М. : ОГИ, 2005. 504 с.
14. Крымский лекарь. Фильм Т. Мирошник. Igmartv: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gHbaCMd6aqQ&t=17s> (дата обращения: 10.12.2021).
15. Кириленко Е. И. Тема медицины в гуманитарном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 316. С. 52–59.
16. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

REFERENCES

1. Stepanov A. D. *Problemy kommunikatsii u Chekhova* [The Problems of Communication in Chekhov]. Moscow,

Yazyki Slavyanskoj Kultury Publ., 2005. 400 p. (in Russian).

2. Petrovskaya N. I. *Intertextual inclusions in the epic works of A. P. Chekhov*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Taganrog, 2006. 22 p. (in Russian).

3. Gruzdeva Yu. A. *Communicative and compositional structures in A. P. Chekhov's Prose of the 1890s–1900s*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Ul'yanovsk, 2012. 16 p. (in Russian).

4. Demytyev V. V. *Rechezhanrovyye kommunikativnyye tsennosti v novykh i noveishih sferah russkoi rechi* [Speech Genres Communicative Values in New and Newest Areas of Russian Speech]. Saratov, Saratov State University Publ., 2016. 396 p. (in Russian).

5. Chekhov A. P. *Enemies*. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t. T. 6* [Complete works: in 30 vols. Works: in 18 vols. Vol. 6]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 733 p. (in Russian).

6. *Tolkovyyi slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedeniy o proishozhdeniyi slov*. *Otv. red. N. Yu. Shvedova* [Shvedova N. Y., ed. The Explanatory Dictionary of the Russian language inclusive information about origin of the words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008. 1175 p. (in Russian).

7. Emelyanova N. A. *The speech genre of complaint in different types of discourse in English language*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2004. 15 p. (in Russian).

8. Borisova I. N. Narrative as a dialogic genre. *Zhany rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh" Publ., 2002, iss. 3, pp. 245–262 (in Russian).

9. Ponomarenko E. A. Typological classification of the speech genres of institutional discourse. *Speech Genres*, 2019, no. 2 (22), pp. 105–109 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-105-109>

10. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka*. *Pod red. A. I. Molotkova* [A. I. Molotkov, ed. Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1968. 543 p. (in Russian).

11. Shmeleva T. V. APPEAL. In: *Kultura russkoi pechi. Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik*. *Otv. red. L. Yu. Ivanov* [L. Yu. Ivanov, ed. Culture of Russian Speech. Encyclopedic Dictionary Reference]. Moscow, Nauka, Flinta Publ., 2003, pp. 71–72 (in Russian).

12. Demytyev V. V. *Nepryamaya kommunikatsiya* [Indirect communication]. Moscow, Gnozis Publ., 2006. 376 p. (in Russian).

13. Bogdanov K. A. *Vrachi, pacienty, chitateli: Pato-graphicheskiye teksty russkoi kultury XVIII–XIX vekov* [Doctors, patients, readers: Pathographic texts of Russian culture]. Moscow, OGI Publ., 2005. 504 p. (in Russian).

14. *Krymskiy lekar. Film T. Miroshnik. Igmartv* (Crimean doctor/ Film T. Miroshnik. Igmartv). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=gHbaCMd6aqQ&t=17s> (accessed December 10, 2021) (in Russian).

15. Kirilenko E. I. The subject of medicine in the humanitarian discourse. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2008, no. 316, pp. 52–59 (in Russian).

16. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', contsepty, diskurs* [Language circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 09.02.2022; одобрена после рецензирования 16.03.2022; принята к публикации 30.03.2022
The article was submitted 09.02.2022; approved after reviewing 16.03.2022; accepted for publication 30.03.2022

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 146–154

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 146–154

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-146-154>, EDN: NRFELL

Научная статья

УДК 821.161.1.09-4+929Ушинский

Поэтика человеческого общения в очерке К. Д. Ушинского «Поездка за Волхов»

В. В. Прозоров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, научный
руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего
литературоведения и журналистики, prozorov@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Аннотация. Публицистика во всем богатстве её жанров традиционно ощущает себя на зыбкой границе собственно художественно-образной коммуникации и коммуникации, непосредственно освещенной жизненным / житейским опытом автора-повествователя и оснащенной фактографической достоверностью. Перспективно в этой связи вводить в круг специального речежанрового интереса наиболее выразительные художественно-публицистические публикации разных (в том числе и отдалённых от нас) историко-культурных эпох, в которых запечатлен богатый материал для понимания поэтики человеческого общения. Моя задача – предъявить один из таких крайне редко привлекающих профессиональное филологическое внимание текстов, который может служить источником жанроведческих наблюдений, сосредоточенных на эстетической (а в нераздельности и этической) компоненте устной диалогической речи. Очерк К. Д. Ушинского «Поездка за Волхов» (1852 г.) представляет собой примечательный свод многочисленных образцов русской разговорно-речевой культуры, проливающих свет на наследуемую нами, вопреки всем последовавшим глобальным историческим превращениям, поэтику сочувственного и доброжелательного человеческого общения. Очерк содержит много ценных образцов русской народной речежанровой культуры в их исторически конкретных, повседневных преломлениях и осуществлениях. Предметом нашего аналитического рассмотрения являются жанры проводов-прощаний на пристани, случайных и доверительных разговоров, споров, приводящих к согласию, незлобивых и забавных пререканий, дружелюбных насмешек и передразниваний, участливых расспросов, публичного покаяния, исповеди странника и др.

Ключевые слова: поэтика человеческого общения, публицистика, К. Д. Ушинский, «Поездка за Волхов»

Для цитирования: Прозоров В. В. Поэтика человеческого общения в очерке К. Д. Ушинского «Поездка за Волхов» // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 146–154. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-146-154>, EDN: NRFELL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Poetics of human interaction in K. D. Ushinsky's essay "A Travel to Volhov"

V. V. Prozorov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Valery V. Prozorov, prozorov@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Abstract. Publicistics in all variety of its genres is traditionally perceived as a shaky boundary between the fictional imaginative interaction and interaction lit by the worldly life experience of the author / narrator and equipped by factual authenticity. In this connection it seems worthwhile to introduce into genre studies most meaningful fictional and publicistic publications of different (including really distant from us) cultural-historical periods, where one can find abundant data which will help us understand poetics of human interaction. My goal is to demonstrate one of the texts which extremely seldom attracts professional philological attention and which may be a source of genre observations, focused on the aesthetic (and ethical as well) component of spoken dialogue discourse. K. D. Ushinsky's essay "A Travel to Volhov" (1852) is a remarkable collection of

numerous specimens of Russian colloquial culture, casting light on the poetics of sympathetic and kindly human interaction which we inherit regardless of all followed global historic transformations. The essay contains many valuable specimens of Russian folk speech genre culture in their historically specific every-day interpretations and actualizations. The subject of our analytical research is genres of farewell scenes at the wharf, occasional confidential talks, arguments coming to agreement, unmalicious and amusing bickering, friendly mockery and mimicry, warm-hearted inquiries, public contrition, pilgrim's confession, etc.

Keywords: poetics of human interaction, publicistics, K. D. Ushinsky, "A Travel to Volhov"

For citation: Prozorov V. V. Poetics of human interaction in K. D. Ushinsky's essay "A Travel to Volhov". *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 146–154 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-146-154>, EDN: NRFELL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Представления о поэтике человеческого общения с опорой на суждения авторитетных предшественников рассматриваются в работах В. В. Дементьева [1: 103; 2: 121–150]. Ученый подчеркивает, что терминологически полноправным понятием «поэтика человеческого общения» можно обозначить «направление, находящееся на пересечении теории художественной речи, стилистики и теории коммуникации». Справедливо утверждение: «Эстетически значимые коммуникативные смыслы – не прерогатива письменных текстов художественной литературы, а часть повседневной жизни, более того – явление распространенное, узнаваемое, необходимое» [2: 132]. Верно и то, что сама жизненная повседневность, концентрированно внятно и наглядно являющаяся себя в необозримых пределах художественного мировидения, особенно отчетливо способна проступать в текстах *художественно-публицистических*. О роли публицистики в истории русского литературного языка, о природе публицистического дискурса в общем составе отечественной культуры см.: [3: 50–62; 4: 498].

Публицистика традиционно находится на подвижной границе собственно художественно-образной коммуникации и коммуникации, отмеченной печатью достоверной фактографии, документальной основательности, освещенной собственным жизненным и житейским опытом автора, его зоркой и цепкой наблюдательностью, его заинтересованной (лирической по преимуществу) оценкой. Перспективно в этой связи вводить в круг специального рассмотрения наиболее красноречиво выразительные художественно-публицистические публикации разных историко-культурных эпох, тексты, в которых запечатлен богатый материал для понимания поэтики человеческого общения. Яркий тому пример – крайне редко упоминаемый в лингво-литературоведческих и культурологических трудах очерк К. Д. Ушинского «Поездка за Волхов» [5: 260–308].

К. Д. Ушинский (1824–1870) справедливо вошел в историю русской культуры прежде всего как великий педагог, учитель учителей и детский писатель. Между тем настала пора признать его и выдающимся мастером русской словесности, что называется, без возрастных ограничений. Настала пора ввести его в блистательный ряд классиков отечественной литературы и публицистики. Его очерк «Поездка за Волхов» – примечательное явление русского литературного слова. Текст этот, впервые опубликованный в № 9 журнала «Современник» за 1852 г., дает отчетливое представление о масштабах поэтико-публицистического дарования автора.

Для меня же сейчас важно и то обстоятельство, что очерк этот содержит богатый материал для изучения живой жизни речевых жанров в разных их повседневных преломлениях и осуществлениях. Моя задача – предъявить этот текст как один из возможных и актуальных источников жанроведческих наблюдений под углом зрения поэтики человеческого общения, эстетической (а в нераздельности и этической) компоненты устной диалогической речи.

+ + + + +

Последовательный рассказ о своем путешествии по Неве из Петербурга до Ладоги автор начинает с картины трогательного прощания людей на берегу с пассажирами, отплывающими на пароходе. Мы сразу же становимся свидетелями живого диалога, трепетной тревоги расставаний, последних напутствий и предотъездных напоминаний. Метонимически скуп и метко поданы собирательные образы прощающихся друг с другом: «*Колокольчик прозвенел во второй раз: толпа провожавших бросилась на берег, и пароход медленно отвалил. Пискливые и басистые «прощайте, до свиданья, adieu, leben sie wohl» сыпались с примесью утренней сиплости на корму, тогда как на нос парохода падали, как бомбы, увесистые поклоны*

не менее увесистым Акулине Савишне, Марье Трофимовне, дяде Герасиму, на которые получались удовлетворительные ответы: «Будем кланяться!»».

Затем всё читательское внимание привлечено оказывается к крохотному эпизоду, в котором пронзительно ёмко преломляется коммуникативная проекция трёх ключевых, ценностно-ориентированных компонентов русской культуры – концептов дружба, правда, душа [6: 115–131]:

«Наконец, пароход отплыл на такое расстояние, что прощанья должны были умолкнуть, и провожавшие начали расходиться с пристани; только один дюжий парень, без шапки, в рубахе нараспашку, не мог оторвать глаз от предмета своей дружбы – такого же дюжего и такого же рыжего детины в сером армяке. Парень на берегу истоцил, казалось, все прощальные фразы и только махал рукою и грозил кулаком своему отъезжающему приятелю; когда же пароход был уже готов скрыться, он собрал свои последние силы и гаркнул во всю мочь: “Эй, Ванюха! Прощай, прощай, разбойник! Прощай...” Ванюха в ответ на любезность своего приятеля послал такую же любезность и, завернувшись в армяк, растянулся на полу, положив голову на ноги своего соседа, который уже храпел».

Мы видим, как сердечная приязнь выражается по нарастающей, со все более восстающим градусом экспрессии и страсти. Впечатляет картина провожания, усердного и рьяного, изо всех сил душевных. Так преданные друг другу люди расстаются надолго, насовсем. Так волею обстоятельств разлучаются закадычные друзья.

Автор пробует утопить своё естественное любопытство и вступает как бы в нечаянный диалог со скупым на слова Ванюхой, точнее, досаждаёт настойчивыми расспросами о провожавшем его приятеле. Любопытна экспрессия ответов Ванюхи. В них и растущее от раза к разу простодушное удивление, и некоторая досада по поводу недогадливости пристающего к нему с расспросами человека, и глубоко упрямое от чужих глаз грустное чувство:

«– Что это – брат, что ли, тебя провожал? – спросил я его.

– Брат? Како брат!

– Так вы земляки?

– Уж и земляки!

– Из одной деревни?

– Како из одной деревни? – сказал он, махнул рукою и грустно понурил голову.

– Так что же он тебе? – приставал я.

– Что он мне? Ничего! А так, вместе кирпич делали, ну и делали; а приведет ли Бог свидеться?

И парень повернулся, ему, видимо, было грустно.

Пароход выбрался на середину и пошел полным ходом» [5: 260–261].

Так завершается зарисовка разговора. Мы узнаем про искреннее, взаврадашнее, трогательно не выговариваемое душевное родство, связывающее двух «дюжих парней». Становится ясно, что так сблизило двух участников безудержно пылкого и, вместе с тем, по-мужски скупого прощального диалога. Их соединили общий труд, взаимное приятное расположение, доброе бескорыстное товарищество. Наше воображение сразу же легко и свободно подсказывает, как им было друг с другом хорошо работать и общаться по душам, какого рода эмоциональная привязанность, не лишенная, быть может, и самопожертвования, их соединила, как успели они открыть-излить друг другу душу в процессе своего тесного общения. Поразительно емкая, динамичная, точно схваченная сценка, передающая удивительные особенности доброго русского характера, привязчивого и эмоционально щедрого. Ключевое слово, характеризующее душевное состояние Ванюхи, – не передаваемая словами, невыразимо щемящая грусть, неразрывно связанная с представлениями о прощании (быть может, навсегда) с добрым другом-приятелем. По точным наблюдениям В. В. Колесова, «грусть – типично русское настроение, простое индивидуальное состояние чувств, неподвластных разуму и анализу, представленное в тот момент, когда субъект утрачивает свой предмет, но еще сохраняет энергию действия; теплое по природе, но лишённое счастья и радости, это скорбь упрека и недостатка, переживание не личной боязни (как Печаль), не опасности (как Тоска), а слабой степени печали как душевное сокрушение (грустно)» [7: 10].

Между тем повествователь в «Поездке за Волхов» продолжает делиться своими путевыми впечатлениями. Он передаёт непосредственные ощущения от быстро меняющихся картин берегов, от могучей и полной «до самых краев» Невы:

– А не правда ли, окрестности Петербурга очень грустны? – проговорил кто-то басом возле меня, так что я вздрогнул и оглянулся.

Эта реплика отпущена как бы невзначай в никуда. И вместе с тем она, вне сомнений, имеет в виду вполне конкретного, рядом находящегося адресата. Эта фраза представляет собой пример наугад высказанного инициативного зачина предполагаемого, вероятного разговора с незнакомым человеком, с которым непроизвольно возникла доверительная охота поделиться своими впечатлениями. Вопросительная интонация перебивается утвердительностью суждения. Так неожиданно происходит интересное и слу-

чайное палубное знакомство. Инициатор – попутчик автора: «Добродушное выражение его лица напоминало мне моих знакомцев степных помещиков, и мне показалось, что я где-то его видел».

Слово за словом, и завязывается беседа общительного и неугомонного пензенского «степного помещика» Аркадия Петровича с автором. По ходу обмена репликами используются церемонные этикетные обороты, свойственные устной речевой культуре образованных людей России позапрошлого века, отчасти, с некоторой долей самонасмешливого пародирования, сохраняющиеся и в наше время: «Мне кажется, я имел удовольствие где-то встречаться с вами?»; «Весьма вероятно»; «Скажите же мне, пожалуйста (я степняк, и этот вопрос для меня извинителен), вы должно быть отлично знаете Россию?».

Даже приступая к спору, они не оставляют предупредительно вежливой манеры обращения: «Но я попрошу ответить мне на некоторые вопросы, только беру наперед слово, что вы будете отвечать чистосердечно»; «Извольте» и др.

Почти сразу же открылось, что они давно знакомы и «почти родные». Последующее сюжетно-очерковое развитие погружает читателя в неторопливый разговор случайных спутников, оказавшихся земляками. Разговор невольно переходит в спор. Спор этот касается их разного оценочного отношения к особенностям российского ландшафта – прекраснородного и восторженного взгляда у Аркадия Петровича и сдержанно скептического у автора:

– Куда же вы теперь пробираетесь, Аркадий Петрович? – спросил я своего собеседника. – Или все еще продолжаете свое вечное путешествие по России?

В вопросе оцутима уже встречающая заинтересованность в продолжении разговора: обращение по имени и отчеству, некоторая доля легкого подтрунивания над стойким увлечением попутчика («продолжаете свое вечное путешествие»). В контексте разворачивающегося диалога важна и несколько провокативно усмешливая семантика глагола «пробираться», т. е. трудно перемещаться, передвигаться, преодолевая на своем пути заведомо известные и неведомые препятствия и неудобства. Собеседник подхватывает эту интонацию и переводит её в регистр убежденно добродушного подтрунивания над собой, над своей милой сердцу страсти к перемене мест.

«– Да! И не намерен никогда его кончить. Это совсем не так скучно, как вы думаете. Я только что вернулся из Финляндии и пробирюсь теперь

в Петрозаводск, а оттуда думаю махнуть в Колу. Впрочем, еще и сам хорошенько не знаю, куда направляю стопы свои. А вы?»

– Я еду по делам, в Ладужский уезд, в деревню».

Этим ответом Аркадий Петрович несказанно обрадован: ему искренне хочется приобщить симпатичного собеседника к своим увлечениям, связанным с нескончаемыми, представляющими огромный интерес странствованиями по родной стране:

«– Bravo! Я вас поздравляю. Вам предстоит прекрасная дорога, и вы, верно, напечатаете свои дорожные впечатления?»

– Право не знаю. Кажется, здесь не предстоит ничего особенно интересного, да что и есть, так все известно и переизвестно. Я удивляюсь вам, как вы находите пищу для любознательности в бесконечных вояжах по этой однообразной равнине?»

Последняя реплика сильно задевает собеседника за живое, он выдерживает паузу, а затем вежливо, но твердо решается оппонировать, используя форму множественного числа для аттестации несогласных с собой:

«– Странны для меня все вы, господа! – проговорил он наконец. – Однообразная равнина да однообразная равнина! Затвердили одно, да на этом и остановились».

Автор в ответ как-то смиренно пробует прекословить, ссылаясь при этом на авторитетный для него прецедент. Его высказывание обращено «не только к своему предмету, но и к чужим словам о нем» [8: 274]:

«– Ну право же, Аркадий Петрович, вы должны сознаться, что разнообразие не слишком велико. Граф Соллогуб несколько прав, говоря, что у нас ездят, а не путешествуют».

Ссылка на повесть В. А. Соллогуба «Тарантас. Путевые впечатления» (1840) оставляет Аркадия Петровича равнодушным. Скорее всего, ему чуждо подобное сатирическое живписание русской жизни. Собеседник, «лукаво улыбаясь», укоряет повествователя в том, что он мало и плохо знает Россию. В их диалоге появляются церемонные выражения, отмеченные куда более напористой и жесткой экспрессией: «Странно! Никто ничего не знает, а описывать нечего и путешествовать незачем? Я тут чего-то не понимаю»; «Вы правы только отчасти».

Следует развернутая и доказательная реплика Аркадия Петровича, больше напоминающая страстно поэтический, патетический монолог:

«Но неужели на вас производят одно и то же впечатление и саратовские поля, и калмыцкая степь, и владимирские болота, и окрестности Москвы, и холмистые пространства Орла и Тулы, и равнины Малороссии и новороссийская степь,

и белорусские песчаные и лесистые пространства, и вологодские леса, и здешние болота? Неужели на вас веет одною жизнью и посреди умных и веселых москвичей, и посреди патриархальных вологжан, и посреди промышленных архангельцев, и посреди приземистых белорусцев? Где же здесь однообразие?»

Показателен примиряющий финал разговора, в котором от начавшего было закипать спора стал намечаться путь к взаимному поиску согласия: «Я замолчал, побежденный неумолимой логикой моего собеседника, хотя какие-то возражения еще шевелились в моем уме» [5: 262–266].

Встречаем мы в очерке Ушинского и живой, незлобливой насмешкой окрашенный эпизод пререкания моряков с жадноватым немцем. В речевом воплощении – это сплав комичного диалога, энергичного препирательства, лукавого обманного слова, снисходительного ворчания, а в целом – доброжелательно-деятельного и, как бы мы сегодня сказали, практико-ориентированного речевого общения-торга по принципу «кто кого переспорит». Комизм ситуации заключается в том, что толстяк-немец явно притворяется неспособным полноценно участвовать в предлагаемой ему коммуникации, а другая сторона – рулевой, ясно – про себя – сознавая притворство знакомого ему уже по прежним рейсам скупого пассажира, неуступчиво и последовательно продавливая свою линию поведения. Дополнительные забавные штрихи в общую ситуацию вносят и носильщики, и бабы на берегу, настойчиво предлагающие немцу кто свои услуги, кто вяленую жирную и костлявую рыбу:

«– Ich verstehe nicht, не понимай! – раздалось у нас над самым ухом. Я выглянул в узенькое окошечко и увидел довольно забавную сцену. Какой-то толстяк стоял на берегу, задыхаясь под тяжестью чемодана и множества узелков, наваленных горою на его плечах. Его обступило несколько носильщиков, настойчиво предлагавших ему свои услуги, несколько баб совали ему судки с вялеными сыртями. Рулевой приступил к нему, требуя, чтобы он нанял себе особую каяту.

– Не понимай! – бормотал он, стараясь взбрести сам на палубу свои вещи.

– Знаем мы вас, – не понимай! – ворчал рулевой.
– Да дай хоть двугривенный, чтоб вещи поднять... а то смотри, плохо будет.

– Гривенник! – сказал немец.

– Двугривенный! – отвечал рулевой и полез наверх.

Новый пассажир сделал последнее усилие, но чемодан вылетел у него из рук и упал в воду.

Все захохотали, и немец вытащил двугривенный, произнося какую-то брань на немецком диалекте. Вещи были подняты, и самого хозяина их кое-как спровадили на палубу, которая страшно затрещала под ним.

– Тихе, не возись! – закричал рулевой. Из-за пятака серебра ты у меня весь трешкот разломись... Ну, с Богом, отчаливай!» [5: 275].

Финал сценки умиротворяющий. Трешкот – небольшое деревянное беспалубное речное судно, на которое пришлось пересест пассажирам парохода, чтобы беспрепятственно преодолеть шлюзовую систему. Исход конфликтной ситуации получается утешительным для обеих сторон с некоторым, правда, уроном для прижимистого господина.

Целый калейдоскоп разных речевых жанров сопутствует трешкоту, очень медленно проплывающему мимо совсем близких шлюзовых берегов. Чуткая наблюдательность автора позволяет выхватить несколько живописных речевых эпизодов.

Вот толпа рабочих, усевшись на палубе в тесный кружок, спорит с необычайным жаром. Предмет спора – преимущество ремесел, которыми каждый из них владел. При этом спорящий «выхвалял свое и порицал чужое». Запоминается, как «петербургский каменщик, перевознось своё занятие, лгал немилосердно; барочник-костромич слушал его внимательно, хотя, по-видимому, не верил его словам и твердо стоял за свое непоседное ремесло; странствующий плотник порочил их обоих, но когда бурлак хотел тоже вмешаться в этот спор и защитит свое бедное занятие, то рулевой оглушил его такой насмешкой, что бедняк махнул рукою, повернулся лицом вниз и, уткнув нос в свою суконную шапку, скоро захрапел».

Это особый, фатический по своей природе жанр речевого развлечения, самохвальной забавы, потешного досуга. Спорили от нечего делать, чтобы себя показать и время на дороге скоротать. Рулевой по ходу дела с присущим ему задором исполнял обязанности арбитра. Своего рода спор-игра, спор-соствязание, спор-похвальба – по кругу, по очереди, в котором обычно преобладает установка на греющую душу фантазию, смешанную с реальностью: кто себя, свое занятие, свое дело-ремесло перехвалит, выставит в самом лучшем виде, в самом выгодном свете. Вспомним наивную детскую вариацию такого невинно-задиристого разговора в стихотворении С. В. Михалкова «А что у вас?» («А у нас в квартире газ!»).

Между тем автор рассматриваемого очерка обращает внимание на то, что круговая речевая игра эта, с одной стороны «часто превращалась в общий спор, в котором принимали участие все сидевшие на палубе» (в коммуникативное развлечение охотно включались и сторонние наблюдатели – по случаю оказавшиеся поблизости невольные слушатели-«болельщики»). С другой же стороны, «всегда этот спор оканчивался общим соглашением

на каких-нибудь сентенциях народной логики, вроде следующих: «всякое ремесло хорошо, если сам хорош», «добрый человек везде уживется», «всякому свое» и т. п.» [5: 279]. Народная пословично-поговорочная мудрость своей обобщающей успокоительной складностью примиряла спорящих, приводила их к душевному порядку.

Автор сосредоточивает читательское внимание и на совсем иной группе пассажиров, на другом РЖ. Перед нами оказывается «полдюжины баб, у которых платки были надвинуты на самые глаза; они все пригорюнились, поминутно зевали, охали и крестились. Одна каялась во всеуслышание в своих прежних грехах: рассказывала, какая она была гулящая и как надувала своего мужа. Все слушали ее очень снисходительно и жалели о ней, как будто бы она рассказывала о своей болезни».

Подобного рода коммуникативная традиция – надрывная, душераздирающая публичная исповедь-покаяние и искренняя душевная реакция сочувствующих слушательниц на глубоко личные пронзительные признания – не такая уж редкость на Руси. Повествователь спешит деликатно разъяснить: «Крестьяне очень снисходительны к слабостям своих ближних и смотрят на беспутную жизнь или как на наваждение нечистого, или как на болезнь. Все эти бабы отправлялись из Петербурга по своим деревням к Троицкому дню, чтобы помахать зеленой веткой над могилами своих мужей. Мужчины смеялись над ними, но они отвечали на эти насмешки только покачиванием головы и смиренным вздохом». Показательна благосклонно прощающая реакция на мужской смех крестьянских вдов. Самое главное в этой сложной, на первый взгляд, картине общения – взаимная внутренняя уступчивость, встречная покорная и добрая уживчивость. Касаясь мужского прагматизма, автор тут же отмечает: «Крестьяне наши по большей части скептики: их здравый смысл не может не посмеяться над иными поверьями, но они спускают старухам их привычки, говоря: «Это их дело!» А старухи – это настоящие мешки, в которых предания старины и предрассудки хранятся бережно и передаются от предков к потомкам».

Вроде бы и коробящая метафора применена в отношении к «старухам». Но далее она разворачивается в большой и славный лиро-публицистический период. Создается величальное авторское слово о типичных носительницах традиционной русской речевой культуры, народной этики и педагогики:

«Мне случалось видеть в наших деревнях такие экземпляры старух, которые говорят как члены

китайской академии наук, ходят не иначе, как по строгим правилам; каждое движение их, каждое слово совершается по какому-нибудь преданию, по какой-нибудь пословице. Оттого лица их так важны, оттого они так часто качают головой и сожалеют о заблуждении молодежи. Только на женщинах можно еще видеть древние костюмы различных племен, вошедших в состав России, они больше сберегают старые сказки, и даже язык их более, нежели язык мужчин, сохраняет следы племенного различия. Чувство, предание, мечта преобладают в наших крестьянках, тогда как в мужчинах здравый, ясный смысл сглаживает все различия, и общий русский костюм, общий русский язык, общая русская логика, недалекая, но сметливо-хозяйственная, основанная на начале порядка, везде берет перевес» [3: 279–280].

С позиций литературной поэтики, это несомненное стихотворение в прозе, пространственный в мировом искусстве жанр, в котором прозаический строй речи органично соотносится с поэтической эмоционально-экспрессивной выразительностью и образной емкостью. Слагается гимн в честь особой разновидности русских «старух», чьи по-настоящему мудрые речевые повадки исполнены строгого достоинства и требовательной многозначительности. Собирательный образ русской старухи – хранительницы родного очага невольно предсказывает-аттестует и бабушку Наталью из рассказа В. Г. Распутина «Женский разговор» (1994), и многих других степенных, мудрых и славных героинь русской словесности и русской повседневно-жизненной реальности.

Попутно автор очерка «Поездка за Волхов» припоминает и разговор по душам со знакомым зажиточным и рассудительным крестьянином. Разговор сопровождается расспрашиванием: «– А хорошо ваше село, Петр Кондратьевич, – сказал я хозяину, – мне еще не приводилось видеть такого. И видно, что люди живут трудящие.

– Да-с! – сказал он, приосанившись и наливая мне чай в красивую фарфоровую чашку. – Да-с! Оно, конечно, труд – дело важное, да и с трудом-то ничего не возьмешь, коли сметки нету, ну да и удача тоже дело не последнее» [5: 302]. Каждое слово – на вес золота. За каждым словом – твердое убеждение в праведном течении жизни при умном сопряжении трудолюбия и сметки.

В очерке Ушинского много образцов трогательной внутренней речи повествователя, много проникновенных рассуждений наедине с самим собой о совпадении законов истории земли и истории её народа, о замечательных страницах русской исторической жизни, о живописном местоположении наших древних городов, о речных островах – «любимом месте славянских дружин», о посвященных

светлому и мирному богу Ладо веселых песнях древних славян, и о многом др.

Приметливый повествователь воспроизводит и запомнившиеся ему насмешки и передразнивания, которые привычно расточал рулевой, и добрые напутствия-пожелания, адресованные тем, над кем он только что добродушно, хотя и задиристо тоже, потешался. Обращает на себя внимание парадоксально скорый, почти безостановочный переход от небезобидных (кстати сказать, так и остающихся семантически не понятными автору и вместе с ним читателей) взбадривающих поддразниваний к искренним поощрительно-этикетным просторечным пожеланиям:

«– Эй вы, барочки, Божьи дети! Пока доедете, весь хлеб переедите. Кушайте, кушайте кашу, брызнуть бы воды вам в чашу.

Барочки ворчали,

– Хлеб да соль, ребята! – продолжал рулевой, как будто ни в чем не бывало.

– Хлеба кушать! – отвечали они в один голос.

– Спасибо, спасибо, ребята! А у меня к вам дельце есть, – продолжал рулевой, – дядюшка Прохор письмо послал.

И барочки не могли перенести этих слов, побросали ложки, схватили шесты, и самые звонкие эпитеты долго провожали нас.

Я не мог добраться, что за горечь скрывается в этих бессмысленных словах, но при многочисленных пробах они всегда производили одинаковое действие, и притом если про дядю Прохора говорили бурлакам, то они нисколько не обижались, а, напротив, испускали дружный хохот, означавший: “молод ты еще зубы скалить!”, и, наоборот, приветствие, назначенное бурлакам, нисколько не трогало барочников».

Смысл иных насмешек, дразнилок, обзывалок и поддевок потерян («Бог знает, из каких далеких времен идут эти поговорки», – размышляет автор), но задор и горечь, сокрытые в них, «пробивают толстую кожу барочника и бурлака, которой не пробить и самую едкою бранью» [5: 286–288]. Разумеется, приткий и словоохотливый рулевой прекрасно чувствует адресатов своих бойких высказываний, и отбор языковых средств умело производится им постоянно «под большим или меньшим влиянием адресата и его предвосхищаемого ответа» [8: 280].

Автор воспроизводит и свой исключительно интересный разговор с одним из бурлаков. И снова отмечается: собралось человек двадцать, как их называли, «волопёхов», и в их общении «господствовало совершенное дружелюбие». Бросается в глаза постоянно отмечаемый автором общий позитивный, приятный настрой в народной среде, готовность к полюбовному душевному контакту.

Особый интерес вызвал лежавший в центре образовавшейся группы «высокий сухой

мужчина в сером дырявом армяке. /.../ Через плечо его висела кожаная сума, а у ног, босых и израненных, лежал огромный посох и мешок с хлебом». Следуют доброжелательные авторские расспросы и ответы мужика. Повествователь старается воспроизвести ответные реплики в характерном для говорившего севернорусском диалектном наречии с отчетливыми признаками цоканья. «Я мог запомнить, – признаётся автор, – только несколько звуков этого смешанного наречия и потому за полную верность не отвечаю». Вот как в его записи выглядит их короткий разговор:

«– Куда ты, любезный? – спросил я его, привлеченный его характерной физиономией.

– Збирал на церковь Божию, господине, а теперичи пробираюсь домой, в Вологодьцкую губернию, в Тотюмский уезд, в село Руцы.

– И давно ты собираешь на церковь?

– Да уже двенадцатый годоцёк, господине, на четвертую церковь збираю.

– Да чего же тебя заставило взяться за такую жизнь, бросить семью и дом?

– Нет у меня семьи, господине, одна матушка только, да и та у монастыри живёт, а збираю по обещанию, господине.

– Какое же обещание дал ты?

– Оно рассказать ницаго, господине, мосьно, и народу поучение и себе покаяние, да длинно рассказываць, господине» [3: 280–281].

Пройдет совсем немного времени, и уже на берегу судьба их сведет снова. На этот раз мы узнаем об истории его жизни. Но прежде всего наше внимание автор обратит на характер общения с миром этого встретившегося ему удивительного человека. Особо – на его неповторимую улыбку. Улыбка его не только выполняет функцию коммуникативного сопровождения, но и уместно замещает порой словесно-речевые воплощения (говорящая улыбка вместо необязательных слов). Мы узнаем и про его добрый взгляд, про его славный, «почти детский» голос, и про самую кроткую манеру разговора, про внутреннюю готовность вступать в беседу.

Надо заметить, что повествователь очень тонко чувствует своего собеседника, в его вопросах слышна предупредительная забота об адресате, то, что М. М. Бахтин называл «диалогическими обертонами» [8: 272]:

«вдруг внимание мое привлекла грустная песня, раздававшаяся впереди. Я ускорил шаги, но песня вдруг прекратилась, и я увидел высокую фигуру тотемца, того самого, с которым я познакомился на трешкоте. Увидев меня, он приостановился.

– А, старый знакомый! Скоренько же ты ходишь, – сказал я ему, поглядывая с изумлением на его тяжелую суму и босые израненные ноги.

– Здравствуй, господине! – проговорил он своим кротким детским голосом. – А ты, видно, у Ильи ноциовау.

– А ты, видно, нигде не ночевал?

Он не отвечал на мой вопрос, а только улыбнулся. Эта светлая улыбка странно отразилась на этом суровом, страшно худом лице, изрытом оспою и преждевременными морщинами, похожими более на швы и рубцы залеченных ран, нежели на те легкие черточки, которыми покойная старость оттеняет лицо человека. Эта улыбка странника, его кроткие голубые глаза, его почти детский нежный голос показывали в нем одного из тех людей, которым крестьяне дают название людей божьих и у которых сердце слишком кротко и мягко, чтобы вынести грубую жизнь; впрочем, твердая, разумная речь странника была вовсе не похожа на бессвязный лепет юродивых».

В герое Ушинского проступает та приятная совокупность человеческих качеств, которую мы привычно зовем цельностью, самодостаточностью натуры. И в полной мере раскрывается его характер в органичном речевом поведении, в его склонности к застенчивой откровенности, к доброжелательному приятию других людей:

«– Это ты пел песню? – спросил я у тотемца.

– Да, господине, – отвечал он, немного смутившись. – И сам не ведаю цюгото сердиоцько больно засцюмило, прости, господи!

И он набожно перекрестился.

– Видно по сиолу, по родимому, – прибавил он задумчиво, будто отыскивая сам, отчего ему стало грустно.

– Что же, разве тебе здешняя сторона не нравится?

– Ой, что ты, господине! Бог с тобою! Уезде люди, уезде христиане и храмы Божий, а так сгрустнулось, сам не ведаю цюго».

Автор напоминает тотемцу про обещание рассказать о своей судьбе, о том, что побудило его начать долгую странническую жизнь. Последовал поразительно искренний рассказ. Впечатления от этого рассказа, переданные повествователем, позволяют отнести его к удивительно светлым образцам поэтики человеческого общения. Странник говорил «с такою простотою, с такою беспощадностью к самому себе, с такою снисходительностью к слабостям других, что я невольно верил каждому его слову и удивлялся тому чувству приличия, с которым высказывал он самые темные случаи своей жизни».

Подробности рассказа автором не воссоздаются. Причина – в очевидных законах самого жанра публицистического по своей природе очерка. Одно дело – придуманное, сочиненное, художественно-образное повествование, и совсем другое – то, что основано на действительных событиях и встречах:

«Да и имею ли я право передавать всем эту откровенную исповедь человека, который решился не скрашивать ничего, высказывать все и не щадить себя ни на словах, ни на деле? Скажу только, что в молодости он сделался случайно обладателем большой суммы денег и предался самому безграничному разгулу, не внимая никаким увещаниям своего отца и родных. В чаду разгула он сделал проступок, за который совесть мучила его беспощадно. Она преследовала его везде, не покидая ни на минуту, и он нашел покой и прибежище только в посвящении своей жизни прославлению Имени Божия. Четвертая церковь строилась трудами его. Я смотрел на него с невольным чувством умиления: такая твердость воли, такое постоянство сознания своего проступка, такая глубина чувства ставили этого человека на неизмеримое расстояние от наших легких, забывчивых натур» [3: 304–305].

Замечу здесь, что историки русской словесности при активном соучастии русских литературных критиков давно уже определили и закрепили в сознании многих уже читательских поколений стойкие представления о распространенных типах героев, прочно прописанных в нашей речевой словесно-школьной культуре, в научно-педагогических дискурсах и т. д. Это и «лишние люди», и «пошлые люди», и «маленькие люди», и «новые люди». Между тем велика необходимость поддержки давно уже напрашивающейся мысли. Одно из самых почетных мест в типологии-иерархии героев нашей словесности, героев, которые в огромной степени были и остаются носителями национальной специфики русской культуры, «психического склада русского этноса» [9: 243], должны бы были с полным на то правом занимать наши русские литературные «добрые люди». Прекрасно понимаю, что, пускаясь в неблагодарное, в вынужденно не полное вкусовое перечисление, вызову массу недоумений явной краткостью этого ряда. Припомню, однако, пушкинских Татьяну Ларину, Петра Гринева, Мироновых, гоголевских старосветских помещиков, гончаровского Илью Ильича Обломова, толстовских Наташу Ростову и капитана Тушина, князя Мышкина и Алешу Карамазова Достоевского, чеховского Ивана Великопольского, светлых лесковских персонажей, Юрия Живаго Бориса Пастернака, Василия Тёркина Александра Твардовского, шолоховского Андрея Соколова, солженицынскую Матрону, учительницу французского Лидию Михайловну из рассказа Валентина Распутина, многих героев Василия Шукшина и наших писателей-«деревенщиков»... В этом ряду, вне сомнений, может найти свое скромное место и наш светлый странник из вологодской Тотьмы.

Очерк К. Д. Ушинского «Поездка за Волхов» – богатое собрание образов русского речежанрового искусства, проливающее свет

на наследуемую нами, вопреки всем грандиозным, глобальным историческим превращениям, поэтику доброжелательного и мудрого человеческого общения. Исследуемый сюжет,

при всей его видимой частности, представляет звено в обширном изучении огромного массива «русской речевой культуры с позиции речевых жанров» [10: 11].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
2. Дементьев В. В. О поэтике человеческого общения // *Stylistyka XIV*. 2005. Opole, 2005. P. 121–150.
3. Иванова М. В., Клущина Н. И. Публицистика в истории русского литературного языка: от древнерусской словесности к интернет-коммуникации // *Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методики их преподавания*. 2018. Т. 16, № 1. С. 50–62.
4. Русская публицистика. Эволюция идей и форм: сб. статей / отв. ред. Л. П. Громова. СПб. : Алетейя, 2021. 498 с.
5. Ушинский К. Д. Поездка за Волхов // Ушинский К. Д. Собр. соч.: в 11 т. Т. 1. М. ; Л. : Изд-во Акад. Пед. наук РСФСР, 1948. С. 260–308.
6. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М. : Глобал Ком, 2013. 336 с.
7. Колесов В. В. Грусть-тоска в русском языковом сознании // *Мир русского слова*. 2017. № 3. С. 5–13.
8. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 422 с.
9. Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры. М. : Аспект Пресс, 1997. 686 с.
10. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. М. : Изд. Дом ЯСК, 2022. 832 с.

REFERENCES

1. Demytyev V. V. *Teorija rechevyh zhanrov* [The Theory of Speech Genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (in Russian).

2. Demytyev V. V. On the poetics of human communication. *Stylistyka XIV*. 2005. Opole, 2005, pp. 121–150 (in Russian).

3. Ivanova M. V., Klushina N. I. Publicism in the history of the Russian literary language: From ancient Russian literature to Internet communication. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian and foreign languages and methods of their teaching*, 2018, vol. 16, no. 1, pp. 50–62 (in Russian).

4. *Russkaya publitsistika. Evolyutsiya idey i form: sb. statey. Otv. red. L. P. Gromova* [L. P. Gromova, ed. Russian journalism. Evolution of ideas and forms: coll. arts.]. Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 2021. 498 p. (in Russian).

5. Ushinsky K. D. A trip beyond the Volkhov. *Ushinsky K. D. Collected works: in 11 volumes. Vol. 1*. Moscow, Leningrad, Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR Publ., 1948, pp. 260–308 (in Russian).

6. Demytyev V. V. *Kommunikativnye tsennosti russkoy kul'tury. Kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative Values of the Russian Culture: Category of Personality in Vocabulary and Pragmatics]. Moscow, Global Kom Publ., 2013. 336 p. (in Russian).

7. Kolesov V. V. Sadness-longing in the Russian language consciousness. *The World of the Russian Word*, 2017, no. 3, pp. 5–13 (in Russian).

8. Bakhtin M. M. *Aestetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskustvo Publ., 1979. 422 p. (in Russian).

9. Kondakov I. V. *Vvedeniye v istoriyu russkoy kul'tury* [Introduction to the history of Russian culture]. Moscow, Aspect Press Publ., 1997. 686 p. (in Russian).

10. Balashova L. V., Demytyev V. V. *Russkiye rechevyye zhanry* [Russian speech genres]. Moscow, LRC Publishing house, 2022. 832 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 05.06.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 29.08.2022
The article was submitted 05.06.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 29.08.2022

ЖАНРЫ СМИ

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 155–165

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 155–165

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-155-165>, EDN: QQHUDC

Научная статья

УДК 811.161.1.38

Изменения в информационных и аналитических жанрах современных СМИ

А. В. Дегальцева[✉], О. Б. Сиротинина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дегальцева Анна Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, deganna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, skunak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3258-4536>

Аннотация. На примере информационных и аналитических жанров современной прессы и электронных СМИ выявляются основные тенденции изменений в массмедийной коммуникации. Исследование базируется на применении интерпретативного и дискурсивного видов анализа, а также приёма количественной обработки материала. Авторы статьи отмечают, что в современную информационную эпоху традиционные СМИ перестают быть самой влиятельной сферой коммуникации. СМИ вынуждены уступать место социальным сетям, далёким от соблюдения норм русского языка. В условиях такой жёсткой конкуренции традиционным массмедийным изданиям приходится подстраиваться под современного читателя, чтобы соответствовать его запросам и ожиданиям. Это приводит к тому, что их жанровый и стилистический облик постепенно меняется. Наиболее важными изменениями, происходящими в современных СМИ, являются тенденции к конвергенции жанров, визуализации информации, интерактивности, демократизации (которая выражается не только на лингвистическом, но и на экстралингвистическом уровне: в изменении характера освещаемой в СМИ информации и привлечении к созданию публицистических материалов непрофессионалов) и интеллектуализации языка.

Ключевые слова: СМИ, жанры СМИ, изменения в облике СМИ, конвергенция жанров, визуализация информации, демократизация, интеллектуализация

Для цитирования: Дегальцева А. В., Сиротинина О. Б. Изменения в информационных и аналитических жанрах современных СМИ // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 155–165. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-155-165>, EDN: QQHUDC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Changes in informative and analytical genres of modern media

A. V. Degaltseva[✉], O. B. Sirotinina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anna V. Degaltseva, deganna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

Olga B. Sirotinina, skunak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3258-4536>

Abstract. The article discusses the main trends of changes in mass media communication based on informative and analytical genres of the modern press and electronic media. The research is performed within interpretative discourse analysis and is based on quantitative analysis of the data. The authors of the article claim that in the modern information age, traditional media are no longer the most influential sphere of communication. The

media are forced to give way to social networks that are far from complying with the norms of the Russian language. In conditions of such fierce competition, traditional mass media have to adapt to the modern reader in order to meet their needs and expectations. This leads to the fact that their genre and stylistic appearance is gradually changing. The most important changes taking place in modern media are the convergence of genres, visualization of information, interactivity, democratization (which is expressed not only at the linguistic, but also at the extralinguistic level: in changing the nature of the information conveyed in the media and cooperation with non-professionals when creating mass media product) and the intellectualization of language.

Keywords: mass media, media genres, changes in the media, convergence of genres, visualization of information, democratization, intellectualization

For citation: Degaltseva A. V., Sirotinina O. B. Changes in informative and analytical genres of modern media. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 155–165 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-155-165>, EDN: QQHUCD

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Как известно, язык СМИ характеризуется политематичностью, богатством и разнообразием жанров. Ему свойственны установка на воздействие (экспрессивно-эмоциональный характер речи), прямая социальная оценочность и, вместе с тем, информативность. Таким образом, «интенциональность всей речевой деятельности журналиста определяется целью журналистской коммуникации в масс-медиа – информирующим воздействием» [1: 13].

В журналистике традиционно выделяется три типа жанров: информационные, аналитические и художественно-публицистические [2]. Однако сегодня, как справедливо замечает М. А. Кормилицина, облик современного коммуникативного пространства изменили серьезные трансформации в жизни общества, «обусловленные социально-психологическими факторами, а также новые технологии мгновенной передачи информации в интернет-общении, в том числе и на сайтах СМИ. В современной прессе трудно определить принадлежность текста к традиционно выделяемым в журналистике информационным, аналитическим или художественно-публицистическим жанрам» [3: 68].

Я, О. Б. Сиротинина, будучи лингвистом, прожившим долгую жизнь (сейчас мне исполнилось 99 лет), стала очевидцем становления новых способов передачи информации и возникновения новых СМИ. Расширились возможности общения на расстоянии и во времени (теперь сообщения можно передавать даже за пределами Земли). Если раньше люди выписывали газеты и журналы, слушали радио и смотрели телевидение, то сейчас они всё чаще черпают новостную информацию из Интернета.

Доступность связи на больших расстояниях привела к тому, что люди стали меньше заботиться об эффективности речи, понимании её собеседником. Сегодня даже члены одной

семьи часто общаются друг с другом по сети (нередко – находясь в одном помещении), ведь опосредованное общение всё больше вытесняет непосредственное.

В третьем тысячелетии россияне (и не только) предпочитают получать информацию из соцсетей, а не из авторитетных СМИ. На платформах «ВКонтакте», «Яндекс», «Мейл» и мн. др. существуют открытые для вступления и комментирования материала группы, освещающие новости России и мира. Некоторые из них насчитывают внушительное количество пользователей: несколько миллионов человек. Такие группы в основном не ограничены требованиями официальной цензуры, поэтому в них обсуждаются как резонансные события общественно-политической жизни, так и пикантные подробности из личной жизни «звезд». Новостные материалы, публикуемые в соцсетях, часто создаются непрофессионалами, не соблюдающими постулатов журналистской этики и элементарных коммуникативных и речевых норм. Тем не менее, широкий охват публикуемых в неофициальных новостных группах тем, обилие визуальной информации и возможность моментального обсуждения с другими пользователями Интернета делают соцсети более привлекательными для современной аудитории, чем традиционные медийные издания.

В такой конкурентной обстановке авторитетные СМИ вынуждены бороться за аудиторию любыми действенными (при этом не всегда этическими) способами. Они откликаются на новые жизненные реалии существенными трансформациями стилистического облика, тематики публикаций, отношения к профессиональной компетентности авторов медийных текстов и под.

Объектом нашего исследования являются информационные и аналитические жанры современных СМИ. Цель данного исследования заключается в выявлении основных тенденций, под влиянием которых во втором

и третьем десятилетии XXI века они претерпевают существенные изменения.

Исследование проводится на основе данных современной прессы и сайтов массмедийных изданий. Оно базируется на применении интерпретативного и дискурсивного видов анализа, а также приёма количественной обработки материала.

Основная часть

Проведённое исследование и анализ научной литературы показывают, что одними из основных тенденций, изменивших облик современных СМИ, являются тенденции к конвергенции жанров, визуализации информации, интерактивности, демократизации (которая выражается не только на лингвистическом, но и на экстралингвистическом уровне: в изменении характера освещаемой в СМИ информации и привлечении к созданию публицистических материалов непрофессионалов) и интеллектуализации языка. Итак, обратимся к подробному анализу каждой из тенденций, изменивших облик современных СМИ.

1. Конвергенция жанров

Современные медийные жанры претерпевают существенные изменения. Наиболее очевидным из них является тенденция к взаимопроникновению разных жанров, которую предлагается называть конвергенцией [3] или уплотнением жанров [4]. Например, в новостную заметку сейчас проникают элементы таких жанров, как репортаж, научная статья, интервью, анонс и др. [4]. «В современной медиасфере жанровая “плотность” медийных текстов ближе к повседневному общению, когда автор текста решает одновременно несколько коммуникативных задач, давая понять при этом, какова его основная интенция» [4: 274].

По-видимому, конвергенция жанров СМИ объясняется тем, что «журналисты стремятся представить многоаспектную картину усложнившейся современной жизни, что делает информационное пространство особенно плотным и разнородным» [3: 67]. Тенденция к взаимопроникновению жанров свойственна, конечно, не только центральному, но и региональным СМИ. В качестве примера приведём новостной материал, посвящённый росту расходов саратовцев на подготовку детей к школе, написанный И. Лихоман для саратовского «Московского комсомольца» (далее – МК) от 18.08.2022. Чтобы придать публикации аргументированности, достоверности и основательности, журналист включает в неё элементы других жанров: рекомендации, опроса, репортажа, а также данные статисти-

ческих исследований. Так, говоря о выборе одежды для школьников, И. Лихоман обращает внимание читателей на рекомендации Роспотребнадзора: «Родителям при приобретении школьной одежды для ребёнка важно помнить, что в ней он будет проводить 5–6 и более часов. В связи с этим необходимо понимать, что одежда, которая состоит только из синтетических волокон, для этих целей не подойдёт», – информирует ведомство и поясняет, что для школьной зимней формы лучше всего подходит шерсть и кашемир, а для весеннего сезона – хлопок и лён». Журналист, однако, не просто перечисляет рекомендации, но и опрашивает родителей школьников, чтобы выяснить, готовы и могут ли они следовать предписаниям Роспотребнадзора. С этой целью в новостном материале приводится мнение саратовских матерей: «Где вы видели льняные школьные блузки? А рубашки? – интересуется Людмила Максимова, мама пятиклассницы из Энгельса. – Если только на заказ, но это совершенно не практично, поскольку лён мнётся. Большинство рубашек как для мальчиков, так и для девочек, не говоря уж о сарафанах, юбках и костюмах, шьют из полиэстера с минимальным добавлением хлопка и вискозы. Цена на такие изделия составляет от 1 до 1,5 тысячи рублей».

Говоря о росте цен на канцтовары для школьников, И. Лихоман включает в свой материал и данные статистических исследований: «По данным ресурса “Чек Индекс”, список товаров из минимального набора школьника (без затрат на повседневную одежду) в июне-июле 2022 года составил 13,3 тыс. руб., что на 15% больше, чем в прошлом году. Согласно исследованию интернет-сервиса Авито, результаты которого приводит “Коммерсант”, на все необходимые школьные товары: один комплект одежды, портфель, канцелярию, ноутбук и смартфон, родителям мальчика придётся потратить 54 тыс. руб., а родителям девочки – на одну тысячу меньше. Если не покупать школьникам технику, траты снижаются до 7,5 тыс. руб.».

Присутствуют в тексте новости и элементы репортажа: «В последнюю неделю корреспондент “МК в Саратове” увидел заметное оживление в секциях канцелярских товаров гипермаркетов: родители скупают ручки, карандаши, тетради, рюкзаки и проч. Некоторые сетевые магазины уже устроили скидку на канцелярию, видимо, вслед за маркетплейсами».

2. Тенденция к визуализации информации

В современных СМИ возрастает количество графической информации, создающей «поликодовость, совмещение в журналистском тексте разных знаковых систем» [3: 71]. К визуальным средствам привлечения читательского внимания, которые используются в информационных и аналитических жанрах, относятся не только фотографии, рисунки, графики и диаграммы, но и различные шрифтовые выделения, которые нередко являются проявлением языковой игры с читателем: **ОПЕКУНЫ: продолжит ли расти спрос на нефть и почему** (Известия 17.07.2021); **COVIDно будет** (pressa.ru 12.05.2020) и под.

Важной особенностью современных электронных СМИ является больший, по сравнению с печатными версиями, объём визуальной информации. Так, в электронной версии газеты «Известия» есть специальный раздел «Инфографика». Он позволяет систематизировать и наглядно представить полезную для читателя информацию, связанную с разными сферами общественной и культурной жизни. В «Инфографике» представлено расписание ЕГЭ, календарь нерабочих дней, карта Северного морского пути, интерактивные карты железнодорожных маршрутов, статистические данные, связанные с Великой Отечественной войной, выборами в Госдуму и многое другое. Всё это помогает читателю ориентироваться в потоке информации, систематизировать важные данные, которые больше не нужно искать на просторах Интернета: достаточно просто обратиться к сайту издания. Таким образом, визуализация информации помогает современным медиа привлекать и сохранять аудиторию.

3. Тенденция к интерактивности

Одной из наиболее заметных особенностей современных СМИ является тенденция к интерактивности. Она «реализуется в журналистском тексте использованием разнообразных конструкций диалогической речи: вопросно-ответных единств; многочисленных вопросов, обращённых и к читателю-единомышленнику, и к воображаемому оппоненту, и к самому себе; риторических вопросов» [3: 70]. Достигается интерактивность и за счёт обращений к читателю, использования инклюзивного «мы», вовлечения аудитории в совместный поиск решения проблем и под. Удачное использование интерактивности можно найти в аналитической статье А. Минкина, посвящённой практике присуждения мировых и государственных наград: **Нобелевскую премию мира присуждает комитет в Норвегии. Товарищи, Норвегия – другая планета. То,**

что у нас с нею будто бы есть где-то там общая граница, – это ничего не значит. Как быть? Как вернуть престиж государственным наградам <...>? Есть идеальное решение, и мы рады представить его на рассмотрение Думе, Совету Федерации, Кремлю и всем, кто искренне озабочен престижем России во всех сферах (МК 20.10.2021).

Важным средством реализации интерактивности в СМИ третьего тысячелетия является создание интернет-версий массмедийных изданий, позволяющих читателям комментировать публикации. Как показывают наши наблюдения, наибольший отклик у аудитории вызывает информация о трагических событиях. Под такими материалами читатели выражают не только соболезнования, но и негативные эмоции: гнев, негодование, возмущение. Так, к новости о задымлении на угольной шахте «Листвяжная», произошедшем 25 ноября 2021 в Кемеровской области и приведшем к гибели более 50 человек, читатели электронной версии газеты «Коммерсант» оставили эмоциональные комментарии. Приведём их с сохранением авторских орфографии и пунктуации: **«Шахтёр – понятие героическое. Тем более странно, что после трагедии никто не хочет понять, что вина за такое отношение даже к людям такой героической профессии, лежит полностью на владельцах шахты. Не на дирекции, которая тоже наёмная, а на зажавшихся бездельниках, паразитирующих на здоровье и жизни людей»; «Научно-техническую интеллигенцию, прикладную инженерную касту, ещё в 90-е годы Ельцин уничтожил как класс. Остались одни капиталистически настроенные “управленцы”. Некому системе безопасности создавать и обслуживать. Одни блогеры остались, да и у тех единственная извилина прямая, и компьютерному креслу прижата».**

Как видим, интерактивность является одним из важнейших способов поддержания контакта СМИ с аудиторией. К сожалению, сейчас многие авторитетные массмедиа («МК», «Известия», «Коммерсант», «Комсомольская правда» и др.) в связи с бурно развивающимися внешнеполитическими событиями запретили комментирование своих электронных публикаций. Главные редакторы газет объясняют это тем, что возросло количество пользователей, регулярно обсуждающих новости, а значит, увеличилась нагрузка на модераторов контента. В таких условиях следить за тем, что публикуют читатели, стало крайне сложно. Вполне понятно, что представители руководства массмедийных изданий не хотят нести ответственность за нетолерантные

или даже экстремистские высказывания, которые могут быть опубликованы на сайтах СМИ. Вот что по этому поводу, например, сказано на сайте газеты «Коммерсант»: *Уважаемые читатели! Сегодня мы отключили на Kommersant.ru возможность оставлять и читать комментарии. В соответствии с законодательством мы несем ответственность в том числе за содержание в комментариях на сайте призывов к экстремизму и нецензурную брань. В настоящий момент наши модераторы не справляются с возросшим количеством постов* (<https://www.kommersant.ru/doc/5270909>). Отключение комментариев, однако, имеет и негативные последствия. На многих форумах пользователи Интернета сожалеют о том, что отсутствие возможности обсуждения новостных и аналитических материалов привело к сокращению потенциальной аудитории электронных СМИ и падению интереса к их публикациям.

4. Тенденция к демократизации

Демократизация языка СМИ имеет как лингвистические, так и внеязыковые проявления. Под влиянием этого процесса в журналистских текстах «наблюдается смешение, некий сплав высокого и сниженного, старого и нового, разрешенного и запрещенного, официального и неофициального, публичного и обиходно-бытового, устного и письменного общения. В СМИ активно функционируют книжные, разговорные, просторечные, жаргонные лексемы, используются стилистически разнородные синтаксические конструкции» [5: 24]. Это можно объяснить «стремлением журналистов реализовать основную стратегию современных СМИ, стратегию близости к адресату, проявить так называемую “языковую солидарность”, подчеркнуть, что автор и читатель принадлежат к одной социальной группе. Считается, что, если СМИ будут говорить на том же языке, что и большинство в современном обществе, использовать те же правила общения, что и в привычной для человека повседневной обиходно-бытовой сфере, тексты СМИ станут более понятными и доступными массовому адресату» [Там же].

Одним из проявлений демократизации языка СМИ является стилистическая контаминация, которая проявляется в усилении влияния разговорной речи на прессу и электронные массмедийные издания, в смешении книжной и разговорной стихий. В качестве одного из ярких примеров стилистической контаминации можно привести новостную заметку с названием «*Пожилый мужик в трусах сиганул с Банковского моста в канал Грибоедова*» (МК в Санкт-Петербурге 05.11.2021). Заголо-

вок публикации свидетельствует о том, что информация, освещаемая в ней, носит бытовой, а не социально значимый характер. Чтобы заинтересовать читателя и передать курьёзность происшествия, журналист избирает ироническую тональность, которая выражается в использовании стилистической контаминации. Именно поэтому в заметке просторечные слова *мужик, сиганул, студёный* [6: 465, 878, 953], ироническое, употреблённое в переносном значении, *персонаж* [7: 451] соседствуют с устаревшей лексемой *седовласый* [6: 869] и свойственными в большей степени книжной речи словами *воды* (мн. ч.), *засвидетельствовать, перформанс, спикировать, степенно, покорение: Петербургские пользователи соцсетей живо обсуждают нырок полугололого пенсионера в студёные осенние воды канала Грибоедова. Очевидцы засвидетельствовали, что 5 ноября седовласый ныряльщик степенно разделся до трусов, перелез через перила Банковского мостика и спикировал в темные воды канала Грибоедова. При этом некоторые пользователи соцсетей припомнили, что и раньше неоднократно наблюдали подобный перформанс в исполнении этого же персонажа, предположив, что речь идет о давней традиции покорения осенних питерских вод.*

Демократизация языка СМИ проявляется и в отражении ими динамики современных норм. Массмедийная коммуникация реагирует на изменения в квалификации тех или иных слов как общеупотребительных или недопустимых. Так, лексема *схожий*, которая раньше определялась как носящая просторечный и устаревший характер [6] стала квалифицироваться как разговорная лексема [8, 9]. По-видимому, это соответствует реальному употреблению данного слова, что связано «с его большей, чем у литературных синонимов, диффузностью значения» [10: 153]. В некоторых современных газетах *схожий*, по нашим наблюдениям, употребляется даже чаще, чем литературное *похожий*: *А Гончаров и Тургенев, заметим, дружили и имели схожий круг общения, постоянно делились своими замыслами, читали друг другу отрывки из новых произведений* (МК 18.06.2022); *Схожего робота, представленного другой российской компанией на форуме “Армия 2022”, предлагали использовать в том числе и в военных целях* (МК 23.08.2022).

Слово *интернет* в официальных СМИ сейчас чаще всего пишется со строчной буквы, поскольку академический орфографический словарь допускает подобное написание наравне с господствовавшим ранее *Интернет* [11: 243]: *В интернете начали предлагать купить вещи брендов ZARA, H&M, Next,*

а также сделать покупки в iHerb при помощи посредников из Турции и Казахстана (МК 24.08.2022). При этом в «Парламентской газете» (далее – ПГ), издании Федерального Собрания РФ, данное слово продолжает писаться с большой буквы: *Военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы, обязали отказаться от распространения информации о себе в СМИ и Интернете* через соцсети и с помощью современных гаджетов (ПГ 16.03.2019); *Карты бесполётных зон публикуют в Интернете* (ПГ 22.08.2022).

К сожалению, демократизация языка СМИ и необходимость подготовки целого массива публикаций в сжатые сроки приводят к тому, что современные журналисты (как и большинство носителей русского языка) перестают уделять должное внимание форме выражения мысли, реже задумываются о нормах языка и речи. Так, они не затрудняют себя подбором нормативного или просто более точного синонима. Этим объясняется, например, выбор из синонимического ряда наречий меры и степени слова *крайне* и активное употребление его в контекстах, не предназначенных для выражения негативного отношения адресанта к передаваемой им информации: *Крайне важно наладить новые логистические связи для максимального раскрытия экспортного потенциала страны* (МК 14.07.2022); *<...> оформить такой документ **крайне** просто для любого желающего. Да и сама услуга **крайне** привлекательна <...>* (Известия 02.09.2020). В современных СМИ ненормативно расширяет сферу своего употребления и лексическую сочетаемость слово *достаточно*: *Необходимы **достаточно** серьёзные ресурсы <...>* (МК 05.08.2022); *Это хорошее заживляющее средство, но сам по себе хитозан **достаточно** плохо останавливает кровь* (Известия 12.04.2014); *Имеются отличные продукты, но **достаточно** много откровенного фальсификата и просто брака* (ПГ 11.11.2021) и т. д. Нормативное для таких употреблений *довольно* сейчас почти не встречается.

Ещё одним из негативных последствий демократизации языка СМИ является проникновение в него нелитературных элементов и нарушение этических норм. В стремлении приблизиться к массовому адресату и быть с ним «на равных» журналисты активно используют просторечные и жаргонные словечки: *Тупо завалить Россию мусором: с 1 января стране грозит проблема* (МК 05.12.2018); *Инцидент произошёл **аккурат** во время речи Лиз Трасс* (МК 27.07.2022); *Иногда просто **по приколу** издевались* (МК 05.12.2021); *Паспортные данные указали **от балды*** (Комсомольская правда (далее – КП) 21.07.2021); *Ты жи-*

*вёшь в другой стране, с другой культурой – **на фига** тебе это?* (Известия 25.09.2020). Несмотря на закон «О средствах массовой информации», Медиаэтический стандарт Общественной коллегии по жалобам на прессу и другие документы, в современных медиатекстах всё ещё можно встретить «неуместное, вульгаризированное употребление лексики »телесного низа»» [12: 57]: *«Россия – это Нигерия в снегу», – как-то заявил Сергей Брин, сооснователь Google. Наталья тоже нашла много похожего у наших стран: бюрократизм, пофигизм, привычку чуть что яростно сигналить на автодороге и убежденность, что **какашки** снятся к богатству* (журнал «Огонёк» 13.08.2018); *По следу Чейза он нехотя отправляет киллера-философа <...>, но, в отличие от Чейза, тот оказывается **недостаточно** стар для этого **дерьма*** (Коммерсант Weekend 15.07.2022); *Когда развалилась страна, наши режиссёры пустились во все тяжкие. Да, тогда если не было **голой бабы** или **полового акта** – это уже не кино. Не забыли еще злополучный «**Мастер и Маргарита**» Юрия Кары – **одни сиськи**. Поэтому красота – это ещё и чувство меры* (МК 26.07.2022). По-видимому, журналисты полагают, что вульгаризация речи делает их ближе к типовому обывателю, читающему прессу.

Демократизация проявляется также в более свободном выборе тем для освещения в СМИ, создании псевдосенсационности, привлечении к сотрудничеству с массмедийными изданиями непрофессионалов. Рассмотрим эти явления подробнее.

Одной из особенностей демократизации языка современных массмедиа является освещение незначительной информации, касающейся частной жизни известных персон. Обращение традиционных СМИ к деталям, которые имеют важное значение лишь для определённых групп общества (учащихся, блогеров, домохозяек; фанатов музыки, кино, модной индустрии и др.), вызвано неизбежной конкуренцией с социальными сетями, в которых многие люди, к сожалению, проводят большую часть своего времени. В Интернете, превращающем личное пространство в публичное, детали частной жизни «звёзд» вызывают неподдельный интерес у обывателей. Именно поэтому даже авторитетные СМИ в борьбе за читателей вынуждены тоже освещать подобную информацию, сопровождая её фотографиями «кумиров»: *«Блогер Лерчик вышла в свет в платье из надутых перчаток. Если бы лопнула хоть одна – дама осталась бы без одежды* (МК 23.04.2021); *Даня Милохин встретился с бросившей его матью спустя 17 лет* (МК 21.01.2021);

Пугачёва вышла в свет в чулках и белой шляпке (МК 30.10.2014); Бен Аффлек выставил на продажу свой «холостяцкий» особняк за \$30 млн (МК 10.08.2022); Бен Аффлек и Ана де Армас расстались (Коммерсант 19.01.2021); Меган Маркл появилась на публике в платье с биркой (Известия 25.10.2018); Располневшего Мэнсона раскритиковали в социальных сетях (Известия 16.08.2022) и др.

К сожалению, в современном медийном мире, когда СМИ, как мы уже упоминали, вынуждены конкурировать с соцсетями в борьбе за аудиторию, журналисты прибегают к самым разным приёмам привлечения читательского внимания. Чтобы вполне обыденная новость выглядела броско или сенсационно, сотрудники массмедийных изданий готовы даже нарушать этические нормы. Так, в издании «МК-Спорт» от 15.06.2022 г. опубликовано интервью с садовником Уиллом Брайерли о подготовке теннисных кортов к Уимблдонскому турниру. Для своего материала журналист «МК» Ульяна Урбан избирает моментальный бросающийся в глаза заголовок: «*Какашки с травы убираем щётками*»: садовник Уимблдона раскрыл тайны работы. Брайерли рассказывает много интересных деталей о составе почвы на теннисных кортах, о ритуалах, которые существуют у теннисистов и под. В конце интервью ему задают вопрос, происходят ли во время турнира какие-то неприятности. Садовник отвечает, что иногда случайно срабатывают разбрызгиватели воды или птицы испражняются на траву. В последнем случае, по его словам, «с какашками справляются щётками и совками для мусора, важно же, чтобы они не размазались по корту». Конечно, подобную информацию вообще не стоило бы переводить и включать в публикацию. У. Урбан, однако, не только приводит эти слова уимблдонского садовника, но и помещает их в сильную позицию текста, его проспективную часть: заголовок. Вырвав слова У. Брайерли из контекста, журналист формирует у читателя ложное представление о том, что теннисисты или болельщики справляют нужду прямо на кортах.

Тем не менее, мониторинг СМИ, проводимый в течение нескольких десятилетий мною, О. Б. Сиротининой, показывает, что в речи современных профессиональных журналистов наблюдаются сдвиги в сторону нормативности. Например, более частотным стало использование русского слова *подросток*, а еще несколько лет назад господствовало *тинейджер*: По данным следствия, 9 августа днем **подросток** напал на 24-летнюю женщину и ее 6-летнего сына, требуя отдать ему деньги (ПГ 10.08.2022); По информации

от местных, **подросток** живет с матерью и отчимом (МК 11.08.2022).

Другим следствием демократизации публичного общения является то, что современные СМИ приглашают к сотрудничеству и непрофессиональных журналистов, что способствует наибольшему охвату аудитории, учёту самых разнообразных интересов читателей. Так, в электронной версии газеты «МК» ведут свои блоги люди самых разных профессий: не только журналисты и писатели, но и общественные деятели, музыканты, программисты, многодетные матери и многие другие. С одной стороны, привлечение к созданию материалов непрофессионалов способствует сокращению дистанции между читателем и автором публикации, созданию атмосферы непринуждённого разговора на равных, поскольку «в современных СМИ центральным жанром становится гипержанр разговор как инвариант многочисленных речевых форм» [3: 69]. С другой стороны, уровень коммуникативной компетентности приглашённых авторов, далёких от писательского труда, не слишком высок. Их речь нередко характеризуется сниженностью, бедностью лексикона и однообразием синтаксических структур. В качестве примера можно привести материал Е. Арсеньевой, турагента и, как она себя называет, трэвел-блогера, в котором девушка пытается донести до читателя мысль о том, что самым главным для путешественника является духовное развитие, изучение иной культуры, а не желание скоротать время на пляжах или в магазинах: «*Путешествие – это не когда ты развела мужика на моря, не когда вы с мужем взяли кредит, чтобы 7–10 дней валяться тюленями, не готовить, не мыть посуду. Это не для инстаграма фоточки. Путешествие осознанное – это медитация. Вот не меньше <...>. Вот приехал ты ...ну пусть, на отдых. А вообще, это не отдых, а развитие. Саморазвитие. И плюс сверху ещё целый пласт положительных понятий, которые человек сам для себя определяет. Приехал. И первым делом ты всё-таки хочешь быть на природе. Мы тут пишем не для тех, кто в Хургаде забирается в номере и пьёт. Природа, взаимодействие со стихиями – море, солнце, земля, воздух... где ты в офисе возьмёшь подпитку от стихий? Кондей, стул, лампы и кофе – вот твои стихии. Если ты приехал гулять по европам и не только, то тут город и история покоряют тебя. И ты тоже заряжаешься. Заряжаешься и от людей тоже, потому что в туристических городах не все бегут, роняя тапки на работу, а радостно ходят и фоткаются, улыбаются, едят всякую радостную вкусняшку. Атмосфера*

лёгкости, счастья, и одновременно – история города, культуру, искусство. Ты тоже теперь в теме. И ты воспринимаешь себя, как человек, у которого есть потребности интеллектуальные». Блоггер обращается к читателям на «ты», использует разговорную и жаргонную лексику (*вот, ну, валяться тю-ленями, первым делом, кондей, по европам, фоточки, фоткаться, вкусняшка; развести (на деньги), быть в теме и под.*) и элементы разговорного синтаксиса (парцеллированные конструкции, обратный порядок слов, вопросительные предложения и др.). В тексте встречаются грамматические (<...> *история города, культуру, искусство*) и пунктуационные ошибки (*не все бегут, роняя тапки на работу; воспринимаешь себя, как человек, у которого есть потребности*), нарушения речевых и стилистических норм (*радостную вкусняшку; плюс сверху ещё целый пласт положительных понятий; кондей, стул, лампы и кофе – вот твои стихи и т. д.*). Можно, конечно, предположить, что автор публикации намеренно создаёт образ малограмотного туриста, завсегдающая соцсетей, но это кажется нам маловероятным. Читатель, не обладающий высоким уровнем речевой культуры, из такого материала не почерпнёт для себя ничего такого, что могло бы повысить уровень его общей и коммуникативной культуры. Наоборот, он может принять ошибки за правильную, эталонную речь. У читателя-интеллекта этот текст, напоминающий плохое школьное сочинение, вызовет, скорее всего, отторжение, да и прочитывать целиком такой материал он, скорее всего, не станет.

По нашим наблюдениям, в официальном издании газеты «МК» тоже увеличивается доля материалов, подготовленных непрофессионалами. Они, однако, обычно публикуются в обработке профессиональных журналистов.

Таким образом, привлечение непрофессионалов к созданию текстов для авторитетных СМИ (чаще всего, но далеко не всегда, электронных) имеет не только и не столько положительные (создание доверительного разговора с читателем, сокращение дистанции между ним и автором публикации), сколько отрицательные последствия (демонстрация низкого уровня речевой и общей культуры гостей издания).

Тем не менее, демократизация общества в целом и практически повсеместное распространение Интернета приводят к тому, что сегодня новости создаются непрофессионалами и активно публикуются в различных социальных сетях. Конечно, новостная информация, публикуемая в них, отличается от той, которая встречается и в авторитетных СМИ, повсеместной ненормативностью и – часто –

грубостью. В качестве примера приведём заметку из группы «Последние новости» в сети «ВКонтакте» (на момент написания данной статьи группа насчитывает 906098 участников-читателей): *Ребёнка с аутизмом выгнали из игровой комнаты ТЦ “Муссон” в Севастополе. Сказали: он не такой как все, и может быть опасен. У 9-летней Нелли лёгкая форма заболевания – она быстро обучается, но пока что плохо говорит. Несмотря на это, у девочки никогда не было проблем со сверстниками, спокойно проводила с ними время в гейм-зонах. Мама всегда предупреждала работников об особенностях Нелли, всё было ок. Но в этот раз администратор заявила: по новым правилам инвалидам запрещено находиться в игровой со здоровыми детьми, даже под контролем родителей. “Если какие-то предприниматели не включают голову и отключают сердце, то мы им поможем осознать и исправить свои ошибки”. Губернатор Севастополя Михаил Развожаев заявил, что был шокирован нашей новостью”. И пообещал со всем разобраться (https://vk.com/news_first). При прочтении материала сразу же бросается в глаза отсутствие логики выстраивания новостной заметки. Сначала читателю может показаться, что речь идёт о мальчике (*ребёнок, он*), потом оказывается, что неподобающему обращению подверглась девочка. Из заметки не совсем понятно, за что именно Нелли заставили покинуть игровую зону. По-видимому, мать девочки предупредила сотрудника детской площадки об особенностях развития Нелли, а та, в свою очередь, побоялась, что девочка может неадекватно себя повести. Получается, ребёнка даже не пропустили в игровую комнату, а не выгнали из неё. Кроме того, в этой электронной новости по-разному (и не всегда правильно) оформляется прямая речь, а слова губернатора Севастополя цитируются так, что не сразу можно понять, кому они принадлежат. Помимо отсутствия логики, пунктуационных ошибок, ощущается ещё и бедность словарного запаса автора заметки (например, вместо *всё было хорошо* употребляется модное в Интернете выражение *всё было ок*).*

Открытым и актуальным сегодня остаётся вопрос о том, как повлияют санкции, наложенные на Россию, на нормативность языка и речи. Думается, что рост патристических настроений в нашем обществе будет способствовать охране родного языка и заботе о его экологии. В Совете Федерации и Государственной Думе недавно был принят к рассмотрению ряд мер по сохранению богатства и независимости русского языка.

Например, уже разработан законопроект о запрете вывесок на иностранных языках.

Явлением, противопоставленным демократизации языка СМИ, является его интеллектуализация.

5. Тенденция к интеллектуализации

Интеллектуализация языка СМИ проявляется в использовании конденсации информации, а также непрямой коммуникации, о которой свидетельствуют языковая игра, прецедентные феномены, ирония, косвенные речевые жанры, а также использование тропов и фигур речи [13]. При этом «критериями допустимого/целесообразного в выборе» журналистом тех или иных «средств воздействия далеко не всегда теперь являются этические требования и чувство вкуса, основанное на принципе соразмерности и сообразности» [14: 247]. Как справедливо замечает М. А. Кормилицына, журналисту следует быть «очень осторожным, чтобы в погоне за выразительностью не нарушить не только речевые, но и этические, а также эстетические нормы. Стремление к выразительности не может быть достигнуто ценой разрушения норм вообще, так как это может привести к разрушению традиций и целостности культуры» [15: 13].

И. В. Анненкова полагает, что «прецедентность и игра с ней сегодня должны рассматриваться уже не только (и не столько!) как стилистический приём, но и как риторическое моделирование медийной коммуникации, как путь, по которому адресанты журналистского текста идут не всегда осознанно, почти автоматически. Фактически, это формирование новой речевой поведенческой нормы в медиакоммуникации, а вслед за ней – и в коммуникации повседневной» [16: 44–45]. И сейчас эта неосознанность необходимости нормативного всё больше расширяется.

Языковая игра с прецедентными именами становится приметой идиостиля современных журналистов. Так, Вячеслав Костиков, директор аналитического центра ИД «Аргументы и факты» (далее – АиФ), в своих статьях любит прибегать к формальным и семантическим трансформациям идиом: **Выброс ребром**. *Надо ли отправлять на помойку «свидетелей» уходящих времён?* (АиФ 08.06.2022); *Кому показывать «кузькину мать»?* *Что Россия могла бы предложить миру* (АиФ 18.05.2022); *Вам что, больше всех НАТО?* *Что думают о внешней политике простые люди* (АиФ 09.03.2022); **Китайская грамота**. *Сотрудничая с КНР, Россия не должна забывать о выгоде* (АиФ 25.08.2021) и др.

По наблюдениям М. А. Кормилицыной, в качестве источников прецедентных фено-

менов в современных СМИ «журналистами особенно активно используются русские пословицы и поговорки, цитаты из народных сказок и сказочные имена, что объясняется, вероятно, усилением патриотической составляющей общественных настроений в России» [15: 16]. Это подтверждает и наш материал: *Почему в Волгограде куриные яйца стали золотыми* (КП 18.12.2018); *Кощей думал, что он бессмертный, пока не встретил гопников* (КП 22.09.2017); *Не буди лихо, как у нас говорится* (АиФ 10.12.2021); *Вот такой он ласковый телёнок, способный сосать даже не двух, а неограниченное количество тёлочек* (АиФ 15.04.2020).

Интеллектуализация языка СМИ, как и его демократизация, имеет негативные последствия. Одним из них является использование новейших заимствований (как правило, из английского языка) без пояснения их значений: *Кроме того, дополнительно оборудованы четыре уличных павильона, коворкинг-центр, три сцены, лаунж-зона для отдыха, кинотеатр под открытым небом, танцевальная площадка и другие объекты* (МК 18.06.2015); *Шифрование, блокчейн и анонимайзер: разбираемся в ДЭГ* (МК 03.09.2021); *Такой плачевный тренд наблюдался только в разгар первой волны короновируса* (МК 05.08.2022); *Буллинг в детском лагере – как его избежать и что делать* (МК 17.07.2022); *Ссоры с мамой, потеря родительских прав на сына, хейт в соцсетях* (АиФ 21.01.2022). Как мы отмечали ранее, современные «СМИ создают моду на англицизмы» [17], поэтому не знающим английского языка, сегодня даже газету уже читать невозможно. Даже мне, О. Б. Сиротиной, свободно читавшей в подлиннике английские романы, многие слова в СМИ непонятны.

Следует также отметить, что материалы, посвящённые политической и финансовой обстановке в стране и мире, подвергаются интеллектуализации. Понимать их неподготовленному читателю становится всё труднее из-за обилия профессиональных терминов (часто – заимствованных), повышенной конденсации информации, выражающейся в на низывании цепочек родительного падежа, преобладании сложных предложений, активном использовании средств синтаксической компрессии, прецедентных феноменов и под.: **Блокчейн** *российского IT-вуза можно использовать для согласования договоров, контроля цепочек поставок, планирования объёмов продаж товаров с учётом поставщиков и групп покупателей в методологических структурах программ лояльности, в своп-сделках, голосовании и в любых*

других информационных системах, требующих согласованных действий нескольких участников (Известия 08.11.2021); Вашингтон сфабриковал провальный нарратив о «справедливости против зла», который поставил под угрозу архитектуру глобальной безопасности (Известия 24.08.2022).

Заключение

Во втором и третьем десятилетиях XXI в. изменяется сам язык и отношение его носителей к норме, ведь благодаря цифровизации жизни теперь уже не нужно запоминать большие объёмы информации. На эти изменения своевременно откликаются и СМИ.

Современная «информационная эпоха сопровождается сменой культур, которую мы сегодня наблюдаем: от традиционной книжной – к медийной, экранной» [18: 75]. Сегодня СМИ

(как печатные, так и электронные) перестают быть самой влиятельной сферой коммуникации. Им на смену приходят ещё более далёкие от нормативной речи социальные сети.

В условиях жёсткой конкуренции традиционные СМИ вынуждены пересмотреть отношение к характеру освещаемой ими информации, соответствовать интересам среднестатистического читателя, но, вместе с тем, отвечать потребностям и более взыскательной аудитории. Всё это приводит к тому, что их жанровый и стилистический облик постепенно меняется. Наиболее важными тенденциями изменений, происходящих в современных СМИ, являются конвергенция жанров, усиление визуализации информации, интерактивность, демократизация и интеллектуализация языка и всё ещё господство англицизмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дускаева Л. Р. Интенциональность медиаречи: онтология и структура // Медиатекст как полиинтенциональная система : сб. статей / отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, 2012. С. 10–17.
2. Тертыйный А. А. Жанры периодической печати: учеб. пособие для вузов. 6-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2017. 320 с.
3. Кормилицына М. А. Тенденции изменений в стилистическом облике традиционных журналистских жанров в современной прессе // Жанры речи. 2018. № 1 (17). С. 67–72. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-1-17-67-72>
4. Шмельва Т. В. «Уплотнение жанров» как тенденция медиасферы // Жанры речи. 2018. № 4 (20). С. 270–276. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-270-276>
5. Кормилицына М. А. Стилистическая контаминация в современном медиадискурсе (на материале печатных СМИ) // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. ст. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2015. Вып. 15. С. 23–37.
6. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2011. 1174 с.
7. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М. : Аделант, 2014. 800 с.
8. Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В. М. Морковкина. М. : Словарь XXI века ; АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 1456 с.
9. Кузнецов С. А. Современный толковый словарь русского языка. М. : Норинт, 2008. 1536 с.
10. Сиротинина О. Б., Матяшевская А. И. К чему может привести стремление к экономии речевых усилий в коммуникации на русском языке? // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1. С. 150–164.
11. Русский орфографический словарь: около 200000 слов / РАН, ИРЯ им. В. В. Виноградова / под

ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. Изд. 4-е, испр. и доп. М. : АСТ-Пресс Книга, 2013. 896 с.

12. Бессарабова Н. Д. Лингвэтика, или Ещё раз об этическом аспекте культуры речи современных СМИ и рекламы // Журналистика и культура русской речи. 2011. № 1. С. 54–64.

13. Кормилицына М. А., Сиротинина О. Б. Язык СМИ: учеб. пособие. 3-е изд., стер. М. : Флинта, 2015. 92 с.

14. Копнина Г. А., Сквородников А. П. Коммуникативные неудачи журналистов в использовании средств речевой выразительности // Медиатекст как полиинтенциональная система : сб. статей / отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, 2012. С. 243–250.

15. Кормилицына М. А. Целесообразность использования выразительных средств как один из показателей коммуникативной компетентности журналиста // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2011. Вып. 11. С. 12–19.

16. Анненкова И. В. Стилистика VS риторика: две парадигмы изучения медиатекста // Медиатекст как полиинтенциональная система : сб. статей / отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, 2012. С. 40–46.

17. Сиротинина О. Б. К вопросу о функционально-стилевых различиях в русском языке и речи в XXI в. // Актуальные проблемы стилистики. 2019. № 5. С. 27–39.

18. Клушина Н. И. Медиастилистика. М. : Флинта, 2018. 184 с.

REFERENCES

1. Duskaeva L. R. The intentionality of media speech: Ontology and structure. In: *Mediatekst kak poliintentional'naya sistema : sb. statei. Pod red. L. R. Duskaevoy, N. S. Tsvetovoy* [L. R. Duskaeva, N. S. Tsvetova, eds. Mediatekst as a polyintentional system: coll. arts]. Saint Petersburg, St. Petersburg State University, 2012, pp. 10–17 (in Russian).
2. Tertychny A. A. *Zhanry periodicheskoi pechati: ucheb. posobie dlya vuzov* [Genres of periodicals: Study

guide for univers]. 6th ed., rev. and add. Moscow, Aspect Press Publ., 2017. 320 p. (in Russian).

3. Kormilitsyna M. A. Trends of changes in the stylistic appearance of traditional journalistic genres in the modern press. *Speech Genres*, 2018, no. 1 (17), pp. 67–72 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-1-17-67-72>

4. Shmeleva T. V. “Consolidation of genres” as a trend of the media sphere. *Speech Genres*, 2018, no. 4 (20), pp. 270–276 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-270-276>

5. Kormilitsyna M. A. Stylistic contamination in modern media discourse (based on the material of print media). In: Kormilitsyna M. A., ed. *Problemy rechevoj kommunikatsii: mezhvuz. sb. st.* [Problems of speech communication: interunivers. coll. arts]. Saratov, Saratov State University Publ., 2015, iss. 5, pp. 23–37 (in Russian).

6. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vkluycheniem svedenij o proiskhozhdenii slov.* Otv. red. N. Yu. Shvedova [Shvedova N. Yu., ed. Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011. 1174 p. (in Russian).

7. Ushakov D. N. *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the modern Russian language]. Moscow, Adelant Publ., 2014. 800 p. (in Russian).

8. *Bol'shoj universal'nyj slovar' russkogo yazyka.* Pod red. V. M. Morkovkina [Morkovkin V. M., ed. The Great Universal Dictionary of the Russian language]. Moscow, Dictionary of the XXI century; AST-Press Book Publ., 2016. 1456 p. (in Russian).

9. Kuznetsov S. A. *Sovremennyyi tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [A modern defining dictionary of the Russian language]. Moscow, Norint Publ., 2008. 1536 p. (in Russian).

10. Sirotinina O. B., Matyashevskaya A. I. What can the desire to save speech efforts in communication in Russian lead to? *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], 2016, no. 1, pp. 150–164 (in Russian).

11. *Russkij orfograficheskiy slovar': okolo 200000 slov.* Pod. red. V. V. Lopatina, O. E. Ivanovoy [Lopatin V. V., Ivanova O. E., eds. Russian spelling dictionary: About

200,000 words]; RAS, IRA named after V. V. Vinogradov. 4th ed., rev. and add. Moscow, AST-Press Book Publ., 2013. 896 p. (in Russian).

12. Bessarabova N. D. Linguistics, or Once again about the ethical aspect of the culture of speech of modern media and advertising. *Zhurnalistika i kul'tura russkoj rechi* [Journalism and Culture of Russian Speech], 2011, no. 1, pp. 54–64 (in Russian).

13. Kormilitsyna M. A., Sirotinina O. B. *Yazyk SMI: ucheb. posobie* [The language of mass media: study guide. 3rd ed., ster.]. Moscow, Flinta Publ., 2015. 92 p. (in Russian).

14. Kopnina G. A., Skovorodnikov A. P. Communicative failures of journalists in the use of means of speech expressiveness In: *Mediatekst kak poliintentsional'naya sistema: sb. statei. Otv. red. L. R. Duskaeva, N. S. Tsvetova* [Duskaeva L. R., Tsvetova N. S., eds. Mediatext as a polyintentional system: coll. arts]. Saint Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2012, pp. 243–250 (in Russian).

15. Kormilitsyna M. A. Expediency of using expressive means as one of the indicators of the communicative competence of a journalist. In: *Problemy rechevoj kommunikatsii: mezhvuz. sb. nauch. tr. Pod red. M. A. Kormilitsynoy* [Kormilitsyna M. A., ed. Problems of speech communication: interuniv. coll. of sci. arts]. Saratov, Saratov State University Publ., 2011, iss. 11, pp. 12–19 (in Russian).

16. Annenkova I. V. Stylistics VS rhetoric: Two paradigms of media text study. In: *Mediatekst kak poliintentsional'naya sistema: sb. statei. Otv. red. L. R. Duskaeva, N. S. Tsvetova* [Duskaeva L. R., Tsvetova N. S., eds. Mediatext as a polyintentional system: coll. arts]. Saint Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2012, pp. 40–46 (in Russian).

17. Sirotinina O. B. On the question of functional and stylistic differences in the Russian language and speech in the XXI century. *Aktual'nye problemy stilistiki* [Actual Problems of Stylistics], 2019, no. 5, pp. 27–39 (in Russian).

18. Klushina N. I. *Mediastilistika* [Mediastilistics]. Moscow, Flinta Publ., 2018. 184 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 26.08.2022; одобрена после рецензирования 21.09.2022; принята к публикации 30.09.2022

The article was submitted 26.08.2022; approved after reviewing 21.09.2022; accepted for publication 30.09.2022

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 166–174

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 166–174

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-166-174>, EDN: KWIYIM

Научная статья

УДК 070(470.44-25)|1910/1920|:81'38

Жанровая палитра литературных материалов на страницах газеты «Саратовский вестник» 1910-х годов

Е. Г. Елина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Елина Елена Генриховна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего
литературоведения и журналистики, elinaeg@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

Аннотация. Рассмотрены газетные жанры, в которые облекались литературные материалы в газете «Саратовский вестник» 1910–1913 гг. В это время складывается газетная культура Саратова: структура газетной полосы, ее верстка и расположение материалов, связь визуального ряда и жанровой палитры. В «Вестнике» представлены жанры газетной рекламы, а также хроникально-документальные публикации. Предпочтение факта комментарию свидетельствует о высокой журналистской культуре в «Саратовском вестнике». Газета публикует заметки, фельетоны, письма в редакцию, обзоры. Изобильно представлены жанры, отражающие интерес газеты к литературе и театру. Смерть Толстого и Чехова газетчиками воспринимается как катастрофа, нанеся удар всей общественной жизни России. В результате рождается жанр патетического некролога. Жанровое разнообразие литературных материалов «Вестника» позволяет говорить о едином контексте газеты, который обеспечивался постоянством авторского и редакторского состава. Нередко литераторы и литература оказываются поводом для разговора о текущей жизни. Проявлением жанровой специфики, отличающей газетную культуру «Саратовского вестника», становится обращение авторов новостных лент, проблемных статей, обзоров политической жизни города и губернии к литературным образам, высказываниям писателей, афоризмам из художественных произведений. Это свидетельствует не только о литературоцентричности авторов «Вестника», но и о том, что газета создавалась для саратовской интеллигенции и людей других сословий, ориентированных на литературу как главный критерий истины. Читательские интенции в «Саратовском вестнике» были одной из форм популяризации газетных жанров, способом их узнавания, расширения границ аудитории.

Ключевые слова: жанры газетной журналистики, «Саратовский вестник», литературоцентричность, газетный контекст, читательские интенции

Для цитирования: Елина Е. Г. Жанровая палитра литературных материалов на страницах газеты «Саратовский вестник» 1910-х годов // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 166–174. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-166-174>, EDN: KWIYIM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Genre variety of literary materials on the pages of the newspaper “Saratovsky Vestnik” of the 1910s

E. G. Elina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena G. Elina, elinaeg@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

Abstract. The article deals with the newspaper genres, used for literary materials in the newspaper “Saratovsky Vestnik” (Saratov Herald) in 1910–1913. This is the time when Saratov’s newspaper culture is taking shape: the structure of the newspaper page, its layout and arrangement of materials, the link between the visual range and the genre palette. The Vestnik features the genres of newspaper advertisement, as well as chronicle-documentary articles. The preference of fact over commentary testifies to the high journalistic culture in

the “Saratovsky Vestnik”. The newspaper publishes notes, feuilletons, letters to the editor, reviews. Genres, reflecting the newspaper’s enthusiasm for literature and theatre, are presented abundantly. The deaths of Tolstoy and Chekhov are perceived by the newspapermen as a disaster that has hit the whole Russian social life. As a result, the genre of the passionate obituary is born. The genre diversity of the Vestnik’s literary materials suggests a unified context for the paper provided by the continuity of the authors and the editorial staff. Literary figures and literature often provoke conversation about contemporary life. One of the genre peculiarities that distinguishes the newspaper culture of the “Saratovsky Vestnik” is the way the authors of news lines, feature articles, and reviews of the political life of the city and the province, use literary images, writers’ statements, and aphorisms from works of fiction. It proves not only that the Vestnik’s authors were literary-centric, but also that the newspaper was created for Saratov intelligentsia and people of other walks of life who focused on literature as their main criterion of truth. Readers’ intentions in the “Saratovsky Vestnik” were a form of popularizing newspaper genres, a way of recognizing them, and of expanding the boundaries of the audience.

Keywords: genres of newspaper journalism, “Saratovsky Vestnik”, literary-centric, newspaper context, readers’ intentions

For citation: Elina E. G. Genre variety of literary materials on the pages of the newspaper “Saratovsky Vestnik” of the 1910s. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 166–174 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-166-174>, EDN: KWIYIM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Газетные жанры не раз становились предметом изучения [1]. В последние годы исследования газетных текстов в жанровом аспекте проводятся преимущественно на материале публикаций рубежа XX–XXI веков. Это время представляет обширный материал для изучения диффузных газетных жанров, жанровых модификаций и трансформаций. Да и сам процесс жанровой диффузии служит любопытным предметом анализа [2–6]. Относительно журналистики начала XX века современных работ, посвященных проблемам жанра, совсем немного. Следует отметить коллективную монографию, выпущенную ИМЛИ РАН и анализирующую диалектику литературы и журналистики в предреволюционную эпоху [7]. Среди авторов, посвятивших свои работы этому направлению, стоит назвать Г. В. Жиркова [8].

Дореволюционный Саратов представлял собой замечательное явление социально-экономической и культурной жизни России. Достаточно сказать, что по количеству жителей в период с 1897 по 1916 г. Саратов оказался после столиц третьим городом России (в ее современных границах). В Саратове проживало большое количество служащих и интеллигенции. После учреждения университета, последнего, открытого указом императора Николая Второго в 1909 г., и консерватории в 1912 г. значительно выросло и количество учащихся. В начале века в городе появляется электричество, расширяется водопроводная сеть, работает телефон. С 1885 г. в Саратове работает крупный художественный музей.

Очевидно, что в таком городе, который в первое десятилетие XX века называют столицей Поволжья, печатается несколько десятков периодических изданий. Главными

газетами считались ежедневный «Саратовский листок: газета политическая, общественная и литературная» (выходила с 1863 по 1917 г. и в разные годы редактировалась П. О. Лебедевым, саратовским журналистом И. П. Горизонтовым, известным революционером и журналистом П. А. Аргуновым) и газета «Саратовский вестник», тоже общественно-политическая и ежедневная. Она выходила с 1907 по 1917 г. и являлась продолжением издания «Саратовский дневник», который вел свою историю с 1877 г. Издавали «Саратовский вестник» Е. И. Агишева, А. Я. Лопуховский, И. П. Горизонтов, но, пожалуй, самым ярким редактором являлся известный в Саратове редактор, журналист, общественный деятель Н. М. Архангельский.

В статье будут рассмотрены литературные материалы в «Саратовском вестнике» того времени, когда редактором газеты являлся Н. М. Архангельский, а издателем И. П. Горизонтов. Это период с 1910 по 1913 г. Именно трудами Николая Михайловича Архангельского, редактора газеты, и Ивана Парфеновича Горизонтова, ее издателя, складывается газетная культура Саратова. Очевидно, что газетная культура вырастает из целого ряда элементов, ее составляющих. Прежде всего, это сама структура газетной полосы, ее верстка и расположение материалов. Газета «Саратовский вестник» 1910-х гг. использует убогий шрифт, без межколонных пробелов и совсем без фотографий. Видна явная корреляция структуры газеты и жанровой палитры, в ней представленной. Такая взаимозависимость содержательного наполнения номера и его визуального ряда может восприниматься как еще одно свойство газетной

культуры, характерной для саратовской прессы 1910-х гг.

Поскольку каждый газетный номер снабжен мощным рекламным блоком, на газетной полосе представлены жанры газетной рекламы. Обратим внимание на то, что в 1910-е гг. в газете отсутствуют такие популярные сегодня рекламные жанры, как реклама, включенная в редакционный текст, реклама, поданная в традиционном газетном жанре интервью или очерка, реклама, публикуемая в виде письма и ответа на него. Все эти популярные сегодня жанры скрытой рекламы в «Саратовском вестнике» 1910-х гг. отсутствуют. Рекламные тексты подаются открыто, четко, с указанием цены и условий продажи. На первое место по количеству текстов выходят рекламные объявления. Это рекламы товаров и услуг, в первую очередь медицинских. Немало места в «Саратовском вестнике» отведено самому крупному в Саратове торговому дому «Андрей Бендер и сыновья». Публикуются объявления о театральных спектаклях и цирковых представлениях, о ресторанных меню и парковых маршрутах, об услугах студентов-репетиторов и продаже дачи. Помещаются в газете и объявления нерекламного характера: поиски пропавших животных, предметов быта, сообщения о желании приобрести что-либо.

Мощным по объему публикаций и накалу драматизма пластом являются хроникально-документальные рубрики. Здесь мы встречаем и хронику зарубежной жизни, и краткий отчет о событиях, происшедших в России, и собственно саратовские новости.

Важной чертой газетной культуры становится размещение новостей города и губернии в череде российских новостей. Новостная лента чаще всего дается в рубрике «Телеграммы», которые сообщают о съезде горнопромышленников, еврейском вопросе, телесных наказаниях в тюрьмах, выборах в Государственную думу, войнах и революциях. Зарубежные новости 1910-х гг. пестрят сообщениями о выборах в Лондоне и Афинах, холере на Мадейре, отставке правительства в Австрии.

Очевидно, что часть публикаций является перепечаткой из центральных газет, однако многие из этих материалов готовились непосредственно в редакции. Во всяком случае, саратовские новости были написаны саратовскими журналистами. Жанровой особенностью новостной и хроникальной ленты становится нейтральный стиль подачи информации. В новостных материалах не принято

делиться эмоциями, давать развернутый комментарий, прибегать к аналитическим суждениям. На первый план выдвигается фактура, а эмоциональную реакцию ждут от читателей. Предпочтение факта комментарию свидетельствует о высокой журналистской культуре в «Саратовском вестнике».

Вместе с тем другие публикации газеты, в которых имеются притязания на аналитику, свидетельствуют как раз о том, что журналисты «Вестника» были людьми эмоциональными, они не скупилась на выразительные в стилистическом отношении пассажи, открыто выражали собственную точку зрения, активно дискутировали с реальными или потенциальными оппонентами, захватывали читателя запоминающимися образными высказываниями: «Когда небо так синее, а горячее солнце так любовно целует землю, одевая кусты и деревья в яркую зелень и покрывая луга бархатом веселых цветов, не хочется затрагивать старые, покрытые плесенью, вопросы, ворошить архивную пыль и тревожить доисторических людей, каким-то чудом возродившихся и нарушающих весеннюю симфонию красок» [9]¹, – так поэтично начинается памфлет Чужого [Израиль Львович Гарнес] о пагубности бесконечных реформ в сфере образования.

Кроме хроникальных заметок, в которых сообщается о происшедшем событии, называются фигуранты этого события, место действия, журналисты «Вестника» прибегают к жанрам фельетона (как вариант – маленького фельетона), сатирического письма в редакцию, обозрения. Публикуются открытые письма и ответы на них. Практически в каждом номере помещены театральные рецензии и короткие рецензии на книжные новинки. Не обходится газета и без привычного для тех лет жанра святочного рассказа. Отделы «Смесь», «За рубежом», «Последние известия», «Хроника», «Заметки», «Отдел слободы Покровской» позволяют публиковать материалы любого размера (чаще совсем маленькие, на один абзац) и содержания.

Жанровый состав «Вестника» зависит, безусловно, от сути газетного материала и акцентировки отдельных тем. Для «Вестника» такими приоритетными становятся темы, связанные с наукой, научными открытиями и людьми науки. Затрагивая эти темы, журналисты «Вестника» всегда переходят на возвышенный стиль, патетику: «Нет выше праздника, чем праздник науки, нет чище долга, чем долг перед человечеством <...>» (СВ. 1910. 12 янв.).

¹В дальнейшем ссылки на газету «Саратовский вестник» даются в тексте статьи в скобках с указанием года и даты выхода газетного номера. В квадратных скобках указываются фамилии авторов, публиковавшихся под псевдонимом.

Жанровая палитра вестника отражает огромный интерес газеты к вопросам культуры, театральным постановкам и литературе. Самыми частотными упоминаниями в газете 1910-х гг. отмечены Л. Толстой, А. П. Чехов, Леонид Андреев. Смерть Толстого газетчиками воспринимается как катастрофа, нанеся удар по всей общественной жизни России. И снова высокопарные речевые обороты, вполне уместный в данном случае пафос, подчеркивание мысли о всенародном значении смерти писателя: «И обрывочные, лихорадочно собранные газетами в минуту катастрофы сведения о Толстом заставили сердце народа забиться тем могучим чувством, которое сплотило на великих похоронах профессоров с крестьянами, писателей с чернорабочими, аристократов с пролетариатом» (СВ. 1910. 12 янв.). Весь пассаж построен на гиперболических опорах, метафорах и антонимическом параллелизме. Любопытно, что патетика этой публикации в какой-то момент радикально меняется. Автор текста, подписавшийся псевдонимом «Чужой» [Израиль Львович Гарнес] приводит высказывание извозчика, прозвучавшее среди собратьев по профессии, о том, как он усваивает толстовское учение: «Я братцы, уже зарок дал табак не курить, с бабами не возжаться, а вот насчет сквернословия у меня не выходит. Знаю, что все это скверно, что ежели ты человек, то живи по-человечески, но утерпеть не могу: безпременно забуду. Намеднись седок попался лютый, анафема. Все норовит тебя в спину. Я не утерпел, да как загнул, так тот прямо глазища вылупил свои. И присмирел. Двиствительно. Никак извозчику без словесности обойтись невозможно...» (СВ. 1910. 12 янв.). Мы теперь уже не узнаем, реальна ли эта запись или сочинена непосредственно в редакции (настораживает избыточная колоритность рассказа), однако сама мысль о всенародном переживании смерти писателя для газеты становится принципиально важной.

С точки зрения жанровой принадлежности эту публикацию можно определить как патетический некролог, содержащий не только информацию о герое публикации, но и подробности восприятия его жизни и духовного учения в самых разных социальных слоях. Некролог написан спустя два месяца после смерти Толстого, и эта временная дистанция не уничтожает, а, напротив, усиливает трагический флер.

В жанре писем в редакцию авторы сообщают о том, что группы людей в память о Льве Николаевиче отказываются от спиртного и от курения. Так, в одном из номеров газеты некто Г. Егоршин пишет о таких людях, «бла-

говейно чтущих незабвенную память Льва Николаевича Толстого» (СВ. 1910. 12 янв.).

Газета не проходит мимо писательских юбилеев и литературных памятных дат. Поэтому жанр юбилейной статьи становится достаточно частотным. Вестник пишет об А. И. Герцене по случаю 40-летия смерти, а затем по поводу 100-летия со дня его рождения, об А. П. Чехове в связи с его 50-летием, об А. Н. Островском в связи с 25-летием смерти. Газета откликается на годовщину рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина, 25-летие литературной деятельности Е. Н. Чирикова, смерть М. М. Стасюлевича и Н. Н. Златовратского, публикует раздраженное неточностью текста о нем в «Вестнике» письмо В. Г. Короленко и извинения перед писателем, и многое другое. В ряде номеров появляются рецензионные отклики на пьесу Леонида Андреева «Анатэма», которую ругают из-за того, что она вызвала волну самоубийств в стране (СВ. 1910. 21 янв.).

Неослабевающий интерес Н. М. Архангельского и И. П. Горизонтова к литературе позволяет им публиковать о писателях не только сугубо газетные аналитические статьи и рецензии, но и касаться текстологических и источниковедческих вопросов, в газете нередко появляются упоминания об архивных находках. Так, например, со ссылкой на «Русские ведомости» «Вестник» пишет, что до сих пор не опубликованы произведения Салтыкова-Щедрина, которые не печатались по цензурным причинам (СВ. 1910. 19 янв.). Или появляется письмо Толстому, написанное молодым евреем, который хочет отказаться от иудаизма и поступить в университет, с ответом писателя, или дается публикация о Таганроге как одном из важных персонажей чеховских произведений (СВ. 1910. 21 янв.). Такого рода публикации тяготееют к исследовательским жанрам, поднимают уровень газетных публикаций, адресуются к начитанной публике.

Журналисты «Вестника» нередко перепечатывают литературные публикации из столичных изданий с обязательной на них ссылкой, а порой и в рубрике «Обзор печати». По случаю 50-летия Чехова и недавней (7 лет назад) смерти писателя «Вестник» ссылается на «Русские ведомости», которые провели параллель между чеховскими хмурыми людьми и современными умонастроениями: «Но вы берете книжку рассказов Чехова, перечитываете один, почему-либо прежде мало остановивший на себе ваше внимание, и опять прежнее “чеховское настроение” охватывает вас. Опять не можете вы отделаться от чувств странной тоски, опять вы полны сознанием чего-то утерянного, недо-

стигнутого, обойденного. И кажется вам, что это утраченное или недостигнутое составляет настоящую жизнь, действительное счастье <...> В пору особенного торжества пошлости, особенной хмурости окружающих нашу жизнь облаков, справляются теперь поминки Чехова...» (СВ. 1910. 19 янв.). Как видим, это еще один вариант патетической некрологической статьи, в которой основной тон содержит в себе трагические ноты. При этом перед нами разворачивается логика не традиционного некролога, здесь безвременный уход Чехова становится важным, но все-таки поводом для размышлений о писателе. В тексте множество эксплицитных обращений к читателю, адресация к нему, апелляция к человеку, хорошо знающему чеховское творчество. С помощью этих приемов автор делает читателя своим единомышленником.

Жанровое разнообразие литературных материалов «Вестника» тем не менее позволяет говорить о едином контексте газеты. Так, говоря о Чехове, авторы подписанных или безымянных материалов сохраняют доминанту в оценке чеховского творчества: певец сумерек, писатель хмурой действительности, ненавистник пошлости. Эти три основных компонента в различных вариациях присутствуют в каждом газетном тексте, посвященном Чехову. Даже перепечатывая публикации из других изданий, авторы «Вестника» подбирают те материалы, которые соответствуют концепции восприятия Чехова, выработанной газетой. Так, газета печатает воспоминания о Чехове из «Утра России» (СВ. 1910. 20 янв.). Дается пересказ публикации Пешехонова из «Русского богатства» о том, что литературу захлестнула волна пошлости: «За последнее время грань между литературой и уличной прессой совсем стерлась» (СВ. 1911. 26 апр.).

Обращения к чеховским мотивам нужны авторам «Вестника» и в размышлениях-перепечатках об общественно-политической ситуации в стране. В статье «Петербургские настроения» автор В. Португалов [псевдоним не установлен. Революционер и публицист Вениамин Осипович Португалов умер в 1896 г.] отмечает, что все газеты в связи с чеховским юбилеем перешли на мрачные и скорые обобщения. «С сегодняшнего (14-го) числа у нас начинаются тут “чеховские дни”. Будем чествовать Чехова. Теперь ведь его все любят. Теперь никто не хочет прослыть уродом и непрерывно старается славословить покойного писателя. Сегодня уже читаются лекции о Чехове, завтра его будет чествовать местное литературное общество, потом пойдут вечера с участием первоклассных артистов, декламаторов, литераторов и пр. Не знаем, достаточно ли этого. Вялость кругом чересчур

большая, и что-то шаблонное, “обязательное” чувствуется в таких программах...» (СВ. 1910. 20 янв.). Автор пишет, что Чехов не любил шума и помпы, а потому публичные празднества следует сделать более искренними. Обратим внимание на основной смысл публикации, скрытый внешней рефлексией о Чехове.

Подлинный смысл статьи сводится к оценке общественно-политической ситуации и общественных умонастроений. Автор видит в Чехове тот индикатор, который максимально полно раскрывает специфику общественного сознания 1910-х гг. Перед нами газетная статья социально-политического звучания, пронизанная литературными мотивами. Мы предполагаем, что единство газетного контекста обеспечивалось постоянством авторского и редакторского состава, личными и литературными пристрастиями тех, кто делал газету.

С течением времени «Вестник» постепенно уменьшает объем литературных материалов, однако время от времени там появляются публикации, содержащие анализ художественного текста, глубокое погружение в мир писателя. Своей сосредоточенностью на литературоведческом прочтении текста обращает на себя внимание статья Софии Железняк [София Ивановна Гржибовская (Гржибовская-Железняк)] о последних произведениях Л. Толстого. Автор проводит сопоставление повести «Отец Сергей» и рассказа Л. Андреева «Тьма», делая при этом весьма тонкие наблюдения над текстом (СВ. 1912. 14 февр.). Так, в газетный контекст вполне органично вторгается жанр научно-исследовательской статьи. Редакторы и авторы ежедневной газеты, изо дня в день готовящие и публикующие литературные материалы, формировали своего читателя, человека просвещенного, любящего и знающего литературу, способного не только читать, но и интерпретировать прочитанное, чувствовать себя комфортно в мире научного гуманитарного исследования. Именно поэтому газета публикует анализ лекций Л. С. Козловой о Толстом и Наполеоне, а затем – о Короленко (авторы – И. И. и Н. Лузаков).

Жанры научной журналистики оказались востребованы при изложении в двух номерах газеты лекций Ю. И. Айхенвальда, посетившего Саратов и выступившего 19 и 20 января 1913 г. в Народной аудитории. И. И. пишет: «Ю. И. Айхенвальд придерживается эстетико-психологического метода. В этом его сила и его слабость. Там, где можно не вдаваться в анализ социальных предпосылок как взглядов, так и произведений разбираемых авторов, выводы лектора интересны и нередко оригинальны, мысли связываются в цельную, последовательную и довольно прочную систему. Несколько иное впечатление получается,

когда метод применяется к явлениям и таким продуктам творчества, где социальные моменты играют большую роль. Здесь лектор скользит по поверхности жизни, как бы теряется в ее сложности и глубине. Эти плюсы и минусы ярко проявились и в прочитанных в народной аудитории лекциях, сопровождаемых по обыкновению красивым и образным, но несколько расточительным, как бы стесняющим полет мысли, способом выражения» (СВ. 1913. 22 янв.). Газета не раз публикует материалы, используя подобный синтетический жанр: фрагменты научно-популярного изложения, элементы репортажа, аналитическое разгадывание писательского замысла.

«Вестник» не прекращает вести борьбу с плохой литературой, серой, невыразительной, поверхностной. И здесь вновь востребован фельетон. В фельетоне «Заметки читателя» Клод Л. пишет о нескольких крайне слабых в литературном отношении книгах и дает при этом выверенную классификацию писателей: «Груда книг пред нами – поэтических сборников, к которым полностью можно отнести слова Тургенева: “Поэзия и не ночевала тут”. Бытовик-писатель – для яркого очерка нравов, психолог – ради интереснейшего опыта, юморист – для фейерверка острот, – кто угодно может извлечь отсюда, из этих книг, материал для себя – только не библиограф. Если, конечно, этот библиограф – не “сатириконец”, у любого литературного произведения – газетной статьи, романа, стихотворения, дергающий для определенной рубрики “перья из Хвоста”» (СВ. 1913. 19 дек.). К концу 1913 г. появляется рубрика «Заметки читателя», подписанная разными псевдонимами и представляющая собой литературные обзоры.

Литераторы и литература все чаще и чаще становятся в «Вестнике» поводом для разговора о текущей жизни. В связи с литературной датой Евгения Чирикова газета пишет: «Своим юбилеем он словно говорит, что роль русского интеллигента еще далеко не сыграна. Появились новые “инвалиды”, новые опустившиеся на дно жизни, зятянутые ее тиной» (СВ. 1911. 20 янв.) В. Ст-въ. Такие примеры и собственных публикаций «Вестника», и перепечаток центральной прессы формируют газетный контекст, говоря читателю об общественных настроениях больше, чем любая новостная рубрика или проблемная статья на политическую тему. Жанр юбилейной статьи переполняется актуальными социальными и политическими мотивами, которые проецируются на творчество писателя-юбиляра. Так продуцируются новые жанровые образования, свойственные газетной публицистике 1910-х гг.

Среди сугубо газетных жанров «Вестник» публикует и собственно литературные тексты. Так, например, газета печатает стихотворение слепого поэта с псевдонимом «Искра», написанное в стиле Уитмена:

«Мир слепых»
 Наш мир иной – где солнце жарче
 Где чувства пламенней и ярче,
 Где небо глубже, где без глаз
 Мы видим прелесть нежной девы
 Забудьте ж скучные напевы,
 Что мы несчастливее вас
 (СВ. 1910. 17 янв.).

На страницах газеты публикуются стихи (П. Анисимов – СВ. 1911. 29 июня, С. Полтавский – СВ. 1912. 29 марта), прозаические отрывки (П. Прапорщик СВ. 1911. 29 июня, Ив. Сазаков – СВ. 1912. 29 марта), стихотворные фельетоны, подписанные псевдонимом Дизз [Гавриил Валерианович Добржинский].

Особое и очень важное место в газете занимают театральные рецензии. Отклик Н. А. (Архангельского) о «Чайке», поставленной на сцене городского театра, выдает в нем тонкого ценителя чеховской драматургии, того нового драматургического языка, который воспринимался и адекватно интерпретировался далеко не многими современниками: «Здесь больше, чем где-либо требуется дать настроение, т. е. из деталей, намеков, полутонов, недосказанных слов создать цельную картину <...> Пьеса исполнена в мягких, грустных тонах, без драматических выкриков и бьющих на внешний эффект поз. И это хорошо – этим как нельзя лучше почтен был Чехов – враг крикливости и манерности на сцене <...> После “Чайки” поставлен был апофеоз: мимо красиво декорированного портрета Чехова работы Н. Д. Россова дефилировали герои чеховских произведений, образовавшие затем живописную группу. Хор за сценой в это время пел великому писателю славу» (СВ. 1910. 19 янв.). Запоминающейся чертой театральных откликов Н. М. Архангельского становится его постоянное обращение к чеховским текстам, к мироощущению писателя, к его эстетическим принципам.

Рецензия на спектакль по «Ревизору» (подпись Кин) [Вячеслав Николаевич Стечкин], напротив, выдает разочарование автора постановкой и прочтением Гоголя. Текст поставленного в Саратове, в театре Очкина, «Ревизора» в качестве бенефиса актера С. Г. Любимова был переведен, как пишет автор, на малороссийский язык. «Как бы ни был хорош перевод, – сетует Кин, – ему никогда не удастся передать всех красот языка подлинника <...> Перевод придает великому

произведению оттенок излишней упрощенности, не передавая в то же время той особой манеры “изысканно” выражаться, которая так характерна в “Ревизоре” для чиновной братии уездного городка и особенно для “столичной штучки” <...>. Это впечатление от излишней упрощенности и в то же время излишнего подчеркивания еще более давали себя чувствовать от переигрывания, которого были не чужды все исполнители» (СВ. 1910. 30 янв.). Жанровая специфика театральные рецензий, опубликованных в «Вестнике», как и отклики на события литературной жизни, указывает на постоянную обращенность авторов газеты к своему читателю, в котором газета видит равноправного партнера, с которым можно говорить прямо, выдвигая театру, актерам, режиссеру вполне обоснованные претензии, при этом оставаясь уверенными, что читатель поймет, оценит и благодарно примет мнение газетчика.

Роль читателя не стоит умалять и при анализе жанровой специфики газетных текстов. В одной из недавних работ о специфике современных газетных жанров Mast Jelle пишет, что за привычными определениями жанра, за традиционным «прописыванием» газетного текста в жанровой иерархии «скрывается сложное многомерное понятие, которое объединяет авторские намерения или производственные практики, текстовые конфигурации и интерпретации и использование аудитории, вызывая паутину взаимодействий между текстовым и контекстуальным, материальным и нематериальным, последовательным и случайным» [6]. Исследователь дает понять, что читатель в процессе восприятия и интерпретации текста расширяет границы жанра либо трансформирует его. Этот продуктивный посыл должен быть проверен и уточнен на русскоязычных газетных материалах. Однако уже сейчас мы можем говорить, что читательские интенции в «Саратовском вестнике» были одной из форм популяризации газетных жанров, способом их узнавания, расширения границ аудитории.

«Вестник» не проходит мимо крупных событий, связанных с литературой. Это отклик на предстоящий всероссийский съезд писателей и журналистов в Петербурге (СВ. 1910. 31 янв.), сетования на разгул цензуры, но при этом указание на более свободный, чем в центре России, характер провинциальной печати, остающийся оазисом (СВ. 1910. 31 янв.). Обладая характером информационного сообщения, такого рода публикации попадают в соответствующие отделы газеты.

Еще одним проявлением жанровой специфики, отличающей газетную культуру «Саратовского вестника», становится постоянное

обращение авторов новостных лент, проблемных статей, обзоров политической жизни города и губернии к литературным образам, высказываниям писателей, афоризмам из художественных произведений. Надо отметить, что это обстоятельство свидетельствует не только о литературоцентричности главных авторов «Вестника» – Архангельского и Горизонтова, но и о том, что газета создавалась для саратовской интеллигенции и людей других сословий, ориентированных на литературу как главный критерий истины. Авторы газеты хорошо понимают цену и ценность литературной памяти своих читателей. Книжные герои, их поступки и слова становятся для газеты тем объединяющим началом, которое и формирует газетный контекст, и привлекает к газете читателей, чьи взгляды оказываются сродни взглядам авторов издания.

И вот уже из номера в номер о событиях в городе в 1910 г. сообщается в серии фельетонов под общим названием «Шерлок Холмс в Саратове» (подпись «Мы»), постоянным персонажем разнообразных статей и обзоров становится Леонид Андреев и его «Анатэма». В публикации о проблемах саратовского гостиничного хозяйства автор, скрывшийся за литературным псевдонимом «Каменный гость» [Иван Парфенович Горизонтов], восклицает: «Куда, куда вы удалились, златые дни земской весны...». Обращаясь к теме утраченных иллюзий дворянства, автор сетует на то, что тургеневские романы, его литературные типы отошли на задний план, а новая литература потребовала иных героев. Он цитирует Некрасова, поминает щедринского Чумазога, героев-разночинцев русской классики (СВ. 1910. 24 янв.). Газета использует прием запараллеливания литературного сюжета и картинки из городской жизни. Со ссылкой на рассказ Горького «Жалобы» журналист Джо рассказывает трагикомическую историю из жизни современного города (СВ. 1911. 26 окт.)

П. Медведев пишет фельетон о нравах Царицына и прославляет его цитатами из Гоголя и даже берет Гоголя в собеседники: «В Царицыне, одним из первых, я встретил своего доброго знакомого – Николая Васильевича Гоголя. Стоит он на центральной площади города, предупредительно окруженный вонючими ямами и проволочным ограждением. – Это напрасное беспокойство, – сказал мне Николай Васильевич, кивнув бронзовым чепом на колья и колючую проволоку, – право я не сбегаю. Напротив, лучшего места, пожалуй, трудно было для меня подыскать как этот город. Чудный город! И дома, и плетни, и навоз – все в нем, как в моем Миргороде. Только вместо поветового судьи –

городские судьи, но они точно так же завалены по горло делами местных Довгочунов с Перерепенками. Но моим Перерепенкам куда до царицынских...» (СВ. 1911. 25 янв.). Статьи Л. Толстого о голоде стали поводом поговорить о понимании добра, справедливости, помощи ближнему (СВ. 1911. 9 ноября).

Вместе с тем и редактор, и авторы «Саратовского вестника» весьма требовательны к публике и не хотят прощать ей невежества. В маленьком фельетоне «Аристофан в Саратове» Старый журналист [Николай Михайлович Архангельский], откликаясь на постановку «Афинянки-Лизистраты» (под таким названием вышел спектакль), саркастически обрисовывает причины провала спектакля в Саратове. Главной причиной журналист считает падение культурного уровня в городе, отсутствие у публики навыков эстетического восприятия текста и постановки: «Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь». В гимназиях у нас основательно убили всякий интерес к знанию вообще и к литературе – в частности. И, конечно, мы не виноваты, что мы так колоссально невежественны. Что Перикла мы смешиваем с Периколой, а Шерлока Холмса с шекспировским Шейлоком <...> Хотел было сказать: бедный Аристофан!

Но будет правильнее, если напишу: бедная публика» (СВ. 1910. 6 янв.).

Если внимательно вчитаться в номера «Саратовского вестника», выпущенные в содружестве Н. М. Архангельского и И. П. Горизонтова, мы увидим, насколько они литературоцентричны, как призма литературы позволяет укрупнить политические, социальные, психологические проблемы и обстоятельства жизни губернии в журналистских материалах, как литературная цитата или литературный персонаж подсвечивают весь газетный контекст, как аллюзии и реминисценции из мира художественной словесности позволяют газете достигать адекватного понимания происходящего у своего читателя. Это касается первых двух лет (1910 и 1911 гг.) выпуска газеты талантливым тандемом. Постепенно литературоцентричность газетной полосы уступает место публикациям, соответствующим правилам и принципам общественно-политического издания. Патетичность, метафоричность, художественная образность редуцируются в основном тоне издания. В 1912–1913 гг. публикации о литераторах и литературе становятся не такими частотными, но своей значимости, выразительности и жанрового разнообразия не теряют.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тертыйный А. А. Жанры периодической печати. М. : Аспект Пресс, 2000. 320 с.
2. Hiebert R. E., Gibbons Sh. J. Exploring Mass Media for a Changing world. London : Lawrence Erbaum Associates, 2000. 349 p.
3. Ким М. Н. Жанры современной журналистики. СПб. : Изд-во Михайлова, 2004. 336 с.
4. Лазутина Г. В., Распопова С. С. Жанры журналистского творчества. М. : Аспект Пресс, 2011. 320 с.
5. Ляпун С. В. Новые подходы к классификации газетных жанров в теории и практике журналистики // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. № 4. С. 72–76.
6. Mast Jelle. News as Genre // Oxford Research Encyclopedias: Communication. Published online: 30 January 2020. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228613.013.844>. URL: <https://oxfordre.com/communication/display/10.1093/acrefore/9780190228613.001.0001/acrefore-9780190228613-e-44>; jsessionid = 3B768E1507EC9817D91E986700A2B001 (дата обращения: 27.12.2022).
7. Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа: коллективная монография / отв. ред. А. А. Холиков, при участии Е. И. Орловой. М. : ИМЛИ РАН, 2021. 768 с.
8. Журков Г. В. Золотой век журналистики России: история русской журналистики 1900–1914 годов. СПб. : Факультет журналистики, 2011. 291 с.
9. Саратовский вестник. Ежедневная общественно-политическая газета. 1910–1913.

REFERENCES

1. Tertychny A. A. *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres of the periodical press]. Moscow, Aspect Press Publ., 2000. 320 p. (in Russian).
2. Hiebert R. E., Gibbons Sh. J. *Exploring Mass Media for a Changing world*. London, Lawrence Erbaum Associates, 2000. 349 p.
3. Kim M. N. *Zhanry sovremennoj zhurnalistiki* [Genres of modern journalism]. Saint Petersburg, Mikhailov Publishing House, 2004. 336 p. (in Russian).
4. Lazutina G. V., Raspopova S. S. *Zhanry zhurnalistikogo tvorchestva* [Genres of journalistic creativity]. Moscow, Aspect Press Publ., 2011. 320 p. (in Russian).
5. Lyapun S. V. New approaches to the classification of newspaper genres in the theory and journalism practice. *Vestnik of Adygeyan State University*, 2011, no. 4, pp. 72–76 (in Russian).
6. Mast Jelle. News as Genre. *Oxford Research Encyclopedias: Communication*. Published online: 30 January 2020. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228613.013.844>. Available at: <https://oxfordre.com/communication/display/10.1093/acrefore/9780190228613.001.0001/acrefore-9780190228613-e-44>; jsessionid = 3B768E1507EC9817D91E986700A2B001 (accessed December 27, 2022).
7. *Russkaya literatura i zhurnalistika v predrevolyutsionnyy e'pokhu: formy vzaimodejstviya i metodologiya analiza*. Otv. red. A. A. Kholikov, E. I. Orlova [Kholikov A. A., Orlova E. I., eds. Russian Literature and Journalism in the Pre-Revolutionary Period: Forms of Interaction and Methodology of Analysis. Collective

monography]. Moscow, IMLI RAS Publ., 2021. 768 p. (in Russian).

8. Zhirkov G. V. *Zolotoj vek zhurnalistiki Rossii: istoriya russkoj zhurnalistiki 1900–1914 godov* [The Golden Age of Journalism in Russia: History of Russian Journal-

ism 1900–1914]. Saint Petersburg, Faculty of Journalism, 2011. 291 p. (in Russian).

9. *Saratovskij vestnik. Ezhednevnyaya obshchestvenno-politicheskaya gazeta* [Saratovskiy Vestnik. Daily sociopolitical newspaper]. 1910–1913 (in Russian).

Поступила в редакцию 05.06.2022; одобрена после рецензирования 15.07.2022; принята к публикации 03.08.2022
The article was submitted 05.06.2022; approved after reviewing 15.07.2022; accepted for publication 03.08.2022

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 175–185

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 175–185

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-175-185>, EDN: ITLMFS

Научная статья

УДК 81'38'42

Жанры учебного онлайн-дискурса: от учебного сайта до синхронного онлайн-урока

Л. Ю. Щипицина

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 163002, г. Архангельск, Набережная Северной Двины, д. 17

Щипицина Лариса Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой и французской филологии, l.shchipitsina@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5308-8726>

Аннотация. Статья посвящена обоснованию, определению и жанровой характеристике одной из новых сфер интернет-коммуникации – учебному онлайн-дискурсу, который приобретает все большую значимость в современной образовательной практике вследствие различных общественных процессов и технологического развития общества, но предметом лингвистического и жанрового анализа до сих пор не становился. Применяя методы наблюдения и сравнения различных жанров, складывающихся в онлайн-обучении и иллюстрируемых онлайн-дискурсом по изучению иностранных языков, и беря за основу анализа модель жанра интернет-коммуникации, включающую медийные, прагматические, структурные и языковые параметры, мы предложили определение учебного онлайн-дискурса как коммуникативной деятельности по формированию предметных знаний и умений обучающихся, опосредованной цифровыми технологиями. Как представляется, в определение вида дискурса и отдельных жанров важно включать ведущие медийные и прагматические параметры соответствующей разновидности дискурса или его единицы. Среди жанров учебного онлайн-дискурса логично выделить асинхронные (ориентированные на письменный формат речи) и синхронные (устные). Примерами первых является учебный сайт и его виды (учебный сайт как отдельный курс уроков, учебный сайт как часть персональной страницы, учебный сайт как часть портала), вторая разновидность иллюстрируется синхронным онлайн-уроком, его видеозаписью и записанным видео-занятием. Разным жанрам учебного онлайн-дискурса свойственна эксплицированность шагов занятия, а в их структуре выделяются две составляющих: инструктивная, для которой характерна адресованность, директивность и использование компьютерной лексики, а также предметная (объяснительная) составляющая, в которой отметим использование лексики изучаемой предметной сферы и тематической лексики.

Ключевые слова: учебный онлайн-дискурс, интернет-жанр, структура, синхронный, устный, письменный, учебный сайт, синхронный онлайн-урок

Для цитирования: Щипицина Л. Ю. Жанры учебного онлайн-дискурса: от учебного сайта до синхронного онлайн-урока // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 175–185. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-175-185>, EDN: ITLMFS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Genres of online learning discourse: From learning website to e-lesson

L. Yu. Shchipitsina

Northern (Arctic) Federal University, 17 Severnoi Dviny Emb., Arkhangelsk 163002, Russia

Larisa Yu. Shchipitsina, l.shchipitsina@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5308-8726>

Abstract. The article aims at the substantiation, definition and genre characteristics of a new sphere of Internet communication – learning online discourse, which is becoming increasingly important in modern educational practice due to various social processes and technological development of society, but has not yet become the subject of linguistic and genre analysis. The research is based on observation and comparison of various genres emerging in online learning and illustrated by the online discourse on studying foreign languages. The basis for the analysis is the model of the Internet genre, which includes media, pragmatic, structural and linguistic parameters. The paper gives the definition of the online learning discourse as a computer mediated communicative activity for the formation of subject knowledge and skills of students. The given definition illustrates that it is important to include the leading media and pragmatic parameters in determining the type of discourse or a particular genre. Among the genres of online learning discourse the author singles out asynchronous (based on written speech format) and synchronous (oral) communication forms. Examples of the former are a learning website and its types (a learning website covering a separate course of lessons, a learning website as part of a personal site, a learning site as part of a learning portal), the latter is illustrated by a synchronous online lesson, its video recording and a recorded video lesson. Different genres of online educational discourse are characterized by the explication of the steps of the lesson. In the structure of the genre there is an instructive component, which is characterized by addressing, directiveness and the use of computer vocabulary, as well as an explanatory component, where the vocabulary of the studied subject area and thematic vocabulary are used.

Keywords: learning online discourse, internet-genre, structure, synchronous, oral, written, learning website, e-lesson

For citation: Shchipitsina L. Yu. Genres of online learning discourse: From learning website to e-lesson. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 175–185 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-175-185>, EDN: IITLMS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение и теоретические основы исследования

В условиях современной действительности каждый человек – как учитель, студент или родитель – в большей или меньшей степени вовлечен в образование в онлайн-формате. Это приводит к появлению и стихийному освоению новых дискурсивных форм. Среди таких форм отметим рабочие листы онлайн, конструкторы онлайн-уроков и сайты, используемые для образовательных целей. Все они преимущественно используются интуитивно, как со стороны создателя материала, так и со стороны студента или стороннего наблюдателя. В то же время отмечаем насущную потребность терминологически правильного обозначения появляющихся жанровых форм, их описания, а также выявления отличий между ними и связанных с этими отличиями особенностей коммуникации на их основе. Особенно это актуально в отношении учителей, которые не только наполняют имеющиеся шаблоны своим учебным материалом, но и «оживляют» данный материал, используя его во время очных и дистанционных занятий.

Несмотря на необходимость систематизации возникающих новых форм образовательного (или учебного) интернет-дискурса, научных лингвистических работ по их изучению практически нет. Появляются публикации, посвященные методическим аспектам применения конструкторов онлайн-уроков на платформе *Core* [1, 2] или конструктора сайтов

Wix [3]. Упоминаются также методические аспекты создания интерактивных рабочих листов [4]. Во всех случаях авторы публикаций используют обозначения жанров «конструктор онлайн-уроков» или «конструктор сайта», определение которым, впрочем, не предлагают.

В англоязычной литературе предмет нашего исследования – жанры учебного онлайн-дискурса – исследуются также большей частью с педагогических позиций, при этом обычно используется понятие «инструктивный (учебный) дизайн» [5] или «электронные уроки» [6, 7]. Но с точки зрения используемой методологии ближе всего к целям нашего исследования работы, дающие определение сайту (на примере сайта социальной сети [8]), посвященные описанию дискурсивных стратегий языковых онлайн-школ [9] или языковому анализу веб-лекций как жанров академического дискурса [10, 11]. Интересны также наблюдения над структурными элементами учебного сайта [12].

Очевидно, что накопленные к настоящему моменту эмпирические наблюдения позволяют говорить об особом виде дискурсивного взаимодействия – учебном онлайн-дискурсе, который является частью педагогического дискурса, с одной стороны, и осуществляется в условиях интернет-коммуникации, с другой стороны. При этом к настоящему моменту сложились определенные жанры данного вида дискурса. Выявлению и пер-

вичному описанию данных жанров посвящена данная работа. В качестве методологии исследования применим общенаучные методы наблюдения, сравнения, описания, а также лингвистического анализа жанров согласно модели жанров, предложенной в работе [13]. Материалом исследования выступают учебные сайты по немецкому и английскому языку (курсы по достижению уровня A1, A2, B2, курс «Академический английский»), созданные преподавателями в сервисе *Google sites*, учебные материалы, размещенные на персональном сайте учителя (создан с помощью сервиса *Jimdo*) (в связи с ограниченной целевой группой сайтов ссылки на них и персональные данные создателей сайтов здесь не приводятся), а также учебный портал по самостоятельному изучению иностранных языков (<https://lingust.ru/>). В качестве материала для исследования синхронных онлайн-уроков использовались наши занятия по немецкому и английскому языкам, проводимые в сервисах *Zoom*, *Skype*, *Teams*, *BigBlueButton* на платформе *Sakai*, а также видеозаписи уроков, размещенные на платформе *YouTube*.

Далее представим определение учебного онлайн-дискурса и некоторых смежных понятий охарактеризуем некоторые складывающиеся в нем жанры.

1. Учебный онлайн-дискурс и смежные понятия

Учебный онлайн-дискурс является частью более широкого понятия педагогического дискурса, который традиционно определяется как процесс совместной деятельности участников образовательного процесса, имеющий педагогическую цель – изменение в ценностях, установках, деятельности, поведении, развитии соответствующих знаний, умений и навыков [14: 54]. Учитывая достаточно широкое понимание педагогического дискурса, в котором затрагиваются и воспитательные, и социальные, и чисто предметные задачи образовательного процесса, предлагаем сузить предмет рассмотрения до учебного дискурса, который трактуется как совместная деятельность участников образовательного процесса, нацеленная в первую очередь на формирование новых знаний обучающихся в определенной предметной области (ср. [15: 195]).

Понимаемый таким образом учебный дискурс соотносится с *дидактическим* дискурсом как совокупной коммуникативной деятельностью «взаимодействующих сторон в пределах коммуникативной ситуации урока» [16: 66]. Похожая пара терминов существует и в английском языке и включает *learning design* [5], с одной стороны, и *instructional design* [6] – с другой. Очевидно, что используя термины

«учебный дискурс» и «дидактический дискурс», мы акцентируем внимание либо на совместной коммуникативной деятельности по освоению предмета (первый термин), либо на деятельности учителя (второй термин). Для целей нашего исследования, учитывая ориентацию на обучающегося в современной методике, предлагаем говорить об учебном онлайн-дискурсе.

Учебный дискурс осуществляется в устном и письменном виде. Примером взаимодействия первого типа выступает общение учителя с учениками в ходе урока иностранного языка, примеры второго типа – зафиксированы в учебниках в формулировках письменных заданий для учеников. Оба типа учебного дискурса – письменный и устный – в настоящее время все чаще переносятся в условия интернет-коммуникации, в итоге развиваются интернет-разновидности устного и письменного учебного дискурса. При сравнении традиционного учебного дискурса в классе и онлайн-дискурса исследователи выявляют общие и различные черты, преимущества и недостатки обоих видов дидактического взаимодействия [17], и это свидетельствует о том, что интернет-разновидность учебного дискурса, действительно, обладает особым статусом по сравнению с устным и письменным общением. Тем не менее, на наш взгляд, следует говорить не о триаде устный – письменный – интернет-дискурс, а о некоем сдвиге устных и письменных форм из традиционной сферы общения в интернет-среду. Схематично это соотношение представлено в табл. 1, примеры жанров приведены с опорой на наш собственный опыт осуществления учебного взаимодействия на уроках иностранного языка.

Таблица 1 / Table 1

Примеры жанров учебного дискурса на основе параметра устный / письменный формат речи

Non-online and online learning discourse genre samples according to oral / written communication mode

Канал коммуникации Communication channel	Устный формат Oral mode	Письменный формат Written mode
Традиционная (без использования технических устройств)	– Урок в классе – Экзаменационный ответ	– Задание в учебнике – Эссе
Компьютерно-опосредованная	– Вебинар – Запись мультимедийного высказывания	– Учебный сайт – Учебный чат

Отметим, что в табл. 1 приведены примеры как комплексных (урок в классе / вебинар /

учебный сайт), так и простых жанров учебного дискурса (учебный диалог / задание / эссе), причем вторые обычно выступают частью первых. Это демонстрирует принадлежность форматов общения в учебном дискурсе к разным уровням жанровой иерархии – уровню гипержанра, жанра или субжанра учебного дискурса.

Можно также заметить, что в рамках традиционной и компьютерно-опосредованной коммуникации мы встречаем не только устные и письменные, но и монологические / диалогические разновидности жанров учебного дискурса. Это отвечает многогранности учебного дискурса, ориентированного на всестороннее развитие практических предметных умений обучающихся, что особенно актуально для такого предмета, как иностранный язык. Кроме того, диалогические разновидности учебного дискурса, предполагающие смену говорящего в пределах одного законченного коммуникативного произведения, в полной мере отвечают современному запросу на интерактивность занятия, проводимого в традиционной или компьютерно-опосредованной форме.

Не останавливаясь на учебном дискурсе в целом, обратимся далее к анализу его компьютерно-опосредованной разновидности, т. е. к учебному онлайн-дискурсу¹. Опираясь на определение учебного дискурса, приведенное выше, мы предлагаем понимать учебный онлайн-дискурс как *совместную коммуникативную деятельность участников образовательного процесса с помощью цифровых устройств и средств связи, выраженную в вербальных и невербальных, устных и письменных коммуникативных продуктах и нацеленную на формирование новых знаний обучающихся в определенной области знания*. В связи с особым акцентом в нашей деятельности на учебном дискурсе по формированию знаний иностранного языка и соответствующих речевых умений, в дальнейшем примеры и характеристику жанров учебного дискурса будем производить именно в отношении онлайн-дискурса по изучению иностранных языков.

Интересно отметить, что в учебном онлайн-дискурсе актуально деление не только

на устные / письменные, диалогические / монологические, но и на синхронные / асинхронные жанры. То, что синхронные жанры не всегда осуществляются только через устный канал речи, и, наоборот, асинхронные жанры не всегда только письменные, демонстрируют данные, приведенные в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

Соотношение параметров (а)синхронная коммуникация и устный / письменный формат речи в учебном онлайн-дискурсе

Correlation of (a)synchronous communication and oral / written communication mode in online learning discourse

Форма коммуникации Communication form	Устный формат речи Oral mode	Письменный формат речи Written mode
Синхронная (в режиме реального времени, участники коммуникации одновременно находятся онлайн)	– Вебинар – Учебный диалог	– Учебный чат – Викторина
Асинхронная (в отложенном режиме, участники общаются в удобное время)	– Скринкаст учителя – Запись вебинара – Запись ответа	– Учебный сайт – Учебный бот – Ответы ученика в рабочем листе

Обобщим особенности речевого оформления синхронных и асинхронных жанров учебного онлайн-дискурса, примеры которых собраны в табл. 2.

– *Устное синхронное взаимодействие* является самым спонтанным, протекающим во времени, преходящим, а потому здесь встречается особое, характерное для устного канала, оформление речи и нередки оговорки или неточности.

– *Синхронная письменная коммуникация* дает несколько секунд на формулировку ответа и проверку написанного, при этом результат речи фиксируется визуально, что несколько

¹В приведенных размышлениях мы условно употребили термины «компьютерно-опосредованный» и «онлайн» как синонимы, хотя строго говоря к компьютерно-опосредованным формам общения относятся как онлайн-, так и офлайн-общение, при этом под первым часто понимаются разные понятия: 1) с подключением к сети, в этом случае онлайн противопоставлен офлайну, означая «без подключения к сети, но с использованием компьютера», 2) с одновременным присутствием коммуникантов в одной и той же программе общения, такое понимание онлайн противопоставлено офлайну как подключению к сервису в удобное для коммуникантов время; это различие условно обозначается зеленым и красным цветом значка пользователя в разных сервисах, зеленый цвет обозначает присутствие в сервисе и готовность к коммуникации, красный – отсутствие в сервисе. В последнее время также появляется новая трактовка термина «онлайн» – с использованием компьютера (или любых других гаджетов) и телекоммуникационных сетей, в то время как «офлайн» соотносится с непосредственным, устным общением. Именно в последнем понимании термина «онлайн» мы и используем сочетание «учебный онлайн-дискурс» в данной статье.

облегчает коммуникацию, но все равно требует особого – телеграфного – стиля выражения мыслей.

– *Асинхронная устная коммуникация* позволяет адресанту некоторое время поработать над своим речевым произведением, которое при этом фиксируется в звучащем виде и длительное время доступно для всех участников коммуникации. Например, записывая скринкаст, учитель может сделать несколько попыток записи и выбрать наилучшую, а после этого отредактировать запись в видеоредакторе, добавить письменный текст и другие эффекты (стрелки, выделения) в кадр, тем самым обеспечивая мультимодальность коммуникации.

– *Асинхронная письменная коммуникация* – самая осознаваемая и свободная в плане затрачиваемого времени форма коммуникации, ориентированная на продуманную и подготовленную письменную речь, к которой обращаются неоднократно. Адресат также имеет достаточно времени, чтобы поразмышлять над ней, чем достигается наибольшее запоминание информации и ее воздействие на адресата. На наш взгляд, здесь выделяется четко заметная фаза *подготовки* к коммуникации (когда письменный коммуникативный продукт еще не достиг адресатов, а только готовится адресантом), длительная фаза *осуществления* коммуникации (восприятия опубликованного коммуникативного продукта адресатами), к которой примыкает фаза *обратной реакции* на исходный коммуникативный продукт, когда адресаты исходного сообщения формулируют свою реакцию на исходное сообщение, причем эта реакция может осуществляться уже в ином формате: синхронно или асинхронно, устно или письменно.

Так, при написании сообщения в форуме, который относится к асинхронным письменным формам онлайн-взаимодействия, по правилам сетевого этикета рекомендуется при формулировке реакции не отсылать свое сообщение сразу, а сначала перечитать его, эмоционально «остыть», а потом снова вернуться к редактированию сообщения и уже тогда отправить его. Это помогает избежать случайных недопониманий и негативных последствий непродуманных эмоциональных всплесков в асинхронной онлайн-коммуникации, где участники не могут видеть друг друга, а потому лишены возможности использовать широкий невербальный контекст, считывая правильную информацию по взгляду, мимике и жестам.

Сформулировав особенности различных сочетаний (а)синхронной и устной / письменной коммуникации, отметим все же, что один и тот же жанр (например, викторина) может

быть использован в синхронном и асинхронном взаимодействии, а также «обратиться» устными или письменными комментариями. Так, онлайн-викторина как соревнование между игроками на скорость и правильность ответов на сформулированные учителем заранее вопросы обычно интереснее всего протекает в синхронном формате: ученики присоединяются к викторине в режиме реального времени, учитель запускает ее, некоторое время происходит соревнование, а затем подводятся итоги – демонстрируется рейтинг игроков и подиум, на который попадают участники, которые чаще и быстрее других отвечали правильно. Во время подключения к викторине и ее проведения учитель, несомненно, будет давать устные инструкции и пояснения, как присоединиться к игре, зачитывать задания и указывать на промежуточных лидеров. Но та же викторина путем нехитрых манипуляций в сервисе может превратиться в асинхронное домашнее задание с сохранением соревновательного момента, но уже отсроченного по времени. Здесь учитель также дает пояснения как проходить викторину и отправляет ученикам ссылку на нее. Подведение итогов такой асинхронной викторины с рейтингом / подиумом игроков происходит через несколько часов или дней.

Итак, учебный онлайн-дискурс сегодня включает достаточно большое количество разных жанров, как устных, так и письменных, синхронных и асинхронных. В следующем параграфе рассмотрим особенности двух смежных жанров учебного онлайн-дискурса – учебного сайта и синхронного онлайн-урока, проводимого на его основе. Выбор именно этих жанров для иллюстрации жанровых форм учебного онлайн-дискурса продиктован тем, что они соотносимы с основной единицей учебного взаимодействия – уроком, при этом наш опыт онлайн-обучения свидетельствует о наибольшей востребованности в образовательной практике именно этих жанров.

2. Учебный сайт и синхронный онлайн-урок: понятие и виды

2.1. Определения жанров

Учебный сайт мы предлагаем понимать как совокупность веб-страниц, предназначенных для освоения обучающимися содержания определенного предмета или его части, представленного в мультимедийном формате. Во многих определениях сайтов даются технические подробности (размещенные на одном домене, соединенные перекрестными ссылками и т. д., ср. [18]). Но, на наш взгляд, в определении жанров определенного вида дискурсивного взаимодействия важны не столько

форматные технические детали, сколько совокупность основных параметров из числа тех, которые вкладываются в описание жанра [19], в том числе жанра интернет-среды [13]. Именно поэтому мы предлагаем включать в определение учебного сайта и формальные особенности его интерфейса и структуры (совокупность веб-страниц), и прагматические параметры (цель, участники), и ведущий технический параметр (мультимедийность).

Принимая во внимание указанные требования к дефиниции жанра, *синхронный онлайн-урок* предлагаем определять как один из видов вебинаров, синхронное коммуникативное взаимодействие учителя и учеников при помощи средств телеконференц-связи (типа *Zoom*, *Teams* или *Skype*), нацеленное на освоение относительно самостоятельного фрагмента изучаемого предмета. В предложенном определении также упоминаются прагматические (цель, участники), медийные (синхронность, сервисы для доступа со свойственным им интерфейсом), а также содержательно-структурная характеристика синхронного онлайн-урока (относительно законченная часть предмета).

Отметим, что и учебный сайт, и синхронный онлайн-урок являются способами использования (или видами) соответствующих технических форматов (сайт, вебинар). Сочетание технических (форматных) особенностей сайта и вебинара, соответственно, а также содержательно-структурных и языковых особенностей учебного дискурса обуславливают специфику каждого жанра. Сами названия жанров являются комплексными и включают в себя, с одной стороны, медийную (*сайт*; *синхронный онлайн-...*) и прагматическую составляющую (*учебный*; *урок*).

Мы предлагаем включать в название жанра «синхронный онлайн-урок» указание на синхронность его осуществления, поскольку существует также жанр *асинхронного онлайн-урока*, т. е. некий аналог страницы учебного сайта, создаваемый с помощью специальных сервисов типа *CORE* или *OnlineTestPad*. Методические размышления по их использованию можно найти в работах [1, 2], а лингвистическая и жанровая характеристика асинхронного онлайн-урока составляет перспективу дальнейших исследований.

Учебный сайт (*learning website*) существует наряду с сайтами университетов, кафедр, школ, учителей, учебных групп в рамках более крупного дискурсивного образования – образовательного дискурса. Каждым видом сайтов решаются свои задачи. Учебный сайт предназначен, как мы сформулировали в его определении выше, для освоения определенного фрагмента предметного знания. Именно поэтому обозначение «учебный сайт» может

быть рассмотрено как синонимичное сочетанию «предметный сайт», но оно не является синонимом сочетаниям «сайт университета / школы» или «персональный сайт учителя».

Сущность каждого жанра помогает понять выявление его видов. Соответственно, в следующих разделах рассмотрим виды учебных сайтов и синхронных онлайн-уроков и представим общую краткую характеристику двух анализируемых жанров.

2.2. Виды учебных сайтов

В рассмотренном нами материале учебные сайты созданы в разных сервисах (*Jimdo*, *Google sites*, отдельный портал). Но их виды мы предлагаем выделять в зависимости не от технических, а от структурно-семантических и прагматических факторов. В итоге получаем следующий перечень учебных сайтов (который, впрочем, не претендует на полный охват).

1. *Учебный сайт как сопровождение курса* – самостоятельная, относительно законченная совокупность страниц, способствующая достижению определенного уровня в развитии предметных компетенций (например, уровня A1, B2 и т. д. общеевропейских рамок развития языковых компетенций при обучении иностранным языкам). Каждая страница сайта соотносится с определенной порцией учебного материала (уроком), сайт в целом может включать справочный аппарат (при обучении иностранным языкам – словарь изученной в курсе лексики, грамматические правила, тест по курсу и т. п.). Информация о личности учителя или других его курсах минимальна и может помещаться лишь на стартовой странице сайта. Этот вид учебных сайтов по содержанию соотносим с мультимедийным учебником или курсом на платформах электронного обучения типа *Moodle* или *Sakai*. Тем не менее, поурочная ориентация содержания курса, непосредственное погружение ученика в материал занятия, легкость ориентирования в содержании курса и корректировки каждой страницы делают учебный сайт более удобным и гибким жанром учебного онлайн-дискурса по сравнению с жанрами, названными выше.

2. *Учебный сайт как часть персонального сайта учителя* – совокупность страниц предметного содержания, которые учитель интегрирует на свой персональный сайт. В этом случае предметная информация носит фрагментарный характер, нередко предлагаются учебные материалы к нескольким курсам учителя наряду с подробной информацией о личности и профессиональной деятельности учителя (участие в профессиональных конкурсах, внеурочная деятельность и т. п.). Информация по предмету здесь дается скорее

не как сопровождение целого курса, а как сопровождение отдельных уроков. Тем не менее, в плане медийного, структурного и языкового оформления урока (т. е. единицы учебного сайта) особых отличий от единиц первого вида учебных сайтов мы не наблюдаем. Это свидетельствует о гибкости такого формата, как веб-сайт, который в зависимости от нужд адресанта (в данном случае – учителя) приобретает предметную (курсовую) или профессионально-личностную ориентацию содержания.

3. *Учебный сайт как часть портала для самостоятельного обучения* – совокупность страниц предметной направленности, способствующая достижению определенного уровня в развитии предметных компетенций, размещенная на портале по изучению разных предметов, ср. курс обучения английскому языку на портале *Lingust* (<https://lingust.ru/english>). В содержательном плане как отдельных уроков, так и целого курса данный вид учебных сайтов близок к первой из названных нами разновидностей и отличается от нее только включением в большой блок разных учебных курсов, которые могут вызвать затруднения в ориентации читателя и, как следствие, отвлечение его внимания от изучаемого содержания. Прагматические их различия связаны с тем, что первая разновидность сайтов ведется учителем, интегрируется в непосредственное учебное взаимодействие (например, в синхронный онлайн-урок) и предназначена для конкретной группы с возможностью учета их интересов, а в случае с размещением предметного содержания курса на портале происходит ориентация на усредненного ученика, который при возникновении вопросов и сложностей с усвоением материала может только воспользоваться форумом курса. В этом третий тип учебных сайтов схож с массовыми открытыми онлайн-курсами, предназначенными для самостоятельного изучения предмета, отличается он от них только своими медийными параметрами. Еще одно отличие учебных сайтов первого и третьего типов обусловлено тем, что в материалы учебных сайтов для самостоятельного освоения языка интегрируются дидактические пояснения о том, как пользоваться сайтом, ср. названия отдельных страниц портала *Lingust* «Структура и организация уроков немецкого языка (тоже надо почитать!)» или «Урок 1(0). Английский алфавит. О курсе». При использовании учебных сайтов 1-го типа всю эту информацию учитель обычно предоставляет ученику по его запросу устно.

В целом все названные виды учебных сайтов имеют общие медийные характеристики. Среди них отметим:

- *мультимедийность*, т. е. использование в коммуникативном содержании страниц сайта не только вербальной информации, но также изображений и видео;
- *интерактивность* (предполагают активность пользователя на странице, например, заполнение пропусков в интерактивном упражнении с возможностью сразу после сдачи упражнения получить ответ о количестве правильных ответов и заложенную учителем автоматическую обратную связь);
- *гипертекстуальность* – каждый вид сайта дает возможность переключаться между отдельными страницами, причем ссылки могут быть интегрированы в основное меню (вверху или в боковой части страницы) или текст страницы (например, мы можем перейти по ссылке к видео из содержания урока);
- *асинхронность* – учебный сайт не требует обязательного одновременного восприятия его содержания всеми участниками коммуникации, и обычно ученики осваивают учебные материалы в нужном им темпе; тем не менее, учебный сайт может служить основой урока, обычного или компьютерно-опосредованного, а в этом случае его единица (урок) включается в синхронный контекст восприятия всеми участниками коммуникации;
- *преимущественно письменный формат речи* – учебный сайт как и любой другой вид сайтов ориентирован преимущественно на визуальное восприятие информации вербального и невербального характера, при этом вербально зафиксированная информация наиболее однозначно передает цели и содержание коммуникации. Ср. пример формулировки задания на одном из учебных сайтов:

(1) *Step 3. Present your viewpoints on the board* (Шаг 3. Представьте ваше мнение на онлайн-доске)

В примере (1) мы получаем представление об этапе учебных действий по освоению предметного содержания урока (третий, т. е. до этого уже состоялись два этапа, а после данного этапа следуют и другие действия), а также о тех действиях, которые нужно совершить на текущем этапе (сформулировать свое мнение по проблеме и поместить его на онлайн-доске). Обращение сформулировано предельно кратко (все предложение включает только 6 слов), при этом для формулировки задания используется изучаемый язык, т. е. сам процесс восприятия вербальной информации уже связан с тренировкой предметных умений и навыков. Если ученик только начинает изучать иностранный язык, то вербальная информация по объяснению

материала и инструкции к заданиям даются на родном языке учеников. Так, на портале *Lingust* Занятие 1.1.1 *Приветствие. Порядок слов в немецком предложении* начинается с формулировки целей занятия на родном (русском) языке:

(2) *Изучив материал этого занятия, вы сможете:*

- *поздороваться*
- *начать разговор с незнакомым лицом*
- *представиться*
- *спросить, как зовут собеседника* (<https://lingust.ru/deutsch/thema-1-1/lehre-1-1>).

Отметим адресованность примеров (1) и (2): в них используются местоимения 2-го л. мн. ч., что отражает обращенность учителя как автора сайта к ученикам в инструктивной части учебных сайтов. При объяснении материала речь приобретает предметный характер: *Порядок слов характеризуется ...; Article is a functional word that indicates ...* (Артикль является служебным словом, которое маркирует ...).

Структура каждой учебной единицы (страницы учебного сайта) соотносится со структурой урока и включает вводную часть (обозначение цели или темы занятия), введение материала, его тренировку и завершающую часть, в которой проводится рефлексия или обобщение пройденного. Выделенные части, как мы отмечали выше, могут нумероваться как отдельные этапы урока или иметь подзаголовки. Подобная экспликация структуры страницы учебного сайта облегчает ориентацию в содержании и придает четкость и ясность материалу.

В целом, как представляется, языковое и структурное оформление учебных сайтов близко к языковому оформлению учебников (печатных или мультимедийных), при этом интерактивность и гипертекстовый характер позволяют сделать коммуникацию на учебном сайте более компактной, поскольку здесь не требуется давать пояснения, где ученик может найти правильные ответы.

Смежные с учебными сайтами жанры асинхронного учебного онлайн-дискурса (группы по обучению предмету в социальных сетях, блогах или мессенджерах, курсы на различных платформах, чат-боты и т. д.) отличаются от рассмотренных нами учебных сайтов своими медийными и прагматическими особенностями, и вытекающими из них структурно-семантическими и языковыми параметрами.

2.3. Синхронный онлайн-урок и смежные с ним виды учебного взаимодействия

Материал для исследования синхронных онлайн-уроков в связи с условиями его осуществления – непосредственное взаимодей-

ствие учителя и учеников в режиме реального времени – достаточно сложно собрать. Большую помощь в этом оказывает самонаблюдение и самоанализ, а также использование записей занятий, размещенных на платформе *YouTube*.

Наш анализ показывает, что синхронный онлайн-урок – это самостоятельный жанр, и его виды можно выделить только на основе типологии самих уроков (непосредственных или технически-опосредованных), например, урок-введение нового материала или урок-повторение. В плане же выделения жанров онлайн-общения в рамках учебного дискурса можно говорить лишь о непосредственном синхронном онлайн-уроке и смежных с ним устных асинхронных онлайн-уроках. В результате получаем следующую классификацию:

- 1) *синхронный онлайн-урок* – взаимодействие онлайн учителя и учеников по освоению определенного предмета длительностью от 20 минут до 1,5 часов в зависимости от возраста учащихся и целей занятия. Ведущий канал речи – устный, но поскольку доступ к жанру осуществляется через сервисы телеконференц-связи, то мультимедийность и включения синхронных форм письменного общения (чат, работа на онлайн-доске) в данном жанре играют более значимую роль, чем, например, во время урока в аудитории. Особенности этого жанра являются его спонтанность и переходящий характер: коммуникативное взаимодействие разворачивается во времени, при этом несмотря на наличие у учителя плана занятия, разные факторы могут повлиять на то, как оно будет складываться дальше;
- 2) *видеозапись синхронного онлайн-урока* – фиксация синхронного взаимодействия учителя и учеников по освоению учебного материала, по сути выступающая асинхронным жанром. Для учебных целей, т. е. для непосредственного изучения учебного материала учениками (например, пропущенными занятием) такое взаимодействие малопродуктивно, поскольку шаги и выполнение заданий синхронного занятия достаточно трудно осуществлять индивидуально, в тех же временных рамках, что и само онлайн-занятие. И если во время синхронного занятия учитель обеспечивал смену видов деятельности, то при работе с видео такой смены видов деятельности нет, однообразный просмотр и отсутствие взаимодействия с учителем и другими учениками быстро утомляет, вызывает потерю внимания. Более продуктивен с точки зрения использования видео следующий жанр;
- 3) *запись подготовленного учебного занятия* – предназначенная для асинхронно-

го восприятия последовательность шагов по освоению учебного материала небольшого объема (5–10 минут). Учитель готовит визуальный материал, продумывает формы интеракции, выстраивает логику учебного взаимодействия, затем публикует свое видеозанятие, а ученики в удобное им время знакомятся с видео и выполняют задания. Весь учебный объем материала, соответствующий синхронному онлайн-занятию, в этом случае разбивается на небольшие порции (отдельные видео), которые можно осваивать в предложенном порядке, пропускать некоторые из них или менять последовательность.

Общим для названных жанров является ведущий устный канал речи, дополняемый в большей или меньшей степени различными визуальными способами коммуникации (надписи, схемы, видео и т. д.). Интерактивность, являющаяся характеристикой современного учебного и академического дискурса (ср. [18]) в большей степени проявляется в синхронном онлайн-уроке и носит здесь как социальный (смена говорящего), так и технический характер (включение микрофона и использование других функций сервиса общения каждым из участников). Социальную интерактивность труднее реализовать в записанных видео, но даже здесь каждый асинхронно просматривающий запись ученик может остановить видеопросмотр и выполнить задание, предлагаемое учителем. Обратная связь (результат выполнения задания и анализ ошибок) выходит за рамки видео, но может быть предусмотрена учителем через комментарии к видео или общение в других форматах. Синхронность в звучащих учебных жанрах является варьируемым фактором: она обязательна для синхронных онлайн-уроков и отсутствует в записях и видеоуроках.

В структурном и языковом плане мы наблюдаем те же явления, что и в асинхронных письменных жанрах учебного онлайн-дискурса:

- *экспликация частей и шагов* учебной деятельности, реализуемая в устных жанрах не только через их названия и порядковые номера, но и с помощью специальных сигналов смены вида деятельности в инструктивной составляющей учебного дискурса («Теперь закрепим это правило...», «Какие новые слова вы видите в следующем задании номер 2?» и под.);
- *адресованность*, эксплицируемая личными местоимениями 2-го л. ед. и мн. ч., а также вопросительными и побудительными конструкциями в инструктивной и интерактивной составляющих учебного дискурса;
- *содержательно-тематическое* наполнение учебного дискурса связано с использовани-

ем *лексики предметной сферы* (в нашем случае – обозначения языковых явлений и описание правил изучаемого языка), *тематической лексики* (поскольку изучение иностранных языков организовано вокруг различных тем бытового и профессионального общения), *компьютерной лексики* типа «микрофон», «чат», «онлайн-доска» (когда требуется проверить связь или уточнить функционал канала речи).

Для синхронного онлайн-урока и в определенной степени для видео характерны также разнообразны признаки спонтанной устной речи: паузы вследствие поиска слов, самокоррекция, повторы, редукция звуков и т. п. Темп речи в учебном дискурсе по изучению иностранных языков может быть разным и зависеть от статуса говорящего (учитель или ученик), а также от уровня владения языком учениками: чем он выше, тем более приближен к естественной речи темп говорения. От уровня владения языком, а также от выбранной учителем методики зависит и количество случаев переключения кода между родным и изучаемым языком: чем увереннее ученики говорят на иностранном языке, тем меньше ситуаций переключения кодов на родной язык; при достижении определенного уровня языковых и речевых умений учеников учитель может применить методику языкового погружения и полностью отказаться от привлечения родного языка для объяснения учебного материала.

Выводы

Учебный онлайн-дискурс мы предлагаем определять как коммуникативную деятельность по формированию предметных знаний и умений обучающихся, опосредованную цифровыми технологиями. Учебный онлайн-дискурс по своему содержанию тесно связан с учебным дискурсом, а по форматным и медийным параметрам – с интернет-дискурсом. Подобная двуплановость и сочетание специфических медийных и прагматических особенностей находят отражение в обозначениях отдельных жанров (учебный сайт, синхронный онлайн-урок), а также в их определениях, которые мы предлагаем в данной статье. Анализ характеристик учебного онлайн-дискурса (мультимедийность, интерактивность, гипертекстуальность, (а)синхронность, ориентация на письменный / устный канал речи, адресованность, экспликация структурных элементов, использование предметной и тематической лексики) и сопоставление данного понятия со смежными явлениями (педагогический/образовательный/дидактический дискурс) позволяют лучше понять его сущность и выявить разновидности и некоторые распространённые

жанры данного дискурсивного образования. Одной из важнейших характеристик учебного онлайн-взаимодействия является одновременность (синхронность) или неодновременность (асинхронность) его осуществления. Соответственно, в данной статье мы представили анализ и характеристику двух типичных жанров, репрезентирующих асинхронную и синхронную разновидность учебного онлайн-дискурса:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьева А. А. Создание интерактивных онлайн-уроков на платформе CORE // Интернет-технологии в образовании: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары : Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2020. С. 98–105.
2. Клименко Н. Е. Возможности системы CORE для создания интерактивных онлайн-уроков. Реализация метода смешанного обучения на уроках английского языка при изучении наиболее трудных грамматических тем на средней ступени обучения // Педагогический форум. 2021. № 1 (7). С. 30–34.
3. Григорьева К. С., Яхина Р. Р. Конструкторы сайтов как средство повышения мотивации в рамках предметно-языкового интегрированного обучения (CLIL) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Информатика и информатизация образования. 2017. № 4 (42). С. 81–88.
4. Попова Л. А. Интерактивный рабочий лист как средство дистанционной поддержки школьника в процессе обучения // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2018. № 5. С. 271–277.
5. Sun S. Y. H. Using patterns-based learning design for CALL tasks // Computer Assisted Language Learning. 2020. <https://doi.org/10.1080/09588221.2019.1657902>
6. Khine M. S. Strategic Use of Digital Learning Resources in Designing E-Lessons // International Journal of Instructional Media. 2006. Vol. 33, № 2. P. 127–134.
7. Smyshlyak K. V. ESL/EFL Online lesson development (based on SkyEng practices and techniques) // Professional Discourse & Communication. 2020. Vol. 2, iss. 4. P. 81–95. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2020-2-4-81-95>
8. Boyd D. M., Ellison N. B. Social network sites: Definition, history, and scholarship // Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. Vol. 13, № 1. Article 11. URL: <https://jcmc.indiana.edu/vol13/issue1/boyd.ellison.html> (дата обращения: 03.03.2022).
9. Kozar O. Discursive practices of private online tutoring websites in Russia // Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education. 2015. Vol. 36, № 3. P. 354–368. <https://dx.doi.org/10.1080/01596306.2013.871238>
10. Щипуцина Л. Ю. Веб-лекция как устный жанр интернет-коммуникации // Жанры речи. 2019. № 3 (23). С. 215–226. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-323-215-226>
11. Матяшевская А. И. Интернет-лекция как особый жанр // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 238–245. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-238-245>

учебный сайт и синхронный онлайн-урок соответственно.

Продолжение исследований в области складывающихся практик общения в цифровой среде, в том числе с жанровых и языковых позиций, позволит пользователям более четко обозначать их и сознательно использовать жанры интернет-коммуникации, грамотно и эффективно облекая свои коммуникативные продукты в языковую форму.

12. Данилов О. Е. Учебные сайты для школьников и студентов // Молодой ученый. 2014. № 18 (77). С. 540–544. URL: <https://moluch.ru/archive/77/13130/> (дата обращения: 02.03.2022).
13. Щипуцина Л. Ю. Жанровая модель компьютерно-опосредованной коммуникации // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. Вып. 11 (67). С. 225–230.
14. Ежова Т. В. К проблеме изучения педагогического дискурса // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. Т. 1, № 2. С. 52–56.
15. Гончар Н. Н. Характеристика основ учебного дискурса в рамках взаимодействия его конституэнтов (обучающий-текст-обучаемый) // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2011. Вып. 1. С. 195–199.
16. Олешков М. Ю. Основные параметры модели профессиональной коммуникации (на примере дидактического дискурса) // Социокультурные проблемы в образовании: межвуз. сб. науч. трудов / под ред. А. А. Вербицкого, Н. В. Жуковой. М. : РИЦ МГОПУ им. М. А. Шолохова, 2006. С. 62–71.
17. Sujata U. Face to Face vs. Online Instruction: An Analysis // Psychology, Society & Education. 2021. Vol. 2. P. 5128–5133. <https://doi.org/10.17762/pae.v58i2.3069>
18. Марчук С. В. Учебный сайт как эффективный инструмент повышения качества образования // Сибирский педагогический журнал. 2019. № 5. С. 42–52. <https://doi.org/10.15293/1813-4718.1905.05>
19. Дементьев В. В. «Анкета речевого жанра» Т. В. Шмелёвой: прошлое, настоящее, будущее (к 30-летию жанроведческой модели) // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 252–262. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262>

REFERENCES

1. Afanasieva A. A. Creation of interactive online lessons on the CORE platform. In: *Internet technologies in education: coll. of materials of the All-Russian scientific and Practical conference*. Cheboksary, Chuvash State Pedagogical University Publ., 2020, pp. 98–105 (in Russian).
2. Klimenko N. E. Features of the CORE system to create interactive online lessons. Implementation of the blended learning method in English language classes for the most difficult grammatical subjects at the secondary level. *Pedagogy Forum*, 2021, no. 1 (7), pp. 30–34 (in Russian).
3. Grigoryeva K. S., Yakhina R. R. Designers of sites as a means of improving motivation in the framework of Content and Language Integrated Learning (CLIL). *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University, Informatics and Informatization of Education series*, 2017, no. 4 (42), pp. 81–88 (in Russian).

4. Popova L. A. Interactive worksheet as a means of distance support of students in the learning process. *The Tidings of the Baltic State Fishing Fleet Academy: Psychological and pedagogical sciences*, 2018, no. 5, pp. 271–277 (in Russian).
5. Sun S. Y. H. Using patterns-based learning design for CALL tasks. *Computer Assisted Language Learning*, 2020. <https://doi.org/10.1080/09588221.2019.1657902>
6. Khine M. S. Strategic Use of Digital Learning Resources in Designing E-Lessons. *International Journal of Instructional Media*, 2006, vol. 33, no. 2, pp. 127–134.
7. Smyshlyak K. V. ESL/EFL Online lesson development (based on SkyEng practices and techniques). *Professional Discourse & Communication*, 2020, vol. 2, iss. 4, pp. 81–95. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2020-2-4-81-95>
8. Boyd D. M., Ellison N. B. Social network sites: Definition, history, and scholarship. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2007, vol. 13, no. 1, article 11. Available at: https://jcmc.indiana.edu/vol13/issue1/boyd_ellison.html (accessed March 03, 2022).
9. Kozar O. Discursive practices of private online tutoring websites in Russia. *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education*, 2015, vol. 36, no. 3, pp. 354–368. <https://dx.doi.org/10.1080/01596306.2013.871238>
10. Shchipitsina L. Yu. Web Lecture as an Oral Internet Genre. *Speech Genres*, 2019, no. 3 (23), pp. 215–226 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-215-226>
11. Matyashevskaya A. I. E-Lecture as a Special Genre. *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 238–245 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-238-245>
12. Danilov O. E. Learning websites for school and university students. *The Young Scientist*, 2014, no. 18 (77), pp. 540–544. Available at: <https://moluch.ru/archive/77/13130/> (accessed March 2, 2022) (in Russian).
13. Shchipitsina L. Yu. Genre model of computer-mediated communication. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 2008, no. 11 (67), pp. 225–230 (in Russian).
14. Ezhova T. V. To the problem of studying the pedagogical discourse. *The Herald of Orenburg State University*, 2006, vol. 1, no. 2, pp. 52–56 (in Russian).
15. Gonchar N. N. Discourse characteristics of educational interaction from the point of view of its constituent units (a teacher – text – a student). *The Herald of Tver State University. Series: Philology*, 2011, iss. 1, pp. 195–199 (in Russian).
16. Oleshkov M. Yu. The main parameters of the model of professional communication (on the example of didactic discourse). In: *Sotsiokul'turnye problemy v obrazovanii: mezhvuz. sb. nauch. trudov. Pod red. A. A. Verbitskogo, N. V. Zhukovoy* [Verbitskiy A. A., Zhukova N. B., eds. Sociocultural issues of education: interuniv. coll. of sci. arts]. Moscow, Moscow State Pedagogical University named after M. Sholokhov, 2006, pp. 62–71 (in Russian)
17. Sujata U. Face to Face vs Online Instruction: An Analysis. *Psychology, Society & Education*, 2021, vol. 2, pp. 5128–5133. <https://doi.org/10.17762/pae.v58i2.3069>
18. Marchuk S. V. Educational website as effective tool in improving quality of education. *Siberian Pedagogical Journal*, 2019, no. 5, pp. 42–52 (in Russian). <https://doi.org/10.15293/1813-4718.1905.05>
19. Dementyev V. V. “Questionnaire of a Speech Genre” of T. V. Shmeleva: Past, Present, Future (for the 30th Anniversary of the Genre Model). *Speech Genres*, 2020, no. 4 (28), pp. 252–262 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262>

Поступила в редакцию 02.03.2022; одобрена после рецензирования 18.04.2022; принята к публикации 28.04.2022
The article was submitted 02.03.2022; approved after reviewing 18.04.2022; accepted for publication 28.04.2022

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 186–194

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 186–194

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-186-194>, EDN: JUHWXO

Научная статья

УДК 811.161.1'38'42

Имплицитное выражение политической позиции в жанре политического блога

Н. Ю. Видинеева

Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

Видинеева Наталья Юрьевна, преподаватель кафедры «Английский язык»,

ya.natashavidineeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4412-7631>

Аннотация. Статья посвящена анализу способов имплицитного выражения политической позиции блогеров. Актуальность исследуемой темы определяется возросшим влиянием средств массовой коммуникации на политические процессы. Блоги, социальные сети, мессенджеры стали важным инструментом общения членов гражданского общества, а также площадками для выражения собственной позиции. Выражение политической позиции блогера не всегда происходит прямо, эксплицитно. Выявление, описание и анализ имплицитных путей выражения политической позиции в политическом блоге стали целью данной статьи. Особенности имплицитного выражения политической позиции зависят, в первую очередь, от степени институционализированности автора и сферы его деятельности. Эти параметры легли в основу авторской классификации авторов политических блогов: официальные политики; неофициальные политики, не прошедшие в официальные институты власти по результатам выборов; журналисты и политологи; обыватели. Утверждается, что каждая группа авторов выражает специфическую политическую позицию. Так, официальные политики имплицитно выражают патриотизм, заботу о народе, что служит средством улучшения имиджа политика. Кроме этого, имплицитная трансляция позиции той политической силы, интересы которой представляют политики, служит инструментом борьбы в период выборов или референдумов. Неофициальные политики имплицитно транслируют оппозиционные взгляды. Журналисты и политологи, как и обыватели, могут имплицитно транслировать самый широкий спектр политических убеждений, от провластных до оппозиционных.

Ключевые слова: имплицитность, жанр, интернет-коммуникация, блог, политика, автор, политики, журналисты, блогеры

Для цитирования: Видинеева Н. Ю. Имплицитное выражение политической позиции в жанре политического блога // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 186–194. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-186-194>, EDN: JUHWXO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Implicit expression of political stance in political weblogs

N. Yu. Vidineeva

Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

Natalya Yu. Vidineeva, ya.natashavidineeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4412-7631>

Abstract. The article analyses the ways of implicit expression of the political stance of bloggers. The relevance of the topic under study is determined by the increased influence of non-institutional means of communication on political processes. Blogs, social networks, and messengers have become an important tool of communication among members of civil society, as well as platforms for expressing citizens' positions. The expression of a blogger's political position does not always occur directly and explicitly. The purpose of this article is to identify, describe, and analyze implicit ways of expressing a political position in a political blog. The features of the implicit expression of a political position depend, first of all, on the degree of institutionalization of the author and their professional occupation. These parameters formed the basis for the classification of authors of political blogs: official politicians; non-official political persons; journalists, political scientists as well as ordinary people. It is argued that each group of authors express a specific political position. In this respect, official politicians implicitly express patriotism, concern for the people, all this serves as a means of improving the credibility of a politician. In addition, the implicit expression of the position of the political force whose

interests are represented by politicians serves as a tool for fighting during elections or referendums. Non-official politicians implicitly express oppositional views. Journalists, political scientists as well as ordinary people, can implicitly express a wide range of political beliefs – from pro-government to oppositional.

Keywords: implicitness, genre, online communication, blog, politics, author, politicians, journalists, bloggers

For citation: Vidineeva N. Yu. Implicit expression of political stance in political weblogs. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 186–194 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-186-194>, EDN: JUHWXO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Вводные положения

Стремительный технологический прогресс вывел человеческую коммуникацию на совершенно новый уровень. У каждого, кто пользуется Интернетом, есть широкое поле для выбора средств общения с другими пользователями. Кроме того, каждый пользователь Интернета получает большое пространство для самовыражения. Функцию площадки для демонстрации мыслей, идей, взглядов выполняют интернет-блоги. Блог является вторичным, гибридным жанром, уходящим корнями в жанр личного дневника. В этом мы опираемся на точку зрения В. В. Дементьева, который отмечает, что «новая сфера общения всегда порождает вторичные речевые жанры <...> По-видимому, исторически изменение какого-то из компонентов фона (межличностные отношения (близость, статус), канал связи) всегда приводит к изменениям жанра; но правила нового жанра немедленно охватывают и другие аспекты речи (как, например, произошло с <...> жанрами виртуального общения (*блог, форум, чат*), если сравнить их с *перепиской, дневником, обменом записочками, наконец, дружеской беседой*)» [1: 169].

Жанр политического блога, а также политическая ориентированная интернет-коммуникация являются объектом пристального исследовательского внимания в наши дни. О. С. Кудимова описывает историю возникновения пользовательского интереса к политическим блогам в России. Она сравнивает политический блог начала-середины 2010-х гг. с «кухней» в Советском Союзе, на которой было принято обсуждать политику [2: 43]. Таким образом, исследовательница отмечает кулуарный характер коммуникации в политических блогах.

Основные факторы развития жанра политического блога анализирует Л. Н. Ребрина. Среди таковых она, в частности, отмечает отсутствие строгой цензуры, детерминированность блога мотивами автора, институциональностью авторской позиции, ценностями, разделяемыми разными группами пользователей [3: 130].

Особенности и признаки жанра политического блога рассматривают М. В. Милованова и Е. В. Терентьева. Признаками жанра они

считают массового адресата, социально значимый повод, совмещение в блоге социального и индивидуального, установку на привлечение сторонников, формирование общественного мнения, сочетание разных типов доводов, совмещение в блогах различных видов функций (например, оценочной, информативной, апеллятивной, функции самопрезентации и др.), а также сочетание черт книжной и разговорной речи [4: 108].

Ведение политического блога почти наверняка связано с политическим активизмом и вовлеченностью в политические дела самого автора. На это указывает исследование Х. Санчеса-Виллара и соавторов [5: 110].

Политическая коммуникация в онлайн-пространстве, как указывает Я. Бломмерт, уже не является областью доминирования официальных политических акторов. Несмотря на то что политики и их высказывания зачастую являются начальным звеном в цепи коммуникации, исследователь отмечает, что политики не определяют масштаб и характер влияния, которое окажет их высказывание на аудиторию. По мнению Я. Бломмерта, в современном постцифровом обществе алгоритмы блогговых платформ решают, какой эффект возымеет то или иное политическое высказывание, и политическим деятелям, ведущим свой блог, важно иметь это в виду [6: 398–399].

Проблема анонимности и избегания эксплицитного выражения суждений в политической интернет-коммуникации также широко обсуждается. Этому посвящены исследования Т. В. Дубровской [7], О. С. Кудимовой [8], И. В. Приваловой [9]. Исследовательский интерес к изучению проблемы имплицитности в политической интернет-коммуникации мы связываем с желанием автора блога избежать ответственности или минимизировать возможные негативные последствия инференции скрытых смыслов.

Исследуя имплицитность в социальных сетях, М. Теркурафи отмечает, что наличие точек соприкосновения, общих позиций по определенным вопросам способствует появлению в речи так называемой случайной (*default*, “*by accident*”) имплицитности. Отсутствие же таковых приводит к появлению стратегической

(*calculated, strategic*) имплицитности [10: 945]. Имплицитность в блогах мы считаем стратегической, т. е. намеренной, так как между автором блога и его адресатами нет близкой связи. Как правило, автор не знает читателей, а читатели не знакомы с автором, что является основанием для возникновения намеренной имплицитности.

Говоря об имплицитном выражении политической позиции в политическом блоге, стоит упомянуть, что авторы политических блогов существенно различаются между собой и не обладают схожими чертами. Именно с классификации авторов блогов мы начнем наш анализ.

Типология авторов политического блога и их политическая позиция

Классификацию авторов политических блогов представила М. О. Кочеткова. В соответствии с ее типологией, авторы политических блогов могут быть профессиональными и непрофессиональными политиками. Непрофессиональный политик выступает как внешний эксперт, чья цель состоит либо в достижении популярности через освещение актуальных политических проблем, либо в организации политической оппозиции. Профессиональный же политик может выступать в двух ипостасях: близкий к избирателю, «свой» человек или институциональное лицо, продвигающее свою политическую позицию [11: 18–22].

Мы дополнили и уточнили данную классификацию. Наш анализ позволил нам выделить четыре основных группы авторов, ведущих политические блоги. К *первой группе* мы относим официальных политических деятелей: президентов, премьер-министров, правительственных чиновников и так далее. Позиция официальных политических лиц, выражаемая имплицитно, сводится к выражению патриотизма, уважения к народу страны, преданности своему делу и увлеченности желанием принести пользу обществу. Всё это имеет целью улучшение имиджа политического деятеля, получение политических очков.

Вторая группа политических блогеров включает в себя неофициальных политиков, т. е. таких политиков, которые стремятся принимать участие в политической деятельности (например, участвуют в выборах в качестве кандидатов), но всё еще не допущенных в ряды официальной власти. Такие блогеры имплицитно выражают оппозиционную действующей власти позицию. Если официальные политики направляют всю свою деятельность на укрепление системы, к которой принадлежат, то неофициальные политики, стремящиеся стать системными, видят своей целью дискредитацию

действующей системы, в том числе через политические блоги.

Третья группа политических блогеров состоит из политологов, политтехнологов, журналистов, которые не стремятся получить ранг официальных политических деятелей, но при этом могут дать взвешенный профессиональный комментарий относительно происходящих политических или общественных событий. В данной группе политических блогеров не наблюдается гомогенности в выражаемых политических взглядах. Они могут транслировать как провластные, так и оппозиционные взгляды. Кроме того, такие пользователи могут быть и против всех. Они вне системы и вне политических баталий, а поэтому могут выражать политические взгляды вне зависимости от расстановки политических сил.

К *четвертой группе* политических блогеров мы относим обывателей. Сфера деятельности этих пользователей никак не связана с функционированием политических организаций и институтов. Среди обывателей, как и среди журналистов и политологов, нет единства в выражаемой имплицитно политической позиции. Обыватели могут занимать любую позицию, могут поддерживать представителей официальной власти и оппозиционеров, представителей любой политической партии.

На тип имплицитной информации о политических взглядах каждого конкретного типа авторов оказывают влияние прагматические особенности блога как жанра интернет-коммуникации. Так, по мнению Д. Бойд, блог обладает свойствами телесности, материальности. Блог – это цифровая репрезентация личности его пользователя [12: 16–18]. Также Д. Бойд указывает: «Блогеры говорят о своем блоге так, как будто это их дом <...> Несмотря на то, что любой человек имеет доступ к большинству блогов, именно чувство собственности делает блог личным пространством» [12: 16].

Мы разделяем приведенную выше позицию и рассматриваем жанр блога как внешнее расширение человека. Эту концепцию мы заимствуем у Г. М. Маклюэна, который писал, что «личностные и социальные последствия любого средства коммуникации – то есть любого нашего расширения вовне – вытекают из нового масштаба, привносимого каждым таким расширением, или новой технологией, в наши дела» [13: 6]. Кроме того, «любое изобретение и любая технология представляют собой внешнюю проекцию, или самоампутацию, наших физических тел» [13: 26].

Политические блоги полностью соответствуют концепции внешнего расширения пользователя. В жанре политического блога находит внешнее расширение не физическая оболочка

ка человека, а его личность, внутреннее «Я». В политических блогах отражаются политические взгляды, ценности, идеологические установки, присущие самому автору.

Имплицитное выражение политической позиции официальных политиков

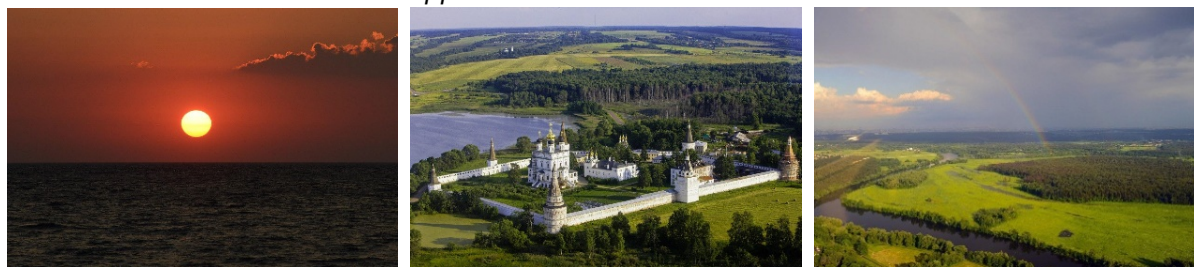
Одним из основных источников имплицитности здесь являются авторские намерения создать собственный положительный имидж. Имплицитная презентация взглядов, позиции и ценностей (патриотизм, уважение народу страны, увлеченность делом) обоснована, так

как освобождает политическое лицо от представления себя в выгодном свете слишком откровенно, «в лоб». Вместо этого политик позволяет реципиенту сформировать свой комплиментарный образ, оставляя у него ощущение добровольности принятого решения.

Кроме того, источником имплицитности в данной группе выступают и фоновые знания автора и его аудитории об исторических и политических процессах в стране и мире. В качестве источника имплицитности отметим и широкий лингвистический контекст.

Приведем пример:

С Днём России! #ЭтомояРоссия

[<https://twitter.com/MedvedevRussia/status/1271362231121391616>]

Данная запись принадлежит Дмитрию Медведеву, бывшему премьер-министру России. Эксплицитно она выражает поздравление читателей с государственным праздником. Имплицитная патриотическая позиция автора выражается с помощью хэштега и визуальных компонентов. Красивые российские пейзажи, изображенные на визуальных элементах, а также словосочетание «моя Россия», фигурирующее в хэштеге, имплицитно выражают гордость политика за свою страну, выражают его патриотизм. Мы не исключаем, что это может быть выражением личной позиции. Однако, принимая во внимание, что блог ведется от имени политика-профессионала, мы считаем, что имплицитное выражение патриотической позиции является средством улучшения политического имиджа автора.

Приведем еще один пример:

Сегодня провели международную конференцию по вопросам образования в условиях пандемии. Очевидно, что надо активнее развивать онлайн-технологии – интегрировать образовательные сервисы на удобных платформах, чтобы учителя работали с детьми, не думая про безопасность и ограничения.

[<https://twitter.com/MosSobyanin/status/1280924909183647746>]

Запись принадлежит мэру Москвы Сергею Собянину. Автор имплицитно выражает идею заботы о народе, в данном случае об учителях, которые столкнулись с существенными

трудностями при работе в условиях пандемии. Вводная конструкция «очевидно» демонстрирует уверенность участников конференции в целом и самого мэра в частности в необходимости изменений, положительно влияющих на качество труда педагогов. Так образ ответственного политика, заботящегося о будущем вверенного ему города, добавляет мэру политических очков.

В период проведения выборов или референдумов позиция политического лица может имплицитно выражаться как противоположная к убеждениям представителей другого политического лагеря, например:

Good to see a Eurosceptic win in Poland.

[https://twitter.com/Nigel_Farage/status/1282590023875989504]

Автор поста – бывший британский политик Найджел Фараж – имплицитно выражает свою принадлежность к евроскептикам. Языковым средством выражения политической позиции является бессубъектный предикат с положительно-оценочным значением. Стоит отметить, что пост был написан на фоне неугасающих в Великобритании споров о членстве страны в Европейском союзе.

Имплицитное выражение политической позиции неофициальных политиков

В данной группе авторов одним из ведущих источников имплицитности мы также

видим авторские намерения. Намерения заключаются в избегании прямых отрицательных оценок действующей власти, в смягчении отрицательной оценочности. Причиной этого может являться желание автора избежать ответственности за сказанное, в том числе и юридической ответственности.

Также источниками имплицитности выступают фоновые знания и лингвистический контекст.

Приведем пример:

Самое гадкое, что Навального удалось отравить, потому что он остаётся вызывающе открытым. Летел экономом, выпил чаю в аэропортовом кафе. Путинский чиновник самого низкого звена на его месте отсиживался бы в бизнес-зале, воду носил с собой и проверял её на охранниках.

[<https://twitter.com/msvetov/status/1296360590500401152>]

Оппозиционные взгляды автора можно проследить во внутритекстовых связях. Автор – российский политик Михаил Светов – сравнивает поведение другого оппозиционного политика Алексея Навального и некоего неназванного чиновника, которого он называет «Путинским». Героизация оппозиционера и принижение официального политика прослеживается в дихотомии «летел экономом» – «отсиживался бы в бизнес-зале», «выпил чаю в аэропортовом кафе» – «воду носил с собой и проверял её на охранниках». Наделение оппозиционера положительными качествами, а чиновника – отрицательными имплицитно авторские оппозиционные взгляды.

Еще один пример:

Как единому россиянину победить на выборах в условиях, когда все вокруг ненавидят «Единую Россию»? Чем он может понравиться людям? Отвечает находчивый член партии власти из Иркутской области (заодно ещё раз доказывая, как важно участвовать в «Умном голосовании»):

[<https://twitter.com/navalny/status/1285524391103791104>]

Данное высказывание российского оппозиционера Алексея Навального содержит пресуппозицию с отрицательно-оценочным суждением «все вокруг ненавидят «Единую Россию» с подлежащим, выраженным местоименным прилагательным «все». Однако один человек не может объективно говорить от имени всех. Принимая во внимание характер блога, который является внешним расширением автора, мы утверждаем, что в данной пресуппозиции автор имеет в виду в первую очередь самого себя. Таким образом здесь имплицитно выражены авторские оппозиционные взгляды.

Имплицитное выражение политической позиции журналистов и политологов

Одним из основных источников имплицитности в этой группе мы также видим авторские намерения. Мы полагаем, что мотивы имплицитной актуализации политической позиции в целом совпадают с мотивами официальных и неофициальных политических деятелей. Имплицитная актуализация провластной позиции позволяет аудитории сформировать положительное представление о действующей власти без активного вмешательства автора. Имплицитная актуализация оппозиционных взглядов позволяет дистанцироваться от сказанного и избежать ответственности и конфликтов с реципиентами.

Как и в рассмотренных выше группах, имплицитность также берет начало в широком контексте и фоновых знаниях.

Провластная политическая позиция выражается через внутритекстовые связи, которые основаны на противопоставлении России как положительного актора и стран Запада, в частности, США как отрицательного актора. Например:

Но США давят, а когда давление не срабатывает, переходят к военным провокациям, пытаются разжечь российско-европейскую войну, что явно не радует немцев. Германия постепенно оказывается в той же ситуации, что и Турция. Надо или полностью отказаться от субъектности и позволить США решать за себя, или опереться на Россию, но тогда США становятся врагом.

[https://peremogi.livejournal.com/56576934.html?utm_source=recent]

Действия США обозначаются глаголами с отрицательно-оценочными значениями: «давят», «переходят к военным провокациям». Россия здесь не выполняет никаких действий, но на нее можно, как указывает автор, «опереться», что является положительной характеристикой для страны. Если

опереться на положительного актора (Россию), можно стать врагом для отрицательного актора (США). В этом заключается оппозиция России и США на международной арене. ИмPLICITное авторское одобрение действий российских властей в области международной политики является маркером его провластной позиции.

Выражение оппозиционных взглядов проиллюстрируем следующим примером:

НАО против. Хотелось бы теперь видеть Архангельскую область. The North remembers.

В НАО поправки поддерживают 45,72% избирателей

23:09 01.07.2020 976

© РИА Новости / Кирилл Каллиников

МОСКВА, 1 июл - РИА Новости. За принятие поправок в конституцию проголосовали 45,72% жителей **Ненецкого автономного округа**, против - 53,37%, свидетельствуют данные ЦИК после обработки 87,27% протоколов.

[<https://twitter.com/eschulmann/status/1278440289821241344>]

Контекст высказывания относится к результатам всероссийского голосования по поправкам в Конституцию РФ. Авторская позиция нам видится в субъективном желании, чтобы Архангельская область высказалась против поправок, в одобрении общественного неодобрения инициатив власти. Это имPLICITно идентифицирует автора как оппозиционера.

Рассматриваемый тип блогеров может не разделять ни провластные, ни оппозиционные взгляды, как в следующем примере:

Да, ребята, бороться за ельцинскую Конституцию – все равно что менять обивку салона авто, которое не поедет, потому что в нем нет и никогда

не было двигателя. Полезным было бы разобраться, почему именно в России Конституция не работает, выполняя исключительно роль парадного фетиша, на которую ритуально налагает длань первое лицо в момент восшествия на престол. Причем так было не только в мрачные годы путинизма, но вообще всегда: никакой роли не играли советские Конституции 1918, 1936, 1977 годов, декоративную функцию выполняли дарованные самодержавием конституции Царства Польского и Великого княжества Финляндского. <...> Очень меня умиляют эльфы, которые нагнетают истерику: а-я-яй, в 2019 г. Путин будет менять Конституцию, чтобы править пожизненно, идет уже обработка общественного мнения. Шо, серьезно? Так он уже правит пожизненно, и Конституцию, для того, чтобы подтереться ею, не надо переписывать и переголосовывать.

[<https://kungurov.livejournal.com/222079.html>]

Ельцинская конституция, о которой говорит автор, является современной конституцией России, на которую опирается действующая власть. Однако автор подчеркивает ее неэффективность через сравнение с неработающим автомобилем. Таким образом, имPLICITируется неприверженность автора действующей системе власти, что подтверждается эксплицитным выражением «*мрачные годы путинизма*». Сравнение оппозиционеров с мифологическими существами, которые занимаются деконструктивной деятельностью, а именно «*нагнетают истерику*» вокруг действий власти, имPLICITно демонстрирует, что автор не находится и на их стороне.

ИмPLICITное выражение политической позиции обывателей

Источником имPLICITности здесь выступают авторские намерения, особенно когда речь заходит о выражении оппозиционных взглядов. Пользователи стремятся избежать ответственности за свои высказывания, которые зачастую оказываются нелицеприятными для представителей действующей власти. Источниками имPLICITности здесь мы также считаем широкий контекст, фоновые знания и тип блогерской платформы, на которой размещена запись. Характер платформы, на наш взгляд, является одновременно как источником имPLICITности, так и средством ее выражения. Мы рассмотрим это более подробно ниже.

ИмPLICATION провластной позиции происходит через нормативную номинацию первых лиц государства, в частности президента. Так, блогеры, поддерживающие политику действу-

ющего президента России, называют его «Владимир Владимирович», «Владимир Путин», «В. В. Путин», «Президент РФ». Эмплицитное подтверждение авторской провластной позиции можно обнаружить в более широком контексте, например:

Искренне надеюсь, что Владимир Владимирович свои финальные 4 года у руля России сможет выправить ситуацию и проведёт их так же бодро как свой первый срок, во время которого мы все поверили в светлое будущее нашей страны.

[<https://zen.yandex.ru/media/id/5da2261b74f1bc00b03e544e/kak-izmenialis-reitingi-putina-medvedeva-i-edinoi-rossii-v-10e-goda-5e22cc6b477bf00adcded1>]

Нормативная, даже уважительная номинация президента страны сама по себе имплицитно провластную позицию автора, а широкий контекст лишь подтверждает это предположение.

Блогеры, придерживающиеся оппозиционных взглядов, в качестве обозначения первых лиц государства употребляют ненормативные номинации, что имплицитно их политическую позицию.

Оппозиционные взгляды могут выражаться с помощью визуальных элементов, например:

Итоги обращения президента

[https://www.reddit.com/r/politota/comments/fu2ryr/итоги_обращения_президента/]

Отметим, что инференцию смысла в данном случае облегчает заголовочная заметка. Приведенный мем имплицитно конфликтует с позицией

президента (мужчина слева, ему приписаны слова из обращения президента России в связи с пандемией коронавируса) и позиции граждан страны (мужчина справа). Поскольку автор поста – обыватель, мы считаем, что он ассоциирует себя с персонажем справа, выражающим недоумение о судьбе простых людей, в сложный период пандемии оказавшихся без государственной поддержки. Этот персонаж конфликтует с персонажем, обозначающим президента, что имплицитно выражает оппозиционные взгляды.

Приведем еще один пример:

За последний месяц нынешняя российская #власть перешла ещё одну черту. Нет, речь не о загадочных «красных линиях» в отношениях с США в частности и с Западом в целом. Преодолен рубикон более важный – и чисто во внутренней политике. В отношении «своих» сограждан. И оказалось, что многое из того, что прежде было нельзя, теперь вдруг не только можно, а даже и нужно. <...>

Теперь оказалось, что можно выдумывать уголовные и административные дела практически из воздуха.

[https://a-nalgin.livejournal.com/2045301.html?utm_source=popular]

Автор пишет о некоей точке невозврата, используя переиначенное крылатое выражение. Во внутренней политике произошло нечто настолько важное, что жизнь граждан больше не будет прежней. Закавыченное притяжательное местоимение «своих» также имплицитно, что общего у власти и граждан страны мало. Местоименное прилагательное «многое», что теперь власти можно в отношении собственных граждан, заставляет реципиента прикладывать дополнительные когнитивные усилия для инференции смысла. Мы видим в этих приемах нагнетание негативных эмоций у аудитории в отношении действующей власти. Соответственно и сам автор испытывает аналогичные эмоции. Последнее предложение эксплицитно выражает негативный смысл, а также авторские оппозиционные взгляды.

На политическую позицию автора-обывателя может имплицитно указывать платформа, на которой он размещает свои посты. Е. Г. Борисова отмечает важность учета типа дискурса, предлагая алгоритм анализа текстов на предмет выявления и описания авторских систем ценностей. Исследователь пишет, что «в первую очередь следует обратить внимание на тип дискурса, так как это уже задает определенные взгляды» [14: 57]. Мы же считаем, что блогерская платформа может задавать определенные взгляды, ценности и позицию автора.

Следующая запись была размещена в либертарианском треде на платформе reddit.com:

Private Companies Enacting Mandatory Mask Policies is a Good Thing

*Whether you're for or against masks as a response to COVID, I hope everyone on this sub recognizes **the importance of businesses being able to make this decision**. While I haven't seen this voiced on this sub yet, I see a disturbing amount of people online and in public saying that it is somehow a violation of their rights, or otherwise immoral, to require that their customers wear a mask.*

*As a friendly reminder, **none of us have any "right" to enter any business, we do so on mutual agreement with the owners. If the owners decide that the customers need to wear masks in order to enter the business, that is their right to do.***

*Once again, I hope that this didn't need to be said here, but maybe it does. I, **for one, am glad that citizens** (the owners of these businesses), not the government, **are taking initiative to ensure the safety, perceived or real, of their employees and customers.***

Peace and love.

[https://www.reddit.com/r/Libertarian/comments/hs16rc/private_companies_enacting_mandatory_mask/]

Размещение записи именно в либертарианском треде имплицитно подразумевает принадлежность автора к либертарианской идеологии. Широкий контекст заметки подтверждает это предположение, так как автор эксплицитно транслирует

ценности либертарианства: уважение частной собственности, признание важности частных инициатив.

Выводы

Политический блог представляется нам продолжением, расширением во внешний мир его автора. Посредством блога автор сообщает миру о собственных политических убеждениях и позиции. Имплицируемая в блоге политическая позиция может варьироваться в зависимости от рода деятельности автора и от степени его институционализированности.

Так, официальные политические деятели имплицитно выражают преданность стране и людям, которым они служат. Это является инструментом создания положительного имиджа политического лица. Кроме того, официальные политики используют имплицитное выражение своей политической позиции как средство борьбы в период выборов или референдумов.

Неофициальные политики, не участвующие в государственных политических процессах, имплицитно транслируют оппозиционные взгляды относительно действующей власти.

Журналисты и политологи, как и обыватели, имплицитно выражают целый спектр политических убеждений, специфика которых зависит от конкретного блогера.

Также важным инструментом имплицитной позиции автора политического блога служит платформа, на которой автор размещает свои посты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
2. Кудимова О. С. К истории блога как типа масс-медиа: зарождение политических блогов в России // Казанская наука. 2018. № 11. С. 42–44.
3. Ребрина Л. Н. Немецкоязычные политические блоги как актуальная протестная практика в контексте медиатизации и постулатов конфликтологии // Научный диалог. 2020. № 6. С. 129–146. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-6-129-146>
4. Милованова М. В., Терентьева Е. В. Русскоязычные политические блоги как актуальная практика протестной коммуникации: системно-коммуникативные измерения // Научный диалог. 2020. № 6. С. 101–116. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-6-101-116>
5. Sanches-Villar J., Bigne E., Aldas-Manzano J. Blog influence and political activism: An emerging and integrative model // Spanish Journal of Marketing. 2017. № 2. P. 102–116. <https://doi.org/10.1016/j.sjme.2017.02.002>
6. Blommaert J. Political discourse in post-digital societies // Trabalhos em Linguística Aplicada. 2020.

Vol. 59, № 1. P. 390–403. <http://dx.doi.org/10.1590/01031813684701620200408>

7. Дубровская Т. В. Типы диктумного и модусного имплицитного содержания в политической интернет-коммуникации // Политическая лингвистика. 2020. № 4 (82). С. 22–31. <https://doi.org/10.26170/pl20-04-02>

8. Кудимова О. С. Речевые манипуляции в политическом блоге // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: материалы IV Международной научно-практической конференции (Москва – Пенза, 15–16 марта 2018 г.) / отв. ред. Д. Н. Жаткин, Т. С. Круглова. Пенза: Издательство Пензенского государственного технологического университета, 2018. С. 410–422.

9. Привалова И. В. Деиндивидуализация сообщений в блогосфере // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2020. № 1. С. 25–31. <https://doi.org/10.18413/2712-7451-2020-39-1-25-25>

10. Terkourafi M. Indirectness in the age of globalization: A social network analysis // Russian Journal of Linguistics. 2019. Vol. 23, № 4. P. 930–949. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2019-23-4-930-949>

11. Кочеткова М. О. Трансформация «образа автора» в блоге как отражение социокультурно обусловленной жанровой динамики блогосферы (на примере блогов, реализующих политическую тематику) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 17–27. <https://doi.org/10.17223/15617793/407/3>

12. Boyd D. A blogger's blog: Exploring the definition of a medium // *Reconstruction*. 2006. Vol. 6, № 4. URL: <https://www.danah.org/papers/ABloggersBlog.pdf> (дата обращения: 20.07.2020).

13. Маклюэн Г. М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М. ; Жуковский : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.

14. Борисова Е. Г. Общественные ценности в языке современных медиа: способы выявления // Язык, право и общество в координатах массмедиа: сб. материалов III Междунар. науч. конф. / ИЗиСП ; под ред. И. В. Анненковой, Л. Р. Дускаевой. М. : ИЗиСП, ИД Юриспруденция, 2020. С. 55–58.

REFERENCES

1. Demytyev V. V. *Teorija rechevykh zhanrov* [Speech Genres Theory]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (in Russian).

2. Kudimova O. S. On the history of the blog as a type of mass media: The birth of political blogs in Russia. *Kazan Science*, 2018, no. 11, pp. 42–44 (in Russian).

3. Rebrina L. N. German political blogs as an actual protest practice in the context of mediatization and postulates of conflictology. *Nauchnyj dialog* (Science Dialogue), 2020, no. 6, pp. 129–146 (in Russian). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-6-129-146>

4. Milovanova M. V., Terent'eva E. V. Russian political blogs as an actual practice of protest communication: Systemic and communicative dimensions. *Nauchnyj dialog* (Science Dialogue), 2020, no. 6, pp. 101–116 (in Russian). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-6-101-116>

5. Sanches-Villar J., Bigne E., Aldas-Manzano J. Blog influence and political activism: An emerging and integrative model. *Spanish Journal of Marketing*, 2017, no. 2, pp. 102–116. <https://doi.org/10.1016/j.sjme.2017.02.002>

6. Blommaert J. Political discourse in post-digital societies. *Trabalhos em Linguística Aplicada*, 2020, vol. 59, no. 1, pp. 390–403. <http://dx.doi.org/10.1590/01031813684701620200408>

7. Dubrovskaja T. V. Types of dictum and modus implicit content in political internet communication. *Politi-*

cal Linguistics, 2020, no. 4 (82), pp. 22–31 (in Russian). <https://doi.org/10.26170/pl20-04-02>

8. Kudimova O. S. Speech manipulations in political blogs. *Rossija v mire: problemy i perspektivy razvitiya mezhdunarodnogo sotrudnichestva v gumanitarnoj i sotsial'noj sfere: materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii (Moskva – Penza, 15–16 marta 2018 g.)*. Otv. red. D. N. Zhatkin, T. S. Kruglova [Zhatkin D. N., Kruglova T. S., eds. Russia in the world: Problems and prospects for the development of international cooperation in the humanitarian and social sphere: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference (Moscow – Penza, March 15–16, 2018)]. Penza, Penza State Technological University Publ., 2018, pp. 410–422 (in Russian).

9. Privalova I. V. Deindividualization of posts in the blogosphere. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 2020, no. 1, pp. 25–31 (in Russian). <https://doi.org/10.18413/2712-7451-2020-39-1-25-25>

10. Terkourafi M. Indirectness in the age of globalization: A social network analysis. *Russian Journal of Linguistics*, 2019, vol. 23, no. 4, pp. 930–949. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2019-23-4-930-949>

11. Kochetkova M. O. The transformation of the “author’s image” in the Blog as a reflection of the socially and culturally conditioned genre dynamics of the blogosphere (based on blogs that implement political topics). *Tomsk State University Journal*, 2016, no. 407, pp. 17–27 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/407/3>

12. Boyd D. A blogger's blog: Exploring the definition of a medium. *Reconstruction*, 2006, vol. 6, no. 4. Available at: <https://www.danah.org/papers/ABloggersBlog.pdf> (accessed July 20, 2020).

13. Makljuven G. M. *Ponimanie media: Vneshnie rasshirenija cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moscow, Zhukovskij, KANON-press-Ts, Kuchkovo pole Publ., 2003. 464 p. (in Russian).

14. Borisova E. G. Social values in the language of modern media: Methods of detection. *Jazyk, pravo i obshchestvo v koordinatakh massmedia: sb. materialov III Mezhdunar. nauch. konf. / IZiSP; pod red. I. V. Annenkovoj, L. R. Duskaevoj* [Annenkova I. V., Duskaeva L. R., eds. Language, law and society in the coordinates of the mass media: materials of the III International scientific conference]. Moscow, IZiSP, ID Jurisprudencija Publ., 2020, pp. 55–58 (in Russian).

Поступила в редакцию 18.05.2021; одобрена после рецензирования 15.07.2021; принята к публикации 24.08.2021
The article was submitted 18.05.2021; approved after reviewing 15.07.2021; accepted for publication 24.08.2021

ЖАНРЫ В ФИЛО- И ОНТОГЕНЕЗЕ

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 195–204

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 195–204

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-195-204>, EDN: GIDQNH

Научная статья

УДК 81'42

Признаки игры в жанровой структуре девичьего альбома

Т. Г. Рабенко[✉], Я. О. Горовая

Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6

Рабенко Татьяна Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики, tat.rabenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3434-8542>

Горовая Яна Олеговна, аспирант кафедры стилистики и риторики, sinkina20@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6394-1738>

Аннотация. Актуальность исследования определяется его вписанностью в теорию естественной письменной речи в той ее части, которая посвящена изучению жанровой организации этого вида письменноречевой деятельности. Жанр девичьего альбома, рассматриваемый как жанрово-письменная реализация фатико-игрового поведения, описывается с позиции доминантно-детерминантного подхода. В аспекте внешней детерминации прослеживается обусловленность игровой интенции жанра его социальной средой. С точки зрения внутренней детерминации выявляется зависимость жанровых признаков внутри речевого произведения. Игровая интенция расценивается как жанровая доминанта, на уровне которой прослеживается взаимосвязь экстралингвистических и собственно лингвистических признаков текста. Установлено, что девичий альбом, отражая процесс социализации девичества, моделирует фатико-игровое пространство, где в ходе доверительного общения со сверстниками можно обсудить «взрослые» темы. Игра находит воплощение на уровне экстралингвистических условий порождения текста: пространственно-временной организации альбомного общения (функционирование альбома в замкнутой социокультурной среде); отбора участников коммуникации; развертывания коммуникации с учетом ее регламентированности и вместе с тем наличия некоторой свободы речевых действий участников. Игровое начало проявляется на собственно языковом уровне речевого произведения: в рамках структурно-содержательного обустройства текста (направленность разделов девичьего альбома на поддержание фатико-игрового формата общения; жанровая типизированность текстов); языкового воплощения жанра (использование молодежного сленга; поликодовость текста; языковая игра). В итоге, игровая доминанта девичьего альбома детерминирует промежуточное положение альбомной коммуникации между областями реального и ирреального в языковом сознании членов альбомного сообщества. Способы организации игрового дискурса в девичьем альбоме основаны на правилах, предписанных законами жанра и направленных на моделирование виртуального варианта действительности, сообразного социокультурному статусу членов альбомного сообщества.

Ключевые слова: естественная письменная речь, девичья субкультура, девичий альбом, игра, языковая игра, Хейзинга

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 20-412-420005 p_a).

Для цитирования: Рабенко Т. Г., Горовая Я. О. Признаки игры в жанровой структуре девичьего альбома // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 195–204. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-195-204>, EDN: GIDQNH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Play characteristics in the genre structure of girl's diary

T. G. Rabenko[✉], Ya. O. Gorovaya

Kemerovo State University, 6 Krasnaya St., Kemerovo 650000, Russia

Tatyana G. Rabenko, tat.rabenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3434-8542>

Yana O. Gorovaya, sinkina20@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6394-1738>

Abstract. The relevance of the research is determined by its inclusion into the theory of natural written speech, namely, into the study of genre organization of this type of writing and speech activity. The genre of a girl's diary, considered as a written implementation of a phatic playful behavior, is described from the point of a dominant determinant approach. In the aspect of external determination, the genre playful intent is researched through its social environment analysis. In the aspect of internal determination, the dependence of genre features within a discourse unit is revealed. The playful intention is regarded as a genre dominant, at the level of which the interrelation of extralinguistic and linguistic features of the text is analyzed. The authors of the paper claim that a girl's diary, reflecting the process of a girl's socialization in her girlhood, construes a phatic play space where the "adult" topics can be discussed in confidential communication with the people of the same age. The play is embodied at the level of extralinguistic conditions of a text generation: the spatial and temporal organization of diary communication (the functioning of the diary in a closed socio-cultural environment); the selection of communication participants; the deployment of communication, considering its regularity and some freedom of speech actions of the participants. The play principle is represented at the linguistic level of speech, within the framework of the structural and content arrangement of the text (the tendency of the sections of the girl's diary to keep to the phatic play format of communication; specific genre types of texts); the linguistic embodiment of the genre (usage of youth slang; a multi-coded text; a language play). As a result, the play dominant of a girl's diary determines the intermediate position of diary communication between the real and unreal areas in the language consciousness of the diary community members. The ways of a play discourse structuring the girl's diary are based on the rules prescribed by the genre standards; they aim at modeling a virtual version of reality, which correlates with the socio-cultural status of the diary community members.

Keywords: natural written speech, girls' subculture, girls' diary, play, language play, Huizinga

Acknowledgements. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-412-420005 r_a).

For citation: Rabenko T. G., Gorovaya Ya. O. Play characteristics in the genre structure of girl's diary. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 195–204 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-195-204>, EDN: GIDQNH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Устремленность лингвистической науки на «постижение языка в тесной связи с человеческим сознанием, мышлением, культурой, предметно-практической и духовной деятельностью» [1: 8] способствует вовлечению в научное исследование речи не только профессионально подготовленной, устно- или письменно-литературной, но и разговорной (естественной), представленной в сфере повседневного общения (о видах речевой деятельности, выделяемых в системе координат устная/письменная и естественная/искусственная см. [2: 34]). Актуализация идеи об эвристической значимости описания естественной речи в ее различных жанровых проявлениях приводит к осознанию идеи о выдвигании в качестве особого предмета научных изысканий естественной письменной речи (далее ЕПР), связанной с изучением речевой деятельности рядового носителя языка (и ее результата – текстов) [2: 95; 3: 7]. Представление о ЕПР как естественной письменноречевой деятельности, обнаруживающей ярко выраженное авторское начало и не предполагающей участия в создании и редактировании текстов каких-либо оценивающих субъектов (корректоров, редакторов), легло в основу научной гипотезы настоящего исследования: естественные

письменные репрезентации рядового носителя языка, в осуществлении которых человек не направлен на решение презентационной задачи и которые не предполагают некой сторонней оценивающей (корректирующей) позиции, могут послужить источником изучения языковой личности автора текста (в нашем случае языковой личности девочки-подростка), рассматриваемой на определенном этапе ее социализации.

Одной из типовых моделей построения речевого произведения, отражающей процесс гендерной социализации субъекта [4: 3; 5], является девичий альбом, рассматриваемый как жанровое воплощение фатико-игрового поведения личности.

Цель настоящей работы – выявить признаки игры в жанровой структуре девичьего альбома. При этом игровая интенция оценивается нами как доминантный признак этой жанровой формы (жанровая доминанта), на уровне которого прослеживается взаимосвязь экстралингвистических (коммуникативно-прагматических, социокультурных) и собственно лингвистических признаков речевого произведения.

Эмпирической базой исследования послужили архивные материалы лаборатории естественной письменной речи Кемеровского государственного университета – рукописные

девичьи альбомы, созданные девочками-подростками 12–15 лет. Время создания – преимущественно конец 1990-х–2000-е гг. (всего 24 рукописных альбома).

Актуальность предпринимаемого исследования определяется его вписанностью в теорию ЕПР в той части, которая связана с выявлением специфических свойств ЕПР в ее жанровом преломлении. Установлено, что внутренний план бытия личности (в случае девичьего альбома личности девочки-подростка) для стороннего исследователя может быть проявлен посредством различных знаковых репрезентаций. Один из таковых путей постижения внутреннего плана существования личности связывается с изучением ее естественных письменных репрезентаций, выявлении жанров ЕПР, в которых языковая личность наиболее проявлена и наименее зависима от стороннего оценивания (оценивания как способа коррекции деятельности). Девичий альбом в связи с этим представляется такой жанровой формой письменной-речевой деятельности, в которой участники коммуникации, реализуемой в формате игры, свободны в своем речепроявлении, хотя степень этой свободы ограничена законами жанра (отсюда типизированность диктумно-модусного содержания текстов альбома, их композиционной структуры и языковой реализации).

Признаки игры в жанре девичьего альбома

Установлено, что феномен игры, обладая сущностной многомерностью, характеризующейся обилием механизмов, приемов и функций, проявляется во многих сферах человеческой деятельности: правосудии, политике, философии, искусстве, словесности в ее различных проявлениях (см. работы Л. Витгенштейна 1985, Т. А. Гридиной 1996, Е. А. Земской 1983, Б. Ю. Нормана 2006, В. З. Санникова 2005, Й. Хейзинги 1992). Изучение феномена игры с позиции лингвистической науки детерминировано представлением о людической функции языка. Последняя проявляется в «двойном языковом коде, которым, благодаря словесной игре, и автор, и реципиент, пользуются, переходя с эксплицитного способа выражения восприятия смысла на имплицитный и наоборот, что и определяет обоих как *Homo ludens*» [6: 27].

Игра, будучи особым видом социальной деятельности, находит последовательную реализацию на страницах девичьего альбома. С учетом тезиса М. М. Бахтина о том, что «каждый жанр по-своему тематически ориентируется на жизнь, на ее события, проблемы» [7: 175], жанр девичьего альбома предстает как

такая жанровая форма, которая отражает процесс социализации девочек-подростков в своей культурной среде и одновременно способствует ему. В ходе этого процесса происходит осмысление ценностных ориентаций подростка, обусловленных его социокультурным опытом.

В рамках коммуникативного события, связанного с жанром девичьего альбома, возникает искусственная (виртуальная) реальность, которая существует «в обязательном режиме дополнительности по отношению к подлинной реальности» [8: 7]. Ирреальность мира, возникающего на страницах альбома, его иллюзорность осознается и самими участниками коммуникации:

*«Не верь тому, кто здесь напишет,
В альбоме редко, кто не врёт.
В альбоме всё любовью дышит,
А в сердце холодно, как лёд».¹*

Вовлечение в игру через средство конструирования этой искусственной реальности позволяет альбомному сообществу «применить множество костюмов, масок, попробовать те или иные роли, предпочитая понравившиеся и отбрасывая то, что оказалось не по вкусу» [9: 80]. В ряду таких речевых масок возможны маска «эксперта», искусственного в вопросах любви: «Если хочешь всю жизнь без печали прожить, постарайся, мой друг, никогда не любить», «Запомни эту фразу: не люби двух сразу» (совет хозяйке альбома); маска «реалиста» («нигилиста»), далекого от романтических отношений, а потому игнорирующего вопросы о симпатии к некоему молодому человеку и воздерживающегося от комментирования альбомной лирики и др.

В итоге, исследуемый жанр, овладевая «определенными сторонами действительности», обнаруживает «определенные принципы отбора [...] формы видения и понимания этой действительности» [7: 176–177], детерминируемые социокультурными и гендерно-возрастными особенностями автора речевого произведения. При этом под автором речевого произведения вслед за Т. В. Шмелевой понимается участник общения, информация о котором «заложена» в типовом проекте РЖ, и эта информация обеспечивает ему успешное осуществление [10: 88]. На основе изучения принципов отбора материала, «формы видения и понимания действительности» формируется некий социокультурный типизированный портрет автора девичьего альбома, а в более широком масштабе речевая картина эпохи, оцениваемая на уровне отдельного жанра [11: 178].

Будучи жанровым представлением письменной-речевой личности, находящейся на этапе

¹Здесь и далее сохраняется авторская орфография и пунктуация.

социализации, девичий альбом обнаруживает ряд признаков игры. Обозначим их с учетом тех характеристик игры, которые даны в работе Й. Хейзинги [12].

I. Признаки игры на уровне экстралингвистических (прагматических, социокультурных) характеристик речевого произведения

I.1. Пространство и время, обособление от обыденной жизни местом и продолжительностью. Определяющим фактором существования альбомной традиции является наличие замкнутой социокультурной среды (школа, в особенности интернатного типа, летний лагерь, больница и пр.). Состав участников альбомной коммуникации определен их социокультурными потребностями. На этапе становления альбомного сообщества альбом способствует социальному ориентированию хозяйки альбома в группе сверстниц, позволяет ей определить свое место в этой группе. В сложившемся сообществе альбом помогает поддерживать состоявшиеся отношения и привлекать в альбомную коммуникацию новых участников.

Жанроворелевантным является возрастной ценз авторов альбомных записей: ведение альбома значимо, как правило, для девочек-подростков 12–15 лет. Вступая в пору подростковой, субъект в этом возрасте обнаруживает определенный внутренний конфликт: потребность в обособлении, утверждении себя как личности и потребность в социализации, желании быть частью группы, отличной от семьи (чаще всего группы сверстников). Девичий альбом позволяет реализовать эту потребность – стремление к обособлению и одновременно причастности к группе, имеющей общие с субъектом интересы. К чтению альбома и внесению в него записей допускаются только приближенные к хозяйке тетради лица, преимущественно девочки – ее сверстницы. Молодым людям чтение альбома не допускается. Это становится возможным только в случае благожелательного отношения владелицы альбома к молодому человеку и, в свою очередь, его поддержки альбомной традиции [13: 265]. «*Мальчишки прочь*», – читаем на форзаце одного из альбомов. Записи молодых людей, как правило, лаконичны и однообразны, большая часть вопросов остается неотвеченной. Ср. ответы на вопрос анкеты «Что бы тебе хотелось мне пожелать?»: «*Здоровья, удачи, много денег*» (ответ молодого человека); «*Будь всегда здоровой. Будь всегда счастливой. Будь всегда прикольной. Классной доброй милой*» (ответ девушки). Тем не менее, присутствие в альбоме «мальчишковых» записей является значимым фактом при характеристике хозяйки альбома,

поскольку данный факт говорит о ее популярности в рамках определенной социовозрастной группы и социальной активности.

I.2. Определенные правила игры, т. е. условия, которые регламентируют возможные действия «игроков» в процессе игры.

Игровую тональность общения задает владелица альбома, встречая потенциальных собеседников шутивными стихами, размещенными на форзаце. Тексты зачинов, как, впрочем, и большая часть текстов, размещенных на страницах альбома, не являются авторскими, они однотипны в разных альбомах. См. пример подобного текста.

*«Бом, бом, бом,
Начинается альбом.
Кто возьмет его без спроса,
Тот останется без носа».*

М. В. Калашникова относит подобного рода тексты к числу структурообразующих: в этих текстах осуществляется знакомство с владелицей альбома и формулируются правила обращения с ним [14: 11]:

*(1) «Ошибки есть – не отрицаю,
Но исправлять не разрешаю».*
*(2) «Альбом – не тетрадь,
Листы не вырывать.
И прошу еще о том:
Не писать карандашом!»;*

Хозяйка альбома инициирует диалог самостоятельным заполнением первых страниц разделов. Порядок действий членов альбомного сообщества предопределяет номинация разделов, которая зонировывает пространство альбома. С учетом типа адресованности в структуре девичьего альбома выделяются три группы разделов:

разделы, заполнение которых предполагается владелицей альбома («О себе», «Моя семья», «Мои любимцы» и др.);

разделы, ориентированные на заполнение другими коммуникантами («Анкета для друзей», «Мой класс», «Мои друзья», «Страничка автографов»). Данные разделы сопровождаются авторскими пояснениями относительно содержания и оформления разделов: «*Здесь ты можешь оставить свой автограф*» (раздел «Страничка автографов»), «*Напиши свою ФИО и телефон*» (раздел «Мой класс»);

разделы, которые заполняются всеми участниками коммуникации. Их содержание направлено на отражение эстетических и морально-этических предпочтений пишущего («Любимые стихи», «Любимые песни», «Афоризмы»).

I.3. Состязательный элемент. Существование альбомной традиции сопровождается известной долей соревновательности между владелицами альбомов. Соперничество возникает в аспектах эстетического оформления

альбома (количество и подбор рисунков, фотографий, наклеек и др.), его содержательной составляющей (объем и оригинальность представленных текстов), социального охвата участников (количество членов альбомного сообщества, степень их популярности в рамках некой социовозрастной группы).

Элемент состязательности возникает не только между владелицами альбомов, но и другими членами альбомного сообщества, что выражается в стремлении использовать уникальные для данной субкультуры тексты. В качестве источников текстов для альбома выступают различные издания: книги (рис. 1, где представлено стихотворение А. С. Пушкина), журналы, открытки, самодельные рукописные сборники. Переписывание текстов зачастую сопровождается их трансформацией, что приводит к появлению вариантов. В ряде случаев переписывание имеет чисто механический характер, потому один и тот же текст повторяется в разных альбомах [14: 21].

II. Признаки игры на уровне языкового воплощения жанра

II.1. Структурно-композиционное оформление текста. Структурно-композиционная организация девичьего альбома, его содержа-

тельное наполнение определены альтерадресатной направленностью жанра [13: 262–275]. Рубрикация девичьего альбома, номинация рубрик, их сущностное содержание детерминированы сферой интересов той социовозрастной группы, к которой принадлежит адресат. Аксиологической доминантой, центрирующей содержательное поле девичьего альбома, является доминанта любви. Тема любви ложится в основу разделов альбома, которые поддерживают фатико-игровую направленность жанра (рис. 2).

«Гадалки». Представляют собой описание методик, позволяющих узнать свое будущее, к примеру, имя суженого, отношение молодого человека к хозяйке альбома и др. Подобного рода фатическое поведение выступает как речевая форма реализации развлекательной функции девичьего альбома, связанной с возможностью удержать внимание собеседника посредством непринужденного времяпрепровождения, игры. В качестве иллюстрации этого раздела гадание «ЛУРНИСТ» (Любит, Уважает, Ревнует, Ненавидит, Ищет, Снишься, Тоскует), основанное на предсказании будущих событий посредством учета числа букв в фамилии или имени молодого человека, отношение которого к себе хочет выяснить гадающий. О девичьих графических гаданиях см. [4: 33].

Рис. 1. Пример использования текстов классических авторов (стихотворение А. С. Пушкина «Портрет»)
Fig. 1. An example of classical texts usage (Alexander Pushkin's poem "A Portrait")

Рис. 2. Пример реализации любовной тематики в девичьем альбоме
Fig. 2. An example of love topic usage in a girl's diary

«Чихалки», «Икалки», «Чесалки», «Спотыкалки». Эта разновидность гаданий, являя собой пример «тотальной любовной семиотизации повседневности» [4: 38], направлена на семантизацию определенных физических проявлений (чих, икота и пр.), значение которых зависит от дня недели и часа их проявления. На одной из страниц девичьего альбома читаем:

«Пятница.

6–7 часов – вас пригласят на свидание;

7–8 часов – вам признаются в любви;

8–9 часов – счастливая личная жизнь;

9–10 часов – интерес со стороны брюнета;

10–11 часов – встретишься с симпатичным парнем;

11–12 часов – поцелуй с парнем» и под.

(Чихалка).

«Секретки». Представляют собой игровой элемент альбомной коммуникации, оформленный в виде свернутого в треугольник альбомного листа или вклеенного в альбом конверта с вкладышем с интригующим текстом на внеш-

ней части бумажной конструкции и неожиданным содержанием внутри:

(1) «Ты открой и посмотри,
Что там прячется внутри».

(2) «Кто откроет мой секрет,
Тому я дам 100 грамм конфет»
(на сгибе страницы).

«Извините – денег нет,
Не могу купить конфет»

(на развороте страницы).

Возможны варианты, где на развороте «секрета» содержится текст с информацией о симпатии к молодому человеку «Мне нравится Игорь. Никому не говори!», с обращением к друзьям «Ты мой друг навеки!». Текст может вовсе отсутствовать, что, в свою очередь, также является игровым элементом, который рассчитан на эффект обманутого ожидания.

Несмотря на то, что содержание «секретов» зачастую заранее известно читателю, «секретки» являются неотъемлемой частью девичьего альбома, они способствуют поддержанию читательского интереса, вовлечению

коммуникантов в игровое пространство альбома [14: 13].

II.2. Поликодовость альбомного текста (кодирование сообщения разнородными семиотическими средствами).

II.2.1. Креолизация текста, основанная на совмещении гетерогенных средств – вербальных и иконических: рисунков, фотографий, символов, смайлов (рукописное изображение улыбающегося человеческого лица; комбинации пунктуационных знаков для выражения эмоционально-оценочных созначений, свойственных единицам текста). Последние, будучи одной из характерных признаков интернет-общения, активно включаются в альбомы преимущественно 2000-х гг.: «I ♥ you! Я тебя люблю!», «Всем привет! Меня зовут Ксюш@@@!», «Привет друзья! 😊 😊 😊».

Письменная форма воплощения текста позволяет широко задействовать графические приемы, направленные на привлечение внимания адресата: разнообразие шрифтов, подчеркивание, расположение текста в виде лесенки:

(1) *«Оставайся такой же как была, учись на б, быстро бегай, со всеми дружи, не ссорься ни с кем, не получай двойки и колы, тройки, замечания, живи, болдей, никогда не голдей, тусуйся, красуйся, катайся в Китай, Англию, Суздаль и не зевай».*

(2) *«Не говори, что мир печален,
Не говори, что трудно жить.
Сумей, среди жизненных развалин
БОРОТЬСЯ,
ВЕРИТЬ
И ЛЮБИТЬ».*

Поддача информации по двум каналам коммуникативной связи – словесной и визуальной – значительно расширяет ряд дополнительных коннотативных значений. В связи с этим выделяются два типа текстов.

Тексты с частичной креолизацией [15: 86] (в исследуемом материале преимущественно представлены тексты данного типа), где вербальные и иконические компоненты находятся в автосемантических отношениях: вербальная часть является сравнительно автономной и «изобразительные элементы текста оказываются факультативными». К такого рода текстам относятся стихотворные клише, пожелания, песни, сопровождаемые рисунками. См. примеры из альбомной лирики (1) и раздела «Пожелания» (2).

(1) *«Черная роза – эмблема печали
Красная роза – эмблема любви
Тебя обманули, тебя приласкали
И бросили наземь, сказали – цвети!»*

(данный текст сопровождается изображением розы с черным и красным бутонами);

(2) *«Пусть всегда будет солнце!»*

(пожелание сопровождается изображением солнца в солнцезащитных очках).

Тексты с полной креолизацией [15: 86], в которых вербальный и иконический компоненты связаны синсемантическими отношениями: «вербальный текст полностью зависит от изобразительного ряда». К примеру, ответом на вопрос «Любимое время года» служит изображение в виде наклейки, где на фоне зимнего пейзажа изображен дрожащий от холода юноша в теплой шапке и пальто; а в ответ на вопрос «Любимая певица» (этот вопрос сопровождается изображением скрипичного ключа и нот, что визуально усиливает восприятие вопроса), помещается фотография известной певицы (вероятно, творчество изображенной знаменитости и представляет интерес для пишущего).

II.2.2. «Шифрование» как ребусное представление информации. Подобный формат кодирования информации используется с целью поддержания некой обособленности (изолированности) членов альбомного сообщества, создания определенной интриги на фоне обладания общей для этой группы тайной. О «девичьих тайных языках» и целях их создания см. [4: 14].

Обнаруживается два вида шифрования. Первый вид шифрования – это искусственный алфавит, придуманный автором альбома или группой авторов (хозяйкой альбома и другими членами сообщества). Фрагменты текста, оформленного с учетом придуманной знаковой системы, оказываются понятными лишь ограниченной группе лиц, находящихся в дружеских (доверительных) отношениях. Расшифровка знаков алфавита размещается на последней странице тетради либо хранится у каждого участника альбомного сообщества. Получение расшифровки или возможности «списать» ключ расценивается подростками как особый знак доверия (подобный тип шифрования представлен на рис. 3).

Второй вид кодирования – шифрование имени и фамилии как воплощение знаковой формы игровой культуры. Отсутствие идентификации с конкретным лицом дает автору альбома больше свободы действий в отношении альбома и участников альбомной коммуникации. Подобный шифр оформляется в стихотворной форме и размещается на первой странице.

*«На М моя фамилия,
На А меня зовут,
На К – подруга милая,
На С – мой лучший друг».*

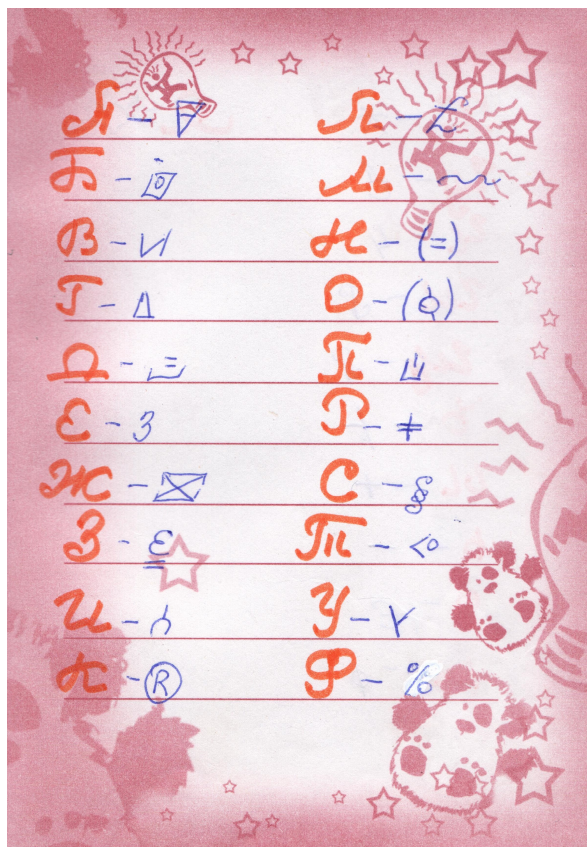

Рис. 3. Пример альбомного шифрования

Fig. 3. An example of a diary cyphering

II.3. Языковая игра в структуре девичьего альбома. Моделирование особого мира альбомной коммуникации, вовлечение в этот мир участников, лишь посвященных в его тайны, предопределяет особое языковое воплощение текста. Участники альбомного сообщества активно используют элементы молодежного сленга как лексики, специфичной для данной возрастной группы, что позволяет подросткам очертить свою социальную принадлежность, противопоставить себя миру взрослых. Полагаем, что использование жаргонизмов является вместе с тем и следствием принадлежности девичьего альбома к сфере ЕПР: речевые произведения ЕПР – это «территория личной свободы», где «значимость внешней нормативности резко снижается» [2: 38].

Стремление участников альбомной коммуникации проявить себя среди сверстников ярким и эмоциональным выражением мысли, вовлекая собеседника в особое игровое пространство, побуждает к нестандартному словотворчеству. Языковая неправильность (или необычность), осознаваемая пишущим и намеренно допускаемая [16: 23], воплощается на страницах девичьего альбома с помощью приемов, использование которых поддерживается игровым форматом жанра девичьего

альбома. Обозначим приемы языковой игры, обнаруживаемые в девичьем альбоме.

1. Игровая фонетизация письма, где игровой эффект создается посредством намеренного нарушения языковых норм. Данный прием обнаруживается в девичьих альбомах более позднего периода (2000-е гг.), когда получает широкое распространение интернет-коммуникация. Слова сетевого сленга (олбанский язык), делая речь эмоционально выразительной, активно проникают на страницы рукописных девичьих альбомов (впрочем, и других текстов ЕПР): *аффтар вылей йаду* (критическая реакция на вопрос анкеты альбома); *исчо* (еще), *ржунимагу* (подпись под детской фотографией хозяйки альбома).

2. «Латинизация» русскоязычной лексики: «А у нас с Сашкой любовью! Это секрет! Никому не говори! Океюшки?».

3. Изменение известных изречений, пословиц, поговорок и т. п. См. ответы на вопрос анкеты «Твоя любимая пословица»: «У бобра добра не ищут» (От добра добра не ищут), «Одна голова хорошо, а две уже некрасиво» (Одна голова – хорошо, а две – лучше).

4. Использование в качестве обращения к владелице альбома уменьшительно-ласкательных наименований детенышей животных, паронимически соотносимых с именем девочки: *катёнок* – Катя; *олёненок* – Оля.

Выводы

Таким образом, девичий альбом, отражая мировоззренческие и гендерные стереотипы девичьей среды и одновременно формируя их, моделирует особое, фатико-игровое пространство, где в ходе доверительного общения со сверстниками можно обсудить «взрослые» темы. Будучи доминантным признаком исследуемого жанра, игра определяет многие его характеристики.

Признаки игры проявляются на различных уровнях реализации речевого произведения. Игра находит свое воплощение на уровне экстралингвистических (прагматических, социокультурных) условий порождения текста:

пространственно-временной организации альбомного общения (функционирование альбома в замкнутой социокультурной среде – школе, летнем лагере);

отбора участников коммуникации с учетом их гендерно-возрастной характеристики (гомогенный состав участников коммуникации, их избирательный характер; как следствие, девичий альбом отражает собирательный социально-психологический опыт коллектива, в среде которого создается альбом); развертывания коммуникации с учетом ее регламентированности, подчиненности определенным правилам и вместе с тем

наличия некоторой свободы речевых действий участников, а кроме того, наличия соизмеримости между «игроками».

Игровое начало обнаруживается на собственно языковом уровне речевого произведения:

- 1) в рамках структурно-содержательного обустройства текста (направленность разделов девичьего альбома на поддержание фатико-игрового формата общения и возможности непринужденного времяпровождения; жанровая типизированность текстов альбома, центрируемых аксиологической доминантой любви);
- 2) языкового воплощения жанра (использование молодежного сленга как следствие свободы от внешней нормативности, характерной для ЕПР, стремления автора уйти от обыденности, скучного мира взрослых;

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Постовалова В. И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М. : Наука, 1988. С. 8–69.
2. *Лебедева Н. Б., Зырянова Е. Г., Максимова Н. Ю., Тюкаева Н. И.* Жанры естественной письменной речи: Студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка: монография. М. : Красанд, 2021. 256 с.
3. *Рабенко Т. Г.* Инвариантные и варианты признаки жанров естественной письменной речи (на материале жанров «личный дневник», «личное письмо», «личная записка») // Жанры речи. 2020. № 1 (25). С. 6–14. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-6-14>
4. *Борисов С. Б.* Субкультура девичества: Российская провинция 70–90-х гг. XX в.: автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2002. 43 с.
5. *Борисов С. Б.* Русское детство, XIX–XX вв.: культурно-антропологический словарь: в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2012. Т. 1. 832 с. ; Т. 2. 532 с.
6. *Курганова Е. Б.* Игровой аспект в современном рекламном тексте: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 121 с.
7. *Медведев П. Н. (Бахтин М. М.)* Формальный метод в литературоведении: Критическое введение в социологическую поэтику. Л. : Прибой, 1928. 232 с.
8. *Ретюнских Л. Т.* Философия игры. М. : Вузовская книга, 2002. 416 с.
9. *Попова Е. А.* Игра как способ самоидентификации человека: философско-культурологический аспект // Вестник Челябин. гос. ун-та. Философия. Социология. Культурология. 2010. № 1 (182). С. 79–84.
10. *Шмелева Т. В.* Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.
11. *Дементьев В. В.* Что дало жанроведение современной лингвистике? // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 172–194. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194>
12. *Хэйзинга Й.* Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М. : Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 464 с.

поликодовость текста, связанная с его креолизацией, шифрованием; языковая игра в ее различных видах: компрессии, игровой фонетизации письма, латинизации русскоязычной лексики, изменении известных изречений).

В итоге, игровая доминанта девичьего альбома детерминирует промежуточное положение альбомной коммуникации между областями реального и ирреального в языковом сознании членов альбомного сообщества (двуплановость альбомной коммуникации). Способы организации игрового дискурса в девичьем альбоме основаны на правилах, которые предписаны законами жанра (жанровым сценарием как типизированной моделью речевого произведения) и направлены на моделирование определенного, виртуального варианта действительности, сообразного социокультурному статусу членов альбомного сообщества.

13. *Рабенко Т. Г., Горювая Я. О.* Типы диалогичности в жанровой структуре девичьего альбома // Культура и текст. 2021. № 1 (44). С. 262–275. <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2021-1-262-275>

14. *Калашикова М. В.* Современный альбом: Типология, поэтика, функции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005. 28 с.

15. *Пересторонина И. Л., Панькова Е. С.* Понятия семиотического, креолизованного и рекламного текста в лингвистике // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. Пермь : Изд-во Перм. гос. гум.-пед. ун-та, 2012. № 9. С. 83–89.

16. *Санников В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М. : Языки русской культуры, 2002. 552 с.

REFERENCES

1. *Postovalova V. I.* The picture of the world in human life. In: *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira. Otv. red. B. A. Serebrennikov* [Serebrennikov B. A., ed. The role of the human factor in language. Language and worldview]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 8–69 (in Russian).
2. *Lebedeva N. B., Zyrianova E. G., Maksimova N. Yu., Tiukaeva N. I.* *Zhanry estestvennoi pis'mennoi rechi: Studencheskoe graffiti, marginal'nye stranitsy tetraidei, chastnaia zapiska* [Genres of natural writing: Student graffiti, marginal pages of notebooks, private note]. Moscow, Krasand Publ., 2011. 256 p. (in Russian).
3. *Rabenko T. G.* Invariant and variant signs of genres of natural written speech (based on the material of the genres “personal diary”, “personal letter”, “personal note”). *Speech Genres*, 2020, no. 1 (25), pp. 6–14 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-6-14>
4. *Borisov S. B.* *The subculture of girlhood: The Russian province of the 70–90s of the XX century*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Cultural studies). Saint Petersburg, 2002. 43 p. (in Russian).
5. *Borisov S. B.* *Russkoe detstvo, XIX–XX vv.: kul'turno-antropologicheskii slovar': v 2 t.* [Russian childhood, XIX–XX centuries: Cultural and anthropological

dictionary: in 2 vols.]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2012, vol. 1. 832 p., vol. 2. 532 p. (in Russian).

6. Kurganova E. B. *The gaming aspect in the modern advertising text*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Voronezh, 2004. 121 p. (in Russian).

7. Medvedev P. N. (Bakhtin M. M.) *Formal'nyi metod v literaturovedenii: Kriticheskoe vvedenie v sotsiologicheskuiu poetiku* [The Formal Method in Literary Studies: A Critical Introduction to Sociological Poetics]. Leningrad, Priboi Publ., 1928. 232 p. (in Russian).

8. Retiunskikh L. T. *Filosofia igry* [The philosophy of the game]. Moscow, Vuzovskaya kniga, 2002. 416 p. (in Russian).

9. Popova E. A. Game as a way of self-identification of a person: philosophical and cultural aspect. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philosophy. Sociology. Cultural studies*, 2010, no. 1 (182), pp. 79–84 (in Russian).

10. Shmeleva T. V. A model of the speech genre. *Zhany rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. of sci. arts], Saratov, GosUNTs "Kolledzh" Publ., 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).

11. Demytyev V. V. What has genre studies given to modern linguistics? *Speech Genres*, 2020,

no. (27), pp. 172–194 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194>

12. Kheizinga I. *Homo Ludens. V teni zavtrashnego dnia* [Homo Ludens. In the shadow of tomorrow]. Moscow, Progress, Progress-Akademiya Publ., 1992. 464 p. (in Russian).

13. Rabenko T. G., Gorovaia Ya. O. Types of dialogicity in the genre structure of a girl's album. *Culture and Text*, 2021, no. 1 (44), pp. 262–275 (in Russian). <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2021-1-262-275>

14. Kalashnikova M. V. *Modern Album: Typology, poetics, functions*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Tver', 2005. 28 p. (in Russian).

15. Perestoronina I. L., Pan'kova E. S. Concepts of semiotic, creolized and advertising text in linguistics. *Problems of Romano-Germanic philology, pedagogy and methods of teaching foreign languages*. Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University Publ., 2012, no. 9, pp. 83–89 (in Russian).

16. Sannikov V. Z. *Russkii iazyk v zerkale iazykovoi igry* [Russian language in the mirror of the language game]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2002. 552 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 28.11.2021; одобрена после рецензирования 17.01.2022; принята к публикации 03.02.2022

The article was submitted 28.11.2021; approved after reviewing 17.01.2022; accepted for publication 03.02.2022

Редактор *Е. А. Митенёва*
Корректор *Е. А. Митенёва*
Технический редактор *Т. А. Трубникова*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского».
410012, Саратовская область, Саратов, ул. Астраханская, 83

Подписано в печать 15.05.2023. Подписано в свет 31.05.2023.
Формат 60 × 84/8.
Усл. печ. л. 11.9 (12.75). Тираж 100. Заказ 58-Т.

Издательство (редакция) Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.